

ISSN 2073-8315

В Е С Н І К

Магілёўскага дзяржаўнага
ўніверсітэта
імя А.А. Куляшова

НАВУКОВА-МЕТАДЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца са снежня 1998 года

Серыя А. ГУМАНІТАРНЫЯ НАВУКІ
(гісторыя, філасофія, філалогія)

Выходзіць два разы ў год

2 (38)
2011

Галоўная рэдакцыйная калегія:

д-р філас. навук прафесар М.І. Вішнеўскі (галоўны рэдактар);
д-р гіст. навук прафесар Я.Р. Рыер (старшыня рэдакцыйнага савета серыі А);
канд. фіз.-мат. навук дацэнт Б.Д. Чабатарэўскі (нам. галоўнага рэдактара);
Л.І. Будкова (адказны сакратар)

Гісторыя:

д-р гіст. навук прафесар Я.Р. Рыер (Магілёў)
д-р гіст. навук прафесар М.С. Сташкевіч (Мінск)
д-р гіст. навук прафесар І.А. Марзалюк (Магілёў)
канд. гіст. навук дацэнт К.М. Бандарэнка (Магілёў)

Філасофія:

д-р філас. навук прафесар М.І. Вішнеўскі (Магілёў)
д-р філас. навук прафесар П.С. Карака (Мінск)
канд. філас. навук дацэнт В.У. Старасценка (Магілёў)
канд. філас. навук дацэнт А.В. Дзячэнка (Магілёў)

Філалогія:

д-р філал. навук прафесар В.І. Рагаўцоў (Магілёў)
д-р філал. навук дацэнт А.М. Макарэвіч (Магілёў)
д-р філал. навук прафесар Т.М. Валынец (Мінск)
канд. філал. навук дацэнт Т.Р. Міхальчук (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт В.В. Люкевіч (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт М.М. Караткоў (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт А.С. Лаўшук (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт С.А. Наскоў (Магілёў)

ЗМЕСТ

МИГУН Д.А. Планы Германии в отношении Восточной Европы в преддверие Второй мировой войны	4
ОПИОК Т.В. К вопросу о политике советского государства в отношении православной церкви в 1920 – 30-е гг. (по материалам архивов Могилевской области)	9
АНДРОСИК С.А. Политика США в отношении Ирана (1989 – 1997 гг.)	15
ИГНАТОВИЧ А.Е. Мусульманские организации Великобритании в условиях принимающего общества	20
ЗАБЛОЦКАЯ М.В. Взгляды А.П. Сапунова и В.К. Стукалича на историю Беларуси с древнейших времен до начала XIX в.	25
КЛИМУТЬ Л.Я. Законы для Индии Карла V	31
БУРАКОВА А.С. Экспозиционное отражение проблемы зарождения партизанского движения в годы Великой Отечественной войны в музеях Беларуси	37
ДОНСКИХ С.В. Современные социокультурные процессы в контексте “миросистемной теории”	44
СУХОВЕРХОВ А.В. Теория знаковых систем как основа общей теории памяти в живых и социальных системах	53
ЛАПШЫНА Т.В. Да пытання матываванасці беларускіх і англійскіх арнітонімаў	60
ПАПЕЙКО А.А. Авторская песня Елены Казанцевой: некоторые языковые особенности	65
ХОМЕНКО Е.В. Роль терминологических единиц в создании категории информативности в жанровых разновидностях англоязычного научного текста	75
ПЕСКОВА О.Б. Художественные интерпретации образа А. Гитлера в романах “Судьба другого” Э.Э. Шмитта и “Он” П. Бессона	82
МАРТЫНОВА О.М. Традиции немецкого народного театра в вокальной пьесе Гете “Клаудина де Вилла Белла”	87
РЭЦЭНЗІІ	
РАГАЎЦОЎ В.І. З адчуваннем мастацкага слова (Шур В. Уласнае імя ў мастацкім тэксце: манаграфія. – Мазыр: УА “МДПУ імя І.П. Шамякіна”, 2010. – 207 с.)	93
ЗВЕСТКІ ПРА АЎТАРАЎ	97
SUMMARIES	98

ІСТОРЫЯ, ФІЛАСОФІЯ, ФІЛАЛОГІЯ

УДК 327 (476: 430) (091) (043.3)

Д.А. МИГУН

ПЛАНЫ ГЕРМАНИИ В ОТНОШЕНИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ПРЕДДВЕРИЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье анализируются планы германских нацистов в отношении территории и населения Восточной Европы в ходе подготовки Второй мировой войны. Автор на основании новых, ранее малоизученных документов пытается раскрыть данную тему и прояснить планы Германии по завоеванию и покорению территории Беларуси и ее населения.

Введение

Из двух мировых войн самой жестокой была Вторая. Она принесла с собой небывалое столкновение различных социальных систем и потому не могла не сопровождаться грандиозным идеологическим противоборством. Война на Востоке Европы вылилась со стороны фашистской Германии в настоящую кровавую бойню, в войну на уничтожение по мировоззренческим, политическим и национальным мотивам, в сравнении с которой меркнут даже религиозные конфликты Средних веков. Во второй мировой войне решался вопрос и о перспективах самого капитализма, о том, какой облик он примет в будущем, сохранится ли у него способность развиваться в условиях демократии или он будет полностью либо частично фашизирован – со всеми вытекающими отсюда непредсказуемыми последствиями [1, с. 5]. Эта война была развязана и проводилась Германией под флагом “нового европейского порядка”.

Теория “жизненного пространства” стала основой нацистского представления о германском государстве и проникла в сферу внешнеполитического целеполагания.

Основная часть

Теория “жизненного пространства” (Lebensraum) представляла собой взаимообусловленный комплекс взглядов на будущее развитие Германии и всего человечества. Понятие “жизненное пространство”, как и многие другие понятия, наделяемые сверхрациональным смыслом, никогда не было точно определено, но, начиная со второго тома “Моя борьба” (1927 г.), это выражение постоянно употребляется А. Гитлером, а также в государственных внешнеполитических и экономических документах [2]. Если обобщить, то “лебенсraum” – это территория, которую занимает в данный момент то или иное общество, то или иное государство, его естественная среда, взятая им от природы. От качества территории зависит развитие государства, поэтому необходимо расширение его до “жизненного пространства”, в рамках которого государство могло бы наилучшим образом функционировать. В состав этого пространства должны входить все области, в которых имеется немецкое население, границы этого пространства должны иметь выгодное стратегическое расположение, должны быть обеспечены единство и полнота экономической жизни. В силу глобализации финансово-экономической жизни, которая имела место уже в 20 – 30-х гг. XX в., “немецкое

жизненное пространство”, согласно этому определению, могло охватить всю поверхность Земли и, естественно, затрагивало интересы других государств. Столкновения государств друг с другом – это борьба за “жизненное пространство”, ибо каждое государство должно быть геополитически обустроено.

Многочисленные факторы оказали влияние на выработку внешнеполитической концепции НСДАП. Поражение Германии в Первой мировой войне, ее послевоенное унижение стали, пожалуй, одним из наиболее главных обстоятельств, породивших нацизм, его теорию и практику. Однако необходимо отметить, что положенные в его основу теории и концепции были созданы еще в XIX в. и на рубеже столетий стали идеологическим обоснованием так называемого “натиска на Восток”, который был одной из главных составляющих внешней политики, проводимой правящими кругами вильгельмовской Германии в это время.

В середине XIX в. была создана расовая теория в виде вполне законченного и систематизированного учения, получившего политическую окраску и вызвавшего значительные политические последствия. Существенным элементом расовой теории был антиславизм. На рубеже веков в империи Габсбургов создаются многочисленные протестные движения, национал- и христианско-социальные, народные и антисемитские партобразования с антизападной, антисемитской и антиславянской направленностью. Будущий фюрер Третьего рейха также принадлежал к пангерманской националистической оппозиции правительственной политике.

Среди идейных вдохновителей этой оппозиции прежде всего следует назвать венских расовых теоретиков Г. фон Листа и Л. фон Либенфельса. Одно из основных положений их доктрины сводилось к тому, что высшая немецкая раса остро нуждается в защите от смешения с низшими расами. В целом враждебное отношение националистических пангерманских кругов Австро-Венгрии к славянам вытекало из их страхов перед растворением германского элемента в чужеродной массе немецких народов, из стремления самой Германии и немецкой части населения Дунайской монархии к весторонней экспансии в направлении Балканского региона.

На дальнейшее развитие нацистской идеологии и программы большое влияние оказали отдельные представители белой эмиграции из России, прежде всего А. Розенберг и М. Шойнер-Рихтер. Под их влиянием Гитлер пришел к убеждению, что еврейство и марксизм, в том числе и его русский вариант – большевизм – это одно и то же. В политическом отношении эта идея выразилась в стремлении защитить Германию от угрозы большевизма. Следующим шагом было то, что большевистская Россия заняла место первого и главного врага Германии. Новое восприятие России повлекло и изменение во внешнеполитической концепции Гитлера. Уже к осени 1922 г. она трансформировалась от более традиционного колониализма к континентальной экспансии за счет России.

В “Майн кампф” Гитлер сформулировал три основные причины, которые, по его мнению, делали необходимым захват восточных земель, и прежде всего территорий, принадлежащих Советскому Союзу. “Во-первых, приобретение этих земель было важно с хозяйственно-экономической точки зрения. И лидер нацистов акцентировал внимание на важности обеспечения каждого немца на 100 лет вперед достаточным количеством земли. Во-вторых, отношение Гитлера к СССР во многом основывалось на германских захватнических планах XIX в., которые на рубеже веков были систематизированы и обоснованы новой наукой – геополитикой. В-третьих, отношение Гитлера к СССР далеко не в последнюю очередь сформировалось под влиянием расовой теории” [2].

Идеология национал-социализма претерпевала постоянные изменения, особенно в период войны. В фашистской Германии имелось множество организаций, занимавшихся идеологическим и пропагандистским обеспечением европейской стратегии рейха.

Особая роль в формировании и реализации европейской идеологии нацизма принадлежала “империи” Розенберга, состоявшей не только из партийных, но и из правительственных учреждений. Розенберг, с его фанатичной приверженностью национал-социалистическому мировоззрению, еще в двадцатые годы приступил к философскому обоснованию европейской идеи национал-социализма и на этой основе разработал рекомендации в сфере внешней политики будущего третьего рейха.

Европейская концепция Розенберга исходила из необходимости достижения англо-германской сделки на почве полюбовного раздела мира, причем гитлеровской Германии досталась бы вся Европа, включая СССР, а Великобритании на первых порах гарантировалась бы целостность ее колониальной империи.

Накануне Второй мировой войны в рейхе возникла еще одна концепция, связанная с именем И. фон Риббентропа, – она покоилась на идее антибританского соглашения Германии, Италии и Японии. Розенберг призывал к антисоветскому походу всех европейских держав (разумеется, под германским руководством). Риббентроп же, учитывая остроту англо-германских противоречий, на первое место ставил борьбу с Великобританией и только после ее поражения полагал обещающим успех нападения на Советский Союз.

Гитлер, принимая во внимание стратегические реалии, сложившиеся в Европе и мире к концу 30-х гг., начал Вторую мировую войну не по розенберговским рецептам, а в соответствии с предложениями Риббентропа. Курс был взят на серию войн, в ходе которых нацисты намеревались расправиться сначала с Францией и Англией, а затем с СССР и установить на континенте свой “новый порядок”. При таких обстоятельствах восточноевропейские установки “империи” Розенберга подверглись в годы войны известной модификации.

Подписание советско-германского договора о ненападении, объявление войны Германии, последовавшее 3 сентября 1939 г. из Лондона и Парижа, – все это ввергло Розенберга в состояние шока. Ломалась вся его концепция. Смятение, тревога Розенберга тех дней отразили его дневниковые записи. “У меня такое ощущение, – отмечал он, касаясь советско-германского договора, – что этот московский пакт когда-нибудь отомстит национал-социализму... Как мы можем говорить еще о спасении и организации Европы, если вынуждены прибегать к помощи разрушающей Европу силы?” [1, с. 53].

Небольшим европейским странам не оставалось места в розенберговской схеме. При каждом удобном случае он не уставал повторять, что “малая нация нисколько не запятнает свою честь, если поставит себя под защиту великого народа и великого рейха”, а один из сотрудников Розенберга в начале июня 1940 г. прямо заявил: “Для либеральных малых государств в нынешней Европе места не осталось. Поэтому война должна решить вопрос... о новой организации европейского пространства” [1, с. 59].

Итак, в 1940 г. европейская концепция Розенберга предусматривала создание великопространственного комплекса под германским руководством в составе Северной, Центральной и Юго-Восточной Европы с возможностями дальнейшего расширения во все стороны.

Со второй половины 1940 г. гитлеровское командование приступило к конкретному оперативно-стратегическому планированию войны против Советского союза. Нападение на СССР, по мнению немецкого командования, сулило успех только в том случае, если бы удалось молниеносно разгромить Советскую армию еще до того, как Англия, а также США развернут широкие действия против Германии [3, с. 125]. “Если Россия будет разбита, – говорил Гитлер, – у Англии исчезнет последняя надежда. Тогда господствовать в Европе и на Балканах будет Германия. Вывод: на основании этого заключения Россия должна быть ликвидирована” [3, с. 143].

Важное влияние на принятие Гитлером и его советниками решения о нападении на Советский союз оказала их уверенность в быстром разгроме Советской армии еще до образования Второго фронта в Западной Европе. Эта уверенность основывалась на непомерно разросшемся у них чувстве превосходства вермахта в результате его быстрых побед над армиями западноевропейских стран.

На совещании в Бергхофе 31 июля 1940 г. Гитлер впервые заявил руководителям армии о своем решении напасть на Россию [4, с. 820]. Генерал Франц Гальдер, присутствовавший на этом заседании, отмечал в своем дневнике, что Гитлер сказал о том, что “операция будет иметь смысл только в том случае, если мы одним стремительным ударом разгромим все государство целиком. Только захвата какой-то части территории недостаточно” [4, с. 820]. Гитлер решил, что он сразу же аннексирует Украину, Белоруссию и Прибалтику, а территорию Финляндии расширит до Белого моря. Для проведения кампании на Востоке он выделит 120 дивизий, оставив 60 дивизий для обороны на Западе и в Скандинавии. Наступление планировалось начинать в мае 1941 г, для полного же осуществления кампании потребуется до пяти месяцев. К зиме она должна завершиться.

В планировании войны Германии против СССР ведущее место занял генеральный штаб сухопутных войск вермахта во главе с его начальником генерал-полковником Ф. Гальдером.

На следующий день, 1 августа, Гальдер с офицерами генерального штаба приступил к разработке планов новой операции. Теперь планирование шло с типичной немецкой тщательностью на трех уровнях: на уровне генерального штаба сухопутных войск, в штабе оперативного руководства Верховного главнокомандования вооруженных сил Германии (ОКВ) во главе с генералом А. Йодлем и в секторе экономики и вооружений ОКВ под руководством генерала Томаса [4, с. 820].

В основу планирования войны против Советского Союза было положено требование максимально быстрого, молниеносного разгрома его вооруженных сил, до того как Англия и Соединенные Штаты сумеют прийти им на помощь [3, с. 129].

18 декабря 1940 г. Гитлер издал директиву № 21. Операция получила наименование “Барбаросса”. В соответствии с этим документом нападение назначалось на середину мая будущей весны.

Общий замысел операции “Барбаросса” Гитлер определил следующим образом: “Основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в Западной России, должны быть уничтожены в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев. Отступление боеспособного противника на широкие просторы России должно быть предотвращено. Конечной целью операции являлось создание заградительного барьера против Азиатской России по общей линии Волга – Архангельск” [3, с. 833]. Планировалось создать на этой

линии условия немецким ВВС для воздействия на советские промышленные центры на Урале [5, с. 97].

Границей главных операций, по мнению Гитлера, должны были стать Припятские болота. Основной удар предполагалось нанести к северу от болот двумя группами армий. Одна группа армий будет наступать через прибалтийские государства на Ленинград; другая группа армий – через Белоруссию, затем повернет на север, чтобы соединиться с первой группой. Таким образом, остатки советских войск, которые попытаются отступить из Прибалтики, окажутся в западне [3, с. 149-150]. Только после этого будет предпринято наступление на Москву. Захват этого города, – писал он, – означает решающую политическую и экономическую победу, не говоря уже о падении самого важного железнодорожного узла страны.

Задача германских ВВС заключалась в срыве противодействия советской авиации и поддержке собственных наземных войск на решающих направлениях, особенно на фронте центральной группы армий и главном направлении южной группы армий [5, с. 98].

План операции “Барбаросса” был рассчитан только на молниеносную войну, в чем, как потом выяснилось, и заключалась его порочность. Разработчики этого плана, несмотря на свой высокий профессионализм, изначально допустили недооценку противника и полностью пренебрегли возможностью перерастания быстротечной войны в затяжную.

Таким образом, с подписанием директивы № 21 была завершена разработка общего плана войны Германии против СССР.

Заключение

- в Германии с приходом к власти фашистов было создано несколько партийных структур, занимавшихся вопросами внешней политики и претендовавших в этой области на роль “первой скрипки”;
- понятие “жизненного пространства” (Lebensraum) представляло из себя взаимообусловленный комплекс взглядов на будущее развитие Германии и всего человечества, оно стало основой нацистского представления о германском государстве и проникло в сферу внешнеполитического целеполагания;
- идеология национал-социализма претерпевала постоянные изменения, особенно в период войны, а сами представления нацистских теоретиков о “новой Европе” отнюдь не представляли собой одну-единственную концепцию, прочный монолит, как было принято считать прежде;
- особая роль в формировании и реализации европейской идеологии нацизма принадлежала “империи” Розенберга, состоявшей не только из партийных, но и из правительственных учреждений;
- европейская концепция Розенберга исходила из необходимости достижения англо-германской сделки на почве полюбовного раздела мира, причем гитлеровской Германии досталась бы вся Европа, включая СССР, а Великобритании на первых порах гарантировалась бы целостность ее колониальной империи;
- Гитлер, принимая во внимание стратегические реалии, сложившиеся в Европе и мире к концу 30-х гг., начал Вторую мировую войну не по розенберговским рецептам, а в соответствии с предложениями Риббентропа;

- со второй половины 1940 г. гитлеровское командование приступило к конкретному оперативно-стратегическому планированию войны против Советского Союза;
- в основу планирования войны против Советского Союза было положено требование максимально быстрого, молниеносного разгрома его вооруженных сил, до того как Англия и Соединенные Штаты сумеют прийти им на помощь;
- с подписанием директивы № 21 была завершена разработка общего плана войны Германии против СССР.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Буханов, В.А.** Гитлеровский “новый порядок” в Европе и его крах. 1939 – 1945: Идеино-политические проблемы / В.А. Буханов ; под ред. А.И. Борозняк. – Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 1994. – 165 с.
2. **Гитлер, А.** Моя борьба / А. Гитлер // Политическая библиотека [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа : <http://web.archive.org/web/20070123013917/lib.ru/politolog/ae/putx.txt>. – Дата доступа : 17.10.2009.
3. “Совершенно секретно! Только для командования!” Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы / сост. В.И. Дашичев. – М. : Наука, 1967. – 752 с.
4. **Ширер, У.** Взлет и падение Третьего рейха / У. Ширер. – М. : Эксмо, 2003. – 928 с.
5. Великая Отечественная война. 1941 – 1945. Военно-исторические очерки: в 4 кн. / под ред. В.А. Золотарева. – М. : Наука, 1998. – Кн. 1: Суровые испытания / ред. В.А. Золотарев [и др.]. – 1998. – 544 с.

Поступила в редакцию 26.02.2010 г.

УДК 281.9 (091) (476)

Т.В. ОПИОК

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИКЕ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ОТНОШЕНИИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В 1920 – 30-е гг. (по материалам архивов Могилевской области)

В статье на основе анализа документов государственных архивов Могилевской области, а также некоторых других документальных источников анализируются меры и последствия экономического и идеологического давления на православную церковь в БССР в 1920 – 1930-е гг.

Введение

Положение Русской православной церкви в дореволюционной России определялось не только ее численным превосходством над другими конфессиями, духовным и научным потенциалом, но и, в значительной степени, имевшимися в ее распоряжении материальными средствами и, безусловно, покровительством и поддержкой государственной власти.

Материальные богатства православной церкви были весьма значительными и включали, прежде всего, церковные и монастырские земли с находившимися

на них домами, дворами и подворьями, хозяйственными строениями, постоянными дворами, лавками, харчевнями, лесами, сенокосами и т.д. По данным Св. Синода и Центрального статистического комитета, в 1900 г. в европейской России православным церквям принадлежало около 1 696 558 десятин земли. Монастыри владели 451 971 десятиной удобной и 69 839 неудобной земли [1, с. 28-29]. Только в Могилевской губернии за период с 1877 по 1905 г. земельные владения церкви выросли с 27 430 до 30206 десятин, а монастырские – с 3 717 до 6 192 десятин. За это же время личные частные владения православного духовенства увеличились в 1,17 раза и составили 3 583 десятины при среднем размере владения в 51,2 десятины по губернии и 58 десятин по Могилевскому уезду [2, с. 35, 42].

Следует иметь в виду, что православная церковь располагала и другими богатствами. К их числу следует отнести редчайшие предметы старины, книги, иконы, дарохранительницы, подсвечники, раки для святых мощей, митры, облачения и т.д. Св. Синод, иерархи и многие монастыри обладали большими капиталами. Капиталы Св. Синода с 1851 г. по 1891 г. выросли с 4 089 553 до 11 650 211 рублей, а капиталы Духовно-училищной комиссии – с 17 769 650 до 25 956 485 рублей.

Кроме того, около 1,5% государственного бюджета Российской империи направлялось на субсидии православной церкви. И если процент отчислений во второй половине XIX в. практически не менялся, в абсолютном выражении суммы субсидий выросли. Для сравнения: в 1850 г. они составляли 3 804 299 рублей, а в 1897 г. – уже 19 805 700 рублей [3, с. 256-257].

Основная часть

После Октябрьской революции государственно-конфессиональные отношения принципиально изменились, что привело к существенным изменениям в положении всех конфессий, в том числе православной. Наступление на православную церковь в 1920 – 1930-х гг. осуществлялось по трем основным направлениям: идеологическому, экономическому и посредством вмешательства во внутрицерковную жизнь. Политическое руководство страны рассматривало православную церковь как идеологического противника, располагающего значительным экономическим потенциалом, и последовательно не только минимизировало пропагандистские возможности духовенства, но и осуществляло целый комплекс мер, максимально ограничивающих экономическую и хозяйственную деятельность церкви.

Уже 25 октября 1917 г. в соответствии с декретом “О земле” в перечень безвозмездно отчуждаемых и обращаемых “во всенародное достояние” были включены монастырские и церковные земли [4, с. 25]. С января 1918 г. прекращалась выдача государственных средств на содержание церкви. Службы в церквях могли продолжаться в случае, если верующие ходатайствовали об этом и брали на себя обязательства по их содержанию [5, с. 13]. Церковные и религиозные общества лишались права собственности и прав юридического лица. Передача им в пользование зданий и принадлежностей осуществлялась по особым постановлениям органов центральной или местной власти [6, с. 5-6]. Ограничивалось и землепользование священнослужителей. По закону они могли получить только землю, которую обрабатывали. Однако в случае, если на землю одновременно претендовали священнослужитель и сельский житель, последний имел преимущество [7, с. 2].

В 1920 – 1930-е гг. при закрытии церквей местные власти широко использовали формулировки: “для культурных нужд населения”, “на основании ходатайства населения”, нередко ссылались на ветхость зданий. Так, в списке культовых зданий города Могилева, подлежавших в 1930 г. обязательному страхованию, названы восемь церквей: Могилевский собор, церковь Трех Святителей, Троицкая, Воскресенская, Успенская, Петропавловская, Николаевская и Покровская. При каждой из них действовала кладбищенская церковь [8, л. 7]. Но уже в 1934 г. Могилевский собор был закрыт и передан под клуб рабочим хлебозавода, церковь Трех Святителей – железнодорожникам, Воскресенская – под клуб “Красный механик” [9, с. 119].

16 апреля 1936 г. Могилевский райисполком, ссылаясь на ходатайство населения Браковского и Польшковичского сельских советов, передал местные церкви “на культурные нужды” [10, л.132]. Могилевский горсовет в постановлении № 137 от 7 мая 1936 г. предписывал закрыть Покровскую церковь, передав одну часть ее имущества “заинтересованным организациям”, а другую – Могилевскому РАЙФО для реализации.

В 1938 г. была закрыта и перепрофилирована “для культурных нужд населения” церковь в деревне Княжицы. Президиум Могилевского райисполкома ссылался на решение общего собрания с участием 1479 жителей, 1250 из которых потребовали закрыть церковь [11, л. 10]. 8 июля 1939 г. со ссылкой на ветхость были закрыты церкви на Луполовском кладбище. Насколько реальной была ветхость, можно судить по тому, что помещения церквей передавались Могилевскому отряду ПВО под склад [12, л. 72].

Существенно ослабили экономические позиции православной церкви и кампании 1920 – 1930-х гг., связанные с конфискацией церковного имущества. Первая из них проводилась в пользу голодающих в 1922 г. Вторая – во время хлебозаготовительного кризиса 1928 г. и последующей коллективизации. В первой половине 1930-х гг. осуществлялось изъятие и переплавка колоколов для обеспечения цветными металлами промышленности и транспорта. Только для оказания помощи голодающим, по сведениям Центральной Белорусской комиссии, у церкви было конфисковано более 21 золотника золота, 30 пудов серебра, 45 бриллиантов (29-32 карат), более 33 фунтов медных монет, 52 драгоценных камня [13].

Действенным средством экономического давления на православную церковь в 1920 – 1930-е гг. являлась и налоговая политика. В Государственном архиве Могилевской области находится декларация священнослужителя П.Т. Януковича. В 1930 г. он переехал в д. Голени Могилевского района из Киево-Печерской лавры. Поскольку приход был отнесен к числу зажиточных, он облагался налогами. За год П.Т. Янукович должен был заплатить 871 рубль налогов. При этом его годовой доход составлял всего 360 рублей [14, л. 23].

В соответствии с постановлением ЦИК БССР “О порядке обложения денежными налогами служителей культа и молитвенных зданий” (1937 г.), священнослужители приравнивались к лицам, имеющим нетрудовые доходы. В 1937 г. (до закрытия) Польшковичская церковь Могилевского района выплатила 185 рублей земельной ренты и 104 рубля 88 копеек налога за здание; Княжицкая церковь – 17 рублей 7 копеек и 835 рублей 8 копеек; Браковская – 17 рублей и 145 рублей 2 копейки [14, л. 3-4].

Победа социализма связывалась в теории и практике правящей большевистской партии в том числе и с утверждением в сознании трудящихся марксист-

ко-ленинской идеологии, а следовательно, с преодолением религиозно-идеалистического мировоззрения. При этом в программных документах партии, законодательных актах, решениях съездов, конференций и собраний партийных, комсомольских, профсоюзных и других общественных организаций не только декларировалась несовместимость научно-материалистического мировоззрения и религии, но и признавалось право граждан на свободу вероисповедания, недопустимость каких бы то ни было преследований на религиозной почве. Однако процесс претворения в жизнь идеологии марксизма-ленинизма в отношении религии был противоречивым и неоднозначным. Чаще всего руководством к действию для властей всех уровней служил тезис о том, что «всякая попытка контрреволюционной пропаганды под видом религиозной проповеди должна пресекаться» [15, с. 114].

Важное место в борьбе «по чистке интеллекта взрослых, а особенно подрастающего поколения от религиозных предрассудков» отводилось антирелигиозной пропаганде [16, с. 83]. Уже в первой половине 1920-х гг. планомерная и настойчивая пропаганда атеизма проводилась в школах для взрослых, воскресных университетах, кружках, клубах. Особое значение власти придавали антирелигиозной пропаганде среди подрастающего поколения. Примером может служить задача, поставленная в апреле 1924 г. властями Мстиславского района Могилевской губернии перед руководителями школ и уполномоченными народного образования волостей: «Школьным работникам, в большинстве случаев, единственным культурным силам в деревне, надлежит стремиться изжить религиозные предрассудки среди населения и воспитать в этом духе и посещающих школу детей» [17, л. 71].

С 1925 г. антирелигиозное движение было организовано во всесоюзном масштабе посредством объединения всех атеистически настроенных сил в «Союз безбожников», переименованный в 1929 г. в «Союз воинствующих безбожников» (СВБ). В соответствии с постановлением ЦК КП(б)Б в БССР Бюро по созданию СВБ было образовано 30 марта 1926 г. К 1932 г. республиканский Союз объединял 217, 2 тысяч человек, в том числе 102 тысячи юных безбожников [16, с. 274; 18, с. 175].

Могилевское окружное Бюро Союза «Безбожник» было создано 27 марта 1926 г. Решением коллегии агитационно-пропагандистского отдела Могилевского окружного комитета КП(б)Б в его состав были включены: «от Партшколы – тов. Переход, от Польсекции – тов. Клеер-Гейне, от ОК – тов. Вацлавский, от Подива 33 – тов. Суриков, от Евсекции – тов. Буников» [19, л. 15].

В первое время работа окружного совета «Безбожник» велась слабо, в том числе и вследствие недостаточного внимания к ней со стороны райкомов партии. Только с лета 1926 г. стали создаваться новые ячейки СВБ в городе Могилеве, начали работу два антирелигиозных семинара. В октябре 1926 г. Могилевский окружной комитет КП(б)Б, определяя направления антирелигиозной работы, обратил внимание на необходимость усиления этой работы в городе и особенно в деревнях. Ставилась задача обеспечения городских и сельских кружков программами и литературой. Подчеркивалась необходимость учета всех «антирелигиозных сил» города Могилева и районов с тем, чтобы привлечь их к руководству кружками и к лекторской работе [20, л. 183]. К концу 1920-х гг. в Могилевском округе было создано около 80 ячеек СВБ, в том числе 20 в городе и 60 – в деревнях. Могилевский районный совет СВБ на 15 июня 1929 г. состоял из 48 ячеек: 17 производственных,

17 школьных, 6 воинских, 8 юных безбожников (пионерские отряды при организациях).

Подготовкой руководителей кружков и лекторов занимались специально созданные одногодичные семинары при педагогическом техникуме и политпросветтехникуме, а также семинар с четырехмесячной программой занятий при агитационно-пропагандистском кабинете. Вопросы антирелигиозной пропаганды были включены и в программы курсов партийного актива и сельских учителей. Для облуживания антирелигиозных кампаний, проведения диспутов, чтения лекций в городе Могилеве было организовано лекторское бюро в составе 50 «пропагандистов-антирелигиозников» [21]. Кроме работы курсов, кружков, семинаров, чтения докладов и лекций в Могилевском округе по указанию Центрального Совета СВБ БССР проводился сбор средств на строительство подводной лодки «Воинствующий безбожник». С этой целью местными ячейками была организована продажа специальных марок [22, л. 2].

В справке в отдел пропаганды и агитации ЦК КП(б)Б от 24.04.1929 г. «О состоянии антирелигиозной работы в Могилевском округе» приводятся данные и об исследовательской работе по состоянию сектантского движения и о подготовке книги по этой проблематике работниками политпросветтехникума. Представитель журнала «Антирелигиозник» по Могилевскому округу, комсомольские и профсоюзные организации занимались распространением атеистической литературы. Всего в 1928 – начале 1929 г. было закуплено и разослано по городу Могилеву и районам атеистической литературы на 800 рублей.

На радио, в газете «Коммунар Могилевщины» приводились материалы о смотрах антирелигиозной работы, лучших организациях и выступлениях активистов СВБ. В связи с 15-летием СВБ Бюро Могилевского обкома КП(б)Б 13 мая 1940 г. приняло специальное постановление (с грифом строго-секретно), обязывающее включиться в активную антирелигиозную работу советские, комсомольские, профсоюзные организации, учителей, врачей, агрономов, научных работников. Горкомам и райкомам партии предлагалось рассмотреть отчеты о работе советов СВБ на ближайших заседаниях [23]. По неполным данным, к концу 1930-х гг. в Могилевской области насчитывалось 529 ячеек СВБ (17028 человек), в городе Могилеве – 100 ячеек (6208 человек) [24, л. 17-18].

Вместе с тем анализ протоколов Бюро Могилевского обкома КП(б)Б, отдела пропаганды и агитации, протоколов ячеек СВБ свидетельствует о том, что и в 1920-е, и в 1930-е гг. антирелигиозная работа была организована и проводилась недостаточно последовательно и эффективно. Она, как правило, активизировалась накануне отчетно-выборных кампаний, перед религиозными праздниками или в связи с признанием ее слабой и неудовлетворительной.

В справке «О состоянии антирелигиозной пропаганды в Могилевской области», подготовленной к заседанию Бюро обкома партии (1939 г.), констатировалось, что «состояние антирелигиозной работы в области крайне неудовлетворительное». К заседанию были проверены организации СВБ в Кричевском, Климовичском, Дрибинском, Осиповичском, Горецком, Чаусском, Хотимском, Краснопольском и Могилевском районах, гг. Могилеве и Бобруйске [24, л. 16-18].

Среди характерных для антирелигиозной пропаганды в целом недостатков в документах архивов чаще других называются формализм в работе руководства, нерегулярное проведение заседаний райсоветов СВБ, отсутствие актива и учета

членства в ячейках. Отмечается также, что лекции и доклады на антирелигиозные темы читались преимущественно накануне религиозных праздников, а контроль за их уровнем осуществлялся слабо. Недостаточно активно велась работа непосредственно на предприятиях, в организациях и колхозах.

Заключение

Таким образом, самый общий анализ советского законодательства, регулирующего политику государства в отношении православной церкви, а еще в большей степени анализ основных направлений правоприменительной практики местных органов власти в 1920 – 1930-х гг. в целом в БССР и на Могилевщине в частности позволяют сделать вывод о том, что в результате реализации на практике советской модели конфессиональной политики экономические основы православной церкви были фактически подорваны. Усиливающееся идеологическое давление и антирелигиозная пропаганда, дополненная репрессиями, также способствовали тому, что как социальный институт православная церковь фактически перестала существовать. Перед войной в БССР остались лишь две действующие церкви.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Шавельский, Г.** Русская церковь пред революцией / Г. Шавельский. – М. : Артос-Медиа, 2005. – 510 с.
2. Статистика землевладения 1905 г. Выпуск XIII. – Могилевская губерния / Центральный статистический комитет МВД. – С.-Петербург, 1906. – 50 с.
3. **Назаров, А.А.** Экономика и религия Российской империи / А.А. Назаров. – М. : Парадиз, 2006. – 287 с.
4. **Ленин, В.И.** Полное собрание сочинений : в 55 т. / В.И. Ленин. – 5-е изд. – М. : Политиздат, 1974. – Т. 35. – 599 с.
5. **Калинин, В.Н.** Советское законодательство о свободе совести и религиозных организациях / В.Н. Калинин. – Москва : Политиздат, 1989. – 64 с.
6. Научно-справочная библиотека Государственного архива Могилевской области (ГАМО) // Сборник законов СССР. – 1924. – № 8 (31 августа).
7. Научно-справочная библиотека ГАМО // Сборник законов СССР. – 1925. – № 7 (3 марта).
8. Государственный архив Могилевской области (ГАМО). – Фонд 54. – Оп. 1. – Д. 13.
9. **Пушкін, І.А.** Як зачынялі цэрквы ў Магілёве / І.А. Пушкін // Магілёўская даўніна. – 1996. – С. 17-21
10. ГАМО. – Фонд 219. – Оп. 1. – Д. 172.
11. ГАМО. – Фонд 9. – Оп. 1. – Д. 212.
12. ГАМО. – Фонд 11. – Оп. 1. – Д. 132.
13. См.: Канфесіі на Беларусі (к. XVIII – XX ст.) / В.В. Грыгор'ева [і інш.] ; навук. рэд. У.І. Навіцкі. – Мінск : Экаперспектыва, 1998. – С. 159–163, 168–171; **Поспеловский, Д.В.** Русская православная церковь в XX веке / Д.В. Поспеловский. – Москва, 1995. – С. 163; **Янушэвич, И.И.** Партийно-государственные структуры, религия, церковь (1917 – 1928 гг.) / И.И. Янушэвич // Гісторыя: праблемы выкладання. – 2000. – № 2. – С. 49.
14. ГАМО. – Фонд 54. – Оп. 1. – Д. 10.
15. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК : в 15 т. / под общ. ред. А.Г. Егорова, К.М. Боголюбова. – М. : Политиздат, 1983. – Т. 2. – 606 с.
16. Русская православная церковь и коммунистическое государство (1917 – 1941). Документы и фотоматериалы / Институт Российской истории РАН ; под общ. ред. Я.Н. Щапова. – Москва : Издательство Библейско-Богословского Института св. апостола Андрея, 1996. – 352 с.
17. ГАМО. – Фонд 129. – Оп. 1. – Д. 15.
18. Канфесіі на Беларусі (к. XVIII – XX ст.) / В.В. Грыгор'ева [і інш.] ; навук. рэд. У.І. Навіцкі. – Мінск : Экаперспектыва, 1998. – 340 с.

19. Государственный архив общественных объединений Могилевской области (ГАООМО). – Фонд 6577. – Оп. 1. – Д. 417.
20. ГАООМО. – Фонд 6577. – Оп. 1. – Д. 148.
21. См.: ГАООМО. – Фонд 6577. – Оп. 1. – Д. 850. – Л. 26; ГАМО. – Фонд 131. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 221.
22. ГАМО. – Фонд 131. – Оп. 1. – Д. 3.
23. См.: ГАООМО. – Фонд 6577. – Оп. 1. – Д. 850. – Л. 26; Фонд 9. – Оп. 1а. – Д. 146. – Л. 118.
24. ГАООМО. – Фонд 9. – Оп. 4а. – Д. 42.

Поступила в редакцию 16.03.2010 г.

УДК 327(73)

С.А. АНДРОСИК

ПОЛИТИКА США В ОТНОШЕНИИ ИРАНА (1989 – 1997 гг.)

В данной статье рассматривается внешняя политика США в отношении Ирана. Анализируются отношения республиканской и демократической администраций, преемственность внешнеполитического курса США в отношении Ирана. Хронологические рамки работы охватывают срок нахождения у власти президента Исламской Республики Иран Али Акбара Хашеми-Рафсанджани.

Введение

Сегодня Иран является государством, занимающим важное геополитическое положение, обладающим большими запасами стратегически значимых полезных ископаемых, большими человеческими ресурсами и имеющим мощный военный и экономический потенциал.

Иран занимает территорию в 1648 тыс. кв. км, это самое большое по площади государство на Ближнем и Среднем Востоке (более чем в два раза превышающее площадь Турции), имеющее выходы к морям (1/3 границ Ирана морские). Это облегчает экономические связи Ирана со многими странами мира. По запасам нефти, разведанные запасы которой составляют 8 млрд т, Иран занимает одно из первых мест в мире [1, с. 4]. В конфессиональном плане большинство иранского населения – мусульмане-шииты, но значительная часть населения, сохраняющая еще племенной уклад жизни (курды, туркмены), а также арабы исповедует суннизм [1, с. 4-7]. Любая дестабилизация обстановки в регионе Персидского залива может негативно сказаться на этноконфессиональной ситуации в самом Иране и создать угрозу территориальной целостности страны.

Основная часть

После исламской революции в Иране 1979 г., сопровождавшейся драматическим захватом посольства США в Тегеране, дипломатические отношения между двумя государствами были прерваны. Во время ирано-иракской войны (1980 – 1988 гг.) США активно поддерживали Багдад, поставляя Ираку различные виды вооружений.

Время правления Рафсанджани (1989 – 1997 гг.) совпало с кардинальными изменениями в мировой политике. Он положил начало отношениям Ирана с центрально-азиатскими и закавказскими республиками бывшего СССР, выстраиванию

новых отношений с Арабским миром. Рафсанджани стал первым президентом Ирана, покинувшим пост по истечении полномочий. Он использовал авторитет и денежные средства Ирана для освобождения американских заложников в Ливане, а с началом войны в Заливе (1990 – 1991 гг.) занял позицию позитивного нейтралитета и не пытался усложнить действия коалиции во главе с США. Однако с точки зрения американской администрации поведение Ирана было неоднозначным: с одной стороны, Рафсанджани заявлял о готовности восстановить нормальные отношения с США в случае их отказа от “враждебной политики в отношении Ирана”.

В то же время Тегеран активно препятствовал переговорному процессу на Ближнем Востоке, тогда как стабилизация в этом регионе являлась приоритетным направлением внешней политики администрации Дж. Буша-старшего. Иранская позиция проявилась особенно очевидно во время Мадридской конференции в октябре 1991 г., когда в Тегеране прошла контрвстреча радикальных государств и политических групп, выступавших против ближневосточных переговоров.

США активно использовали в своей политике ирано-саудовские противоречия. Они обострились из-за претензий руководителей Ирана, последователей курса имама Хомейни на главенствующую роль не только среди шиитов (как это было и ранее до победы исламской революции в Иране в 1979 г.), но также и среди мусульман-суннитов и вообще мусульман всего мира. А это уже прямой вызов королю Саудовской Аравии, который почитается как хранитель двух главных святынь ислама [2, с. 22]. В 90-е, используя военно-политическую напряженность в регионе, связанную с “кувейтским кризисом” и откровенно агрессивно настроенным режимом в Тегеране, США существенно нарастили свое военное присутствие в странах ССАГПЗ (Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива). Проведение операции по освобождению Кувейта дало новый толчок для расширения американского военного присутствия на Ближнем Востоке. По мнению З. Бжезинского, захват Кувейта Ираком угрожал очень важным стратегическим интересам Запада – притоку нефти по сходной цене и безопасности прозападных арабских режимов. В связи с этим З. Бжезинский настаивал на военной акции против агрессора [3, с. 20].

В силу заключенных после “Бури в пустыне” (операция многонациональных коалиционных сил по прекращению агрессии Ирака в отношении Кувейта под руководством США в 1991 г.) договоренностей американцы получили права фактически бессрочного размещения своих вооруженных сил в ряде стран региона (Кувейт, Саудовская Аравия) [4, с. 75].

В 1992 г. Совет национальной безопасности США рассматривал возможность изменения политики в отношении Ирана. При этом в качестве одного из вариантов обсуждалась возможность “конструктивного взаимодействия” с Ираном путем выборочного снятия санкций [5, с. 86]. Однако в это время против Ирана были выдвинуты обвинения во взрыве израильского посольства в Буэнос-Айресе и в убийстве курдских лидеров в Берлине (соответственно, в марте и сентябре 1992 г.). Одновременно директор ЦРУ Роберт Гейтс заявил конгрессу, что Иран может получить ядерное оружие к 2000 г. Не сумев уяснить для себя фактическую позицию иранского руководства, американская администрация не стала принимать по поводу Ирана никаких новых решений. Позднее конгресс принял закон, запрещающий поставки в Иран и Ирак любых товаров и технологий, которые могли бы использоваться для создания там дестабилизирующего конвенционального и неконвенционального оружия. Законом предусматривались санкции против стран-нарушителей и их компаний [5, с. 83].

Приход к власти в США демократической администрации Б. Клинтона ознаменовался попытками переосмысления целей и задач американской внешней политики. Приоритетным было развитие партнерских и союзнических отношений с наиболее важными для США в политическом, военном, экономическом отношении режимами Персидского залива.

Однако администрация Б. Клинтона продолжила жесткий курс в отношении Ирана и Ирака и осуществляла стратегию “двойного сдерживания”. Ее главной целью было обеспечение международной изоляции этих стран и предотвращение их попыток осложнить обстановку в регионе. Предполагалось оказать на Иран и Ирак давление, чтобы заставить их руководствоваться в своей политике нормами международного права, что соответствовало американским интересам.

Линию администрации Б. Клинтона подрывало одно важное обстоятельство: США продолжали оставаться крупнейшим торговым партнером Ирана. В 1995 г. Б. Клинтон издал распоряжение, запрещавшее американским компаниям вести дела с этой страной. В конгрессе большинством обладали республиканцы, традиционные сторонники более жесткого, бескомпромиссного политического курса; администрация находилась под их сильным давлением. Если бы президент не принял решение о запрете сам, оно, скорее всего, все равно было бы проведено конгрессом.

В то же время часть американского делового сообщества выступала против прекращения экономических отношений: распоряжение Б. Клинтона сорвало крупные сделки нефтяному конгломерату Сопосо и концерну Boeing. Иран заинтересован в транспортировке каспийской нефти через свою территорию, а также для внутреннего ее потребления в северных районах страны. Реализация этих проектов помогла бы Ирану значительно обогатиться экономически и стать крупной региональной силой [6, с. 233-234]. США попытались заручиться поддержкой европейцев, чтобы придать санкциям международный характер, но получили жесткий отказ. Европа согласилась лишь не передавать Ирану ядерные технологии. В этой ситуации Иран обратился к России и КНР, где подобные технологии имелись [7, с. 156].

Вашингтон в отношении Тегерана последовательно проводит политику угроз и экономических санкций. Среди причин противостояния США и Ирана можно выделить идеологические, политические и экономические.

1. После исламской революции 1979 г. шиитская теократия Ирана идеологически противопоставила себя капиталистической либеральной демократии США. Демонстрируя категорическое неприятие западных ценностей, исламский Иран устами своего духовного лидера имама Хомейни объявил Соединенные Штаты “врагом номер один” и “большим сатаной”. Противопоставляя себя Западу и делая упор на свою шиитскую исключительность, Иран избрал внешнеполитический курс, направленный на распространение идей исламской революции во всем мире.

В свою очередь, США объявили Иран государством, поддерживающим мировой терроризм. Американцы утверждают также, что за счет иранских фондов осуществляется поддержка таких исламских организаций, как “Хизбалла”, “ХАМАС” и др.

Идеологическое противостояние сторон проявляется и в диаметрально противоположных взглядах на решение ближневосточного конфликта. Иран официально заявляет о поддержке палестинцев и не признает легитимность существования Израиля. США, в свою очередь, считают Израиль своим ключевым внешнеполитическим партнером на Ближнем Востоке.

2. К политическим причинам противостояния США и Ирана следует отнести иранское “ядерное досье” и региональное соперничество государств.

Подозревая Иран в разработке ядерного оружия, США пытаются добиться его международной изоляции. Основная цель американцев не допустить получения Ираном военных ядерных технологий. Для этого задействован международный механизм экономических санкций против Ирана. Вашингтон претендует на лидерство в зоне Персидского залива, на Ближнем и Среднем Востоке. Этим обуславливается их противостояние в государствах Центральной Азии и Ираке.

С момента распада СССР вовлечение закавказских и центральноазиатских государств – участников СНГ (Содружество Независимых Государств) в орбиту своего влияния стало одним из приоритетов как для Белого дома, так и для Тегерана. Ради достижения этой цели Вашингтон активно развивает военно-техническое сотрудничество в рамках НАТО с Азербайджаном, Грузией, Кыргызстаном, Казахстаном.

Активно реализуются многочисленные программы двустороннего сотрудничества с указанными странами, которыми предусмотрены подготовка военных кадров, реформирование оборонной системы, поставка военной техники и вооружений. Таким образом, США рассчитывают не только усилить свое влияние в регионе, присвоив себе роль единственного гаранта стабильности и безопасности в Центральной Азии, но и существенно ослабить роль Ирана в регионе.

3. Наиболее важной в многолетнем конфликте между Вашингтоном и Тегераном является экономическая причина – борьба за энергоресурсы. Иран занимает четвертое место в мире среди экспортеров нефти [8, с. 1]. Основой же внешней политики Соединенных Штатов с учетом громадных потребностей ее экономики в энергоресурсах и непрерывно растущих мировых цен на нефть и газ стало стремление Вашингтона установить максимальный контроль над мировыми энергоресурсами.

В американской энергетической дипломатии в качестве инструмента нередко используются различные санкции в отношении тех стран, которые проводят политику, не соответствующую интересам Америки, или создают, по мнению США, угрозу общепринятым демократическим принципам или международной безопасности. В частности, это могут быть нарушение прав человека, террористическая деятельность, участие в наркобизнесе, опасность распространения ядерного оружия, использование труда заключенных и т.д. За 1993 – 1997 гг. в Соединенных Штатах было принято более 60 законов и актов органов исполнительной власти с экономическими санкциями для достижения внешнеполитических целей. Большинство этих документов имели энергетическую подоплеку [9, с. 83]. Часть этих санкций была направлена против Ирана.

Одной из наиболее сильно повлиявших на отношения США и Ирана санкций можно назвать “закон д’Амато-Кеннеди о санкциях против иностранных компаний, участвующих в финансировании нефтяной и газовой промышленности Ирана и Ливии”, подписанный Б. Клинтонем 5 августа 1996 г. [10, с. 2].

В соответствии с этим законом налагаются санкции на иностранные компании, инвестирующие в нефтяную и газовую промышленность Ирана или Ливии более 40 млн долл. в год, а также осуществляющие поставки в Ливию товаров в нарушение резолюций 748 и 883 СБ ООН (оружие, авиационная техника). Среди возможных санкций в законе фигурируют такие, как отказ в выдаче лицензий на экспорт в США, запрет на предоставление кредитов американскими банками, запрет на операции с американскими государственными ценными бумагами,

запрет на покупку товаров и услуг у фирм-нарушителей, отказ в выдаче въездных американских виз.

Заключение

Таким образом, курс на “двойное сдерживание” по отношению к Ирану оказался практически неэффективным. США не сумели заставить его прекратить работы в области ракетных технологий и ядерной энергетики, которые, по мнению США, имеют военную направленность. Иран продолжил всемерно препятствовать арабо-израильскому мирному процессу и поддерживать радикальные палестинские группировки (созданную им самим “Хизбалла”, а также “ХАМАС” и “Исламский Джихад”).

Однако стоит отметить, что санкции значительно тормозили социально-экономическое развитие Ирана, что, в свою очередь, оказывало сдерживающее влияние на политику Тегерана в Персидском заливе. Относительная слабость позиций Тегерана позволила Вашингтону существенно усилить свое геополитическое влияние и нарастить военное присутствие в Персидском заливе.

Повышение роли внешней энергетической политики связано с тем, что США являются крупнейшим потребителем энергетических ресурсов, а после распада СССР – и крупнейшим их производителем [11, с. 23]. Во второй половине 1990-х гг. уровень потребления первичных энергетических ресурсов в США превысил 2100 млн т нефтяного эквивалента (т.н.э.), что составило около 24% мирового уровня.

С распадом СССР, констатирует З. Бжезинский, впервые в истории неевразийская держава стала не только главным арбитром в отношениях между евразийскими государствами, но и самой могущественной державой в мире [12, с. 2]. Политика США в регионе Персидского залива и, в частности, в отношении Ирана носила стратегический характер обеспечения собственных национальных интересов. Проведение политики “двойного сдерживания” позволило США в течение последнего десятилетия XX в. обеспечивать поставки ближневосточной нефти и избегать крупных конфликтов в регионе Персидского залива.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Современный Иран: Справочник. – М., 1993.
2. **Киселев, В.А.** Ближний Восток. Долгий путь к миру / В.А. Киселев // Азия и Африка сегодня. – 2000. – № 5.
3. **Аль-монтасер, М.А.Х.** Пачатак вайны ў Персідскім заліве ў 1990г. і рэакцыя сусветнай супольнасці / М.А.Х. Аль-монтасер // Беларускі гістарычны часопіс. – 2000. – № 1.
4. **Омар, А.А.** США, исламский Ближний Восток и Россия / А.А. Омар. – М., 2002.
5. **Братерский, М.В.** Иран и Арабские страны: традиционный конфликт и роль США / М.В. Братерский // МЭ и МО. – 2003. – № 11.
6. **Хуторская, В.В.** Взаимоотношения Исламской Республики Иран и стран Центральной Азии / В.В. Хуторская // Иран: Ислам и власть. – М., 2001.
7. **Мурадян, И.М.** Проблемы безопасности в ближневосточной политике США / И.М. Мурадян. – Ереван, 2003.
8. Mode of Access : http://www.eia.doe.gov/emeu/cabs/topworldtables1_2.html – Date of Access : 08.05.2008.
9. **Жизнин, С.З.** Энергетическая дипломатия США / С.З. Жизнин // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2000. – № 2.
10. Mode of Access : <http://www.fas.org/sgp/crs/row/RS20871.pdf> – Date of Access : 12.10.2007.
11. **Карпов, Л.Н.** Федеральное правительство и стимулирование энергосбережения в США / Л.Н. Карпов // США – ЭПИ. – 1998. – № 12.
12. **Бжезинский, З.** Великая шахматная доска / З. Бжезинский. – М. : МО, 1998.

Поступила в редакцию 23.02.2010 г.

УДК 94 (410) 19/20 + 297 (410)

А.Е. ИГНАТОВИЧ

МУСУЛЬМАНСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В УСЛОВИЯХ ПРИНИМАЮЩЕГО ОБЩЕСТВА

В статье анализируются особенности формирования и деятельности организаций британских мусульман. Главная черта – отсутствие организации, представляющей интересы всего разнообразного британского мусульманского сообщества. Изменение роли и значения мусульманских организаций в этой стране во многом связаны с реакцией принимающего общества или отсутствием оной на события внутри мусульманской общины Великобритании.

Введение

Ислам в Великобритании с течением времени стал значимым фактором развития общества. Мусульмане, помимо мечетей, создали множество различных организаций, представляющих их интересы. Это требует теоретического осмысления. Цель данной статьи – выявить и проанализировать особенности формирования и деятельности организаций мусульман в условиях принимающей среды Великобритании. Для этого следует: 1) выделить важнейшие этапы генезиса мусульманской общины Великобритании; 2) определить отличительные черты формирования организаций мусульман в этой стране; 3) охарактеризовать направления их деятельности; 4) выяснить реакцию принимающего общества. Опасность потенциальных и реальных конфликтов на почве конфессиональных противоречий и сегодня довольно велика: необходимо искать пути их преодоления или, по крайней мере, ослабления. Один из таких путей – научно обоснованная информация об исламе в странах Запада и его взаимоотношениях с другими религиями.

Основная часть

Говорить о мусульманском сообществе страны как о формирующемся явлении можно только со второй половины XIX в., когда в крупных портовых городах Великобритании возникли постоянные компактные поселения мусульман [1, с. 3]. Массовая мусульманская иммиграция в Великобританию началась после Второй мировой войны. Соединенное Королевство стало привлекать необходимую ей неквалифицированную рабочую силу из своих бывших колоний. Масштабы иммиграции в Великобританию росли стремительно, а потребность в иностранной неквалифицированной рабочей силе постепенно уменьшалась. Британские власти приняли ряд ограничительных мер – Акты об иммиграции 1962, 1968 и 1971 гг. В результате официальное разрешение на въезд давалось лишь в случае воссоединения семей. Но меры по ограничению привели к обратному результату: молодые иммигранты стали в массовом порядке перевозить на Британские острова свои семьи и многочисленных родственников. Таким образом, по мнению исследователей, в 1960-х гг. в Великобритании, по существу, был запущен процесс быстрого формирования мусульманского сообщества [2, с. 66]. В 1980 – 1990-е гг. политика ограничения иммиграции сохранялась, но мусульманское сообщество Великобритании продолжало увеличиваться. Все современные оценки численности мусульман в Британии приблизительны, а зачастую и

политически ангажированы. Численность мусульман в Великобритании растет не только за счет иммиграции (в том числе нелегальной) и высокой рождаемости в их среде, все больше становится новообращенных мусульман. С конца 1980-х гг. мусульманские организации стали играть заметную роль в жизни Соединенного Королевства. Толчком к этому послужило дело Салмана Рушди. Сразу же после выхода его нашумевших “Сатанинских стихов” и смертного приговора автору со стороны аятоллы Хомейни британские мусульмане обратились к министру внутренних дел с требованием запретить публикацию книги. Книга стала предметом дискуссий по поводу внесения поправок в “закон о святотатстве”, привела к осознанию мусульманами того, что их организации слабо представлены на государственном уровне, что без единства невозможно влиять на власть [1, с. 6]. До середины 1990-х гг. правительство практически игнорировало существование исламского фактора в своей стране. Положение дел кардинально изменили лишь теракты 11 сентября 2001 г. в США и 7 июля 2005 г. в самой Великобритании.

Британское мусульманское сообщество, по мнению некоторых исследователей, является самым организованным и самым политизированным среди аналогичных сообществ Европы [2, с. 72]. Но ситуация представляется не столь однозначной.

В странах Западной Европы становлению ислама как общественного фактора, по мнению В.С. Кошелева, способствуют два обстоятельства: 1) активность самих мусульманских организаций, которые часто могут рассчитывать на помощь религиозных служителей и финансы стран, поддерживающих те или иные направления ислама, а также, нередко, и на поддержку со стороны принимающего общества (как в Великобритании); 2) осознание своей принадлежности к умме, которая имеет полиэтничный, транснациональный характер [3, с. 59]. Первоначально миссию по созданию организаций мусульман взяли на себя вновь обращенные коренные жители британских островов [1, с. 3], такие, как Абдаллах Уильям Киллиам, основавший в Ливерпуле в 1891 г. Исламский институт. Почин Киллиама поддержал также принявший ислам лорд Хэдли: вместе с адвокатом Хваджей Камалуддином он создал в 1913 г. Британскую мусульманскую организацию, в задачи которой входило распространение ислама в Западной Европе. Видные мусульманские деятели стран будущего Содружества, в особенности Индии, активно поддерживали деятельность лорда Хэдли в области строительства мечетей и увеличения благосостояния общин. В 1944 г. в Лондоне был открыт Исламский культурный центр [1, с. 3]. Но по-настоящему процесс культурной и социально-политической самоорганизации британских мусульман начался в 1960-е гг. [2, с. 72]. Менее чем за десятилетие в Великобритании появилось около 40 исламских организаций, и для руководства их деятельностью в 1970 г. был учрежден Союз мусульманских организаций. К началу 1990-х гг. возникла потребность в появлении нового координирующего органа – им стало Исламское общество Британии. Мусульмане Соединенного Королевства в текущее десятилетие окончательно перешли от политики самоизоляции и отчуждения к активному участию в государственной жизни. На данный момент наиболее активен и представитель Мусульманский совет Великобритании (МСВ) (создан в 1997 г.), в который входит около 380 организаций [4]. Есть несколько менее массовых объединений, которые также играют важную роль в Великобритании: Форум против исламофобии и расизма (FAIR), Мусульманский комитет по связям с общественностью (MPAC), Исламский культурный центр, Федерация студенческих исламских обществ в Великобритании и Ирландии и др. Активна исламская молодежь. Моло-

дые мусульмане Великобритании (YMUK), Организация молодых мусульман (YMO), Союз мусульманских студентов (UMS), Мусульманская молодежная линия взаимопомощи (MYH), Федерация студентов исламских сообществ (FOSIS) – вот далеко не полный перечень молодежных и студенческих организаций Британии, которые ставят своей целью не только решение проблем мусульманской молодежи, но и создание, и поддержание положительного имиджа ислама в глазах британского сообщества. В настоящее время в Великобритании насчитывается около 1000 различных общенациональных и местных религиозных, образовательных, профессиональных, студенческих, молодежных, женских организаций мусульман [2, с. 72; 5, с. 6]. Но названная цифра может оказаться весьма условной. И мечети, и общественные организации мусульман создавались как благотворительные учреждения, что не требовало сложного оформления и давало налоговые льготы. Сейчас же идет процесс особой регистрации мечетей [4].

После взрывов в Лондоне в июле 2005 г. правительство стремилось наладить прочные контакты с “представительными” мусульманскими организациями [4]. Однако вопрос заключается в том, имеют ли право выступать эти организации от имени всего исламского сообщества Великобритании. Ведь вопреки стереотипному восприятию мусульман как монолитной группы, одним из самых поразительных аспектов жизни последователей Мохаммеда, живущих в Великобритании сегодня, является их разнообразие: как в этническом, так и религиозном смысле [4; 5, с. 6-11; 6, с. 1, 6, 7].

Остро стоит вопрос о распространении идей радикального политизированного ислама. Дать точное определение уровня и характера отношений с исламо-экстремизмом многочисленных мусульманских организаций Великобритании не представляется возможным, так как далеко не все об этих отношениях известно [7, с. 28]. Однако в Лондоне обосновалось большинство западноевропейских исламских центров, которые активно поддерживают радикальные исламистские группировки. Наиболее заметны такие организации, как “Аль-Мухаджирун” (Эмигранты), “Нация Ислама”, “Хизб ат-тахрир аль-ислами” (Партия Исламского Освобождения) и др. [8, с. 207-211]. В Великобритании находится “Издательский дом Азам”, который выпускает радикальную исламистскую литературу. Эта организация получила название в честь Абдаллы Аззама, являвшегося одним из создателей радикального движения “Хамас” и духовным наставником “арабских афганцев”, в том числе и Усамы бен Ладена [8, с. 210]. Нельзя не упомянуть еще одного деятеля радикальных исламистов Шейха Омара Абу Омара: через его мечеть в Брикстоне (юг Лондона) прошли многие известные террористы – Ричард Рейд, Закариас Мосауи и др. [8, с. 210] Р.Г. Ланда особо подчеркивает фактор охватившего большинство мусульман Великобритании тяготения к исламо-экстремизму [7, с. 27]. Однако британские исследователи воздерживаются от высказываний по этой теме.

Судя по последним интернет-публикациям, обсуждениям на форумах, мусульмане Великобритании обеспокоены тем, что в них видят только лишь экстремистов, забывая о так называемом “умеренном” исламе. После террористических актов 7 июля 2005 г. серьезно увеличилось и количество проектов и организаций, создаваемых членами мусульманского сообщества Соединенного Королевства, призванных противостоять исламистскому экстремизму и радикализации. Это, например, фонд Киллиама, проект “Радикальный Средний Путь” (Radical Middle Way), направленный на борьбу с идеологической и теологической поддержкой террористической пропаганды [9]. Также сегодня в Великобри-

тании функционируют и продолжают создаваться организации, основной задачей которых является решение проблем мусульманских общин вообще и вопроса идентичности в частности [9]. К ним относится, например, зарегистрированная благотворительная организация “Городской круг” (City Circle), ведущая свою историю с 1999 г. В ее цели входит развитие уникальной идентичности британских мусульман, помощь процессам единения, сплоченности и интеграции общества путем создания двусторонних стратегических альянсов между мусульманскими и немусульманскими общинами, реализация проектов, направленных на расширение прав и возможностей исламской молодежи в рамках широкого сообщества Соединенного Королевства.

По мнению экспертов, оформление единой религиозной организации мусульман в Великобритании бесперспективно [10]. Главные причины таковы: 1) существует традиционный плюрализм идеологических форм в исламе; 2) это объективно сложно в связи с этническим разнообразием британских мусульман; 3) имеются особенности религиозной идентичности различных поколений мусульман, живущих в этом государстве; 4) это невыгодно разнородным политическим и общественным силам, которые выступают от имени ислама и имеют поддержку из стран мусульманского мира, в том числе и со стороны экстремистов.

Проживающие на Западе мусульмане чувствуют дискриминационное отношение к себе, выражаемое в различных сферах жизнедеятельности: по месту работы и в учебных заведениях, в бытовых вопросах, в сообщениях СМИ [1, с. 4-5; 4; 5, с. 4-5, 24-27]. Предвзятое отношение лишает мусульман возможности интегрироваться в принимающее общество и чувствовать себя его полноправными членами. Действительно, в 2001 – 2004 гг. уровень безработицы среди мусульман Великобритании примерно в три раза выше, чем в целом по стране; приверженцы ислама, как правило, живут в худших условиях; средний образовательный уровень в их среде невысок [4; 5, с. 8-11; 6, с. 5, 8, 9, 11]. Но такое положение дел – не проявление исламофобии со стороны государства, а объективный результат слабой интеграции мусульман-иммигрантов в принимающее общество, которое отличается устойчивыми традициями либерализма.

Такие проблемы, как религиозный фундаментализм, “исламский” терроризм и интеграция мусульманских меньшинств в британское общество, получили беспрецедентное внимание со стороны СМИ после событий 11 сентября 2001 г. в США и 7 июля 2005 г. в Великобритании. При этом большинство получает сведения о мусульманах от СМИ, а не из личного опыта. Между тем представляемые материалы, зачастую не будучи напрямую антиисламскими, тем не менее, по своему сенсационному характеру пробуждают ощущение угрозы, формируя на глубинном уровне четкое негативное мнение. Однако через массмедиа распространяется информация и о мирной, культурной, просветительской и чисто религиозной деятельности мусульманских общин королевства.

Стоящие у власти светские политики, как правило, публично корректны по отношению к исламу, хотя порой и позволяют себе соответствующие критические высказывания. Один из представителей британской элиты, известный своим интересом к мусульманству, – принц Чарльз. На местном уровне в Великобритании муниципалитеты стремились наладить диалог с общинами в контексте британской политики мультикультурализма, проводимой в отношении этнических меньшинств [4]. Однако активность экстремистов заставила британские власти в начале текущего столетия обратить пристальное внимание на деятельность уже существовавших мусульманских организаций и на создание новых. В фев-

рале 2002 г. 16 мусульманским объединениям и движениям было запрещено функционировать на территории Великобритании. К сегодняшнему дню их число выросло более чем в два раза [9].

Заключение

Таким образом, изменение роли и значения мусульманских организаций в этом государстве определяется не только увеличением численности мусульманского сообщества. 60-е гг. XX в., рубеж 80 – 90-х гг. XX в., события начала XXI в. – важнейшие моменты генезиса и организационного оформления мусульманской общины Великобритании. Мусульманскими иммигрантами были сформированы сообщества с развитыми и эффективно действующими социальными сетями, механизмами взаимной поддержки и кооперации. Среди этих организаций есть как умеренные, так и крайне радикальные. Однако главная черта британского мусульманского сообщества – отсутствие признанного лидера среди множества разнообразных исламских объединений. Организации мусульман постоянно поднимают вопросы, связанные с: 1) политическим представительством, 2) занятостью, 3) образованием, 4) проявлениями исламофобии со стороны государства, СМИ и немусульманского населения. В свою очередь, перед принимающим обществом стоят проблемы: 1) угрозы экстремизма; 2) интеграции мусульман в британское общество, 3) роста исламофобии. Однако конструктивный диалог затруднен ростом влияния радикалов и неспособностью властей определить и поддерживать лояльные ему силы в среде мусульман.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Ansari, H.** The Muslim presence in Britain – Making a positive contribution / H. Ansari. – The East London Mosque & London Muslim Centre, 2003. – 11 p.
2. **Кондратьева, Т.С.** Мусульмане в Великобритании: Социализация или обособление? / Т.С. Кондратьева // Актуальные проблемы Европы : сб. науч. тр. – М. : ИНИОН, 2008. – № 1 : Мусульмане в Европе: существуют ли пределы интеграции? = Muslims in Europe: are there limits to integration? / ред.-сост., вып. Т.С. Кондратьева, И.С. Новоженова. – С. 61–95.
3. **Кошелев, В.С.** Феномен ислама в Европе / В.С. Кошелев // Религия и общества: актуальные проблемы современного религиоведения : сб. науч. трудов ; под общ. ред. В.В. Старостенко. – Могилев : МГУ им. А.А. Кулешова, 2006. – С. 59–60.
4. Islam in the United Kingdom [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.euro-islam.info/country-profiles/united-kingdom.htm>. – Data of access : 09.08.10.
5. **Ansari, H.** Muslims in Britain / H. Ansari. – London: MRG, 2002. – 43 p.
6. Focus on Ethnicity and Identity. – London : Office for National Statistics, 2005. – 16 p.
7. **Ланда, Р.Г.** Мусульманская диаспора и исламо-экстремизм в Великобритании / Р.Г. Ланда // Мусульмане на Западе : сб. статей / сост. сб. М.Р. Арунова. – М. : ИБВ, 2002. – С. 14–31.
8. **Нечитайло, Д.А.** Ислам в Великобритании / Д.А. Нечитайло // Ближний Восток и современность : сб. статей. – Вып. 26 / отв. ред. А.О. Филоник. – М. : ЗАО “АСТИ-ИЗДАТ”, 2005. – С. 197–214.
9. **Плещунов, Ф.О.** Мусульманские объединения и организации Великобритании: прошлое и настоящее / Ф.О. Плещунов [Электрон. ресурс]. – Режим доступа : <http://www.iimes.ru/rus/stat/2009/24-05-09.htm>. – Дата доступа : 09.08.10.
10. **Warner, C.** Religion and the Political Organization of Muslims in Europe / C. Warner, M. Wenner // Perspectives on Politics. – September 2006. – Vol. 4. – No. 3. – P. 457–479.

Поступила в редакцию 23.02.2010 г.

УДК 94 (476)

М.В. ЗАБЛОЦКАЯ

ВЗГЛЯДЫ А.П. САПУНОВА И В.К. СТУКАЛИЧА НА ИСТОРИЮ БЕЛАРУСИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАЧАЛА XIX в.

В статье приведены взгляды А.П. Сапунова и В.К. Стукалича (известных историков, краеведов, общественных и политических деятелей) на историю Беларуси с древнейших времен до начала XIX в. и их оценка событий, повлиявших на развитие белорусского народа. Проанализированы их исторические концепции развития государственности на белорусских землях, становления этнических особенностей белорусов, богатства их материальной и духовной культуры.

Введение

В настоящее время происходит переосмысление наследия “западнорусской” историографии второй половины XIX – начала XX в. Еще недавно малоизвестные имена справедливо занимают достойное место среди выдающихся личностей своего времени. К их числу необходимо отнести Алексея Парфеновича Сапунова и Владимира Казимировича Стукалича – историков, общественных и политических деятелей Беларуси конца XIX – начала XX в., авторов многочисленных изданий исторического, географического и краеведческого характера. В сборниках официальных актов и документов, рукописях, переписке и биографических материалах, книгах, брошюрах, критических статьях, работах по вопросам библиографии и права, отзывах на исследования А.П. Сапунов и В.К. Стукалич затронули практически все сферы современного им общества: политическую историю; историю религиозной борьбы и религиозной жизни; социально-экономическое развитие белорусского края; развитие системы образования; памятники изобразительного искусства и зодчества.

В историографии им уделено мало внимания. Среди работ, посвященных жизни, творчеству, общественной и политической деятельности В.К. Стукалича, следует отметить небольшую заметку в энциклопедическом издании [1], статьи С. Букчина [2], В. Акунович [3], Л. Маракова [4], Д. Лавриновича [5], монографию А. Подлипского [6]. Важнейший источник по изучению деятельности известного витебского краеведа стал доступен исследователям сравнительно недавно: в 2007 г. в Учреждение “Государственный архив Витебской области” было передано на хранение прекращенное уголовное дело на В.К. Стукалича [7].

Более основательно исследована деятельность А.П. Сапунова. В очерке В.К. Стукалича [8], монографиях А.Н. Подлипского [9] и Л.В. Хмельницкой [10] представлены биографические заметки, освещается ученая, общественная и политическая деятельность А.П. Сапунова; приведен библиографический список изданных работ, а также рукописей. Деятельности А.П. Сапунова в различных сферах жизни посвящены статьи Л.В. Алексеева [11], И.Н. Шарухи [12], Н. Богородского [13] и др.

Задачей данной статьи является изучение взглядов А.П. Сапунова и В.К. Стукалича на историю Беларуси: изменение границ и территории, культурно-историческое наследие, характерные особенности белорусской народности. Обзор исторических взглядов А.П. Сапунова и В.К. Стукалича в статье распадается

на четыре периода: судьбы белорусского племени до соединения с Литвой; от образования литовско-русского государства до соединения с Польшей в 1386 г.; судьба Белоруссии под польским владычеством; перемены, произошедшие в жизни Белоруссии с момента воссоединения с Россией.

Основная часть

А.П. Сапунова (1852 – 1924) и В.К. Стукалича (1856 – 1918) связывает многое. А.П. Сапунов родился в местечке Усвяты Витебской губернии. Местом рождения В. К. Стукалича (1856 – 1918) в одних документах называют Витебск, в других – город Якобштадт Курляндской губернии (теперь это латвийский Екабпилс). Оба выходцы из небогатых белорусских семей. Получив образование в Санкт-Петербургском университете, вернулись в Витебск, чтобы заниматься исследованием местной истории, сосредоточив все усилия на изучении, описании и объяснении исторических фактов, недостаточно известных не только широкой публике, но и людям науки, за исключением очень небольшого круга узких специалистов. Кроме того, большинство имело крайне смутное, нередко прямо ошибочное представление о белорусской народности, ее происхождении и роли. Много сил было отдано исследователями на поиск источников в архивах и библиотеках Москвы, Санкт-Петербурга, Вильно, Витебска, Полоцка; их изучение и критический анализ; упорядочение и систематизацию; ознакомление с научной и исторической мыслью прошлых веков и современной им научно-исторической литературой.

Желание изучить историю родного края не было случайным. В это время усилился общий интерес к истории Беларуси: проводились археологические раскопки под руководством М. Кустинского, К. Гаворского; изучением статистики, этнографии, истории и археологии края занимались А. Сементовский, П. Шейн, Н. Никифоровский, Е. Романов, А. Сазонов и др.

Идеи о самостоятельной природе Беларуси развивались медленно. В умах местной интеллигенции XIX – начала XX в. боролись польское самосознание и идеология так называемого “западноруссизма”, согласно которой белорусы признавались одним из славянских племен, которое органично входило в состав русского народа. [3, с. 46]. К “западноруссистам” примкнули А.П. Сапунов и В.К. Стукалич.

В одной из своих краеведческих работ Алексей Парфенович писал: “Говоря о Белоруссии, мы говорим: русский край, русская народность, говорим мы так, потому что белорусская народность – одна из основных народностей русского племени” [14, с. 28].

Владимир Казимирович также принимал белорусский этнос за одну из ветвей русского народа, имеющую гораздо больше родственных черт в одежде, языке, складе мыслей и характере воли с великороссами, чем с малороссами, несмотря на громадное сходство исторической судьбы, и с поляками, несмотря на долговременное польское господство [15, с. 2]. “... духовная сущность населения Западного края была, есть и останется русской” [7, л. 44], – высказывал свое мнение В.К. Стукалич в листовке “Русского губернского предвыборного комитета”.

Но вместе с тем понятие самостоятельной белорусской народности, вначале лишь в этнографическом смысле, постепенно проникало в массовое сознание, о чем свидетельствует перепись 1897 г., когда 66,3% жителей Северо-Западного края признали себя белорусами [16, с. 135]. А.П. Сапунов подчеркивал, что “Западная Русь не по одному только преданию носит такое название, что осо-

бенности языка белорусов, их нравы и обычаи, богатая народная литература и т.д. воочию доказывают существование отдельного белорусского племени” [17, с. 2-3], которое, по утверждению В.К. Стукалича, “отделилось от общерусской жизни еще в XIII в.” [15, с. 16].

“Было и у нас, белорусов, золотое время, славное прошлое, – писал историк А.П. Сапунов, имея в виду ВКЛ. – Каково же будет наше будущее – это уже, в значительной степени, в наших руках и зависит от нашего сознательного отношения к нашему долгу перед дорогой родиной” [18, с. 20]. Ратуя за объединение белорусов как силы, способной противостоять сепаратистским устремлениям поляков, литовцев, латышей и евреев, проживавших в Северо-Западном крае, А.П. Сапунов считал: “Необходимо и нам, белорусам, приняться за устройство и объединение своих сил, сил центростремительных, сил мощных, но не неустроенных и необъединенных” [14, с. 20]. Об этом говорил и В.К. Стукалич: “Вся Белоруссия, благодаря своему историческому прошлому и культурно-экономическим особенностям настоящего, представляет в бытовом отношении вполне самостоятельную территориальную величину, а потому может достигнуть своего процветания лишь при условии выделения в самостоятельную административную единицу, с предоставлением ей прав широкого провинциального самоуправления, которое должно находиться в руках белорусов” [7, л. 79].

А.П. Сапунов и В.К. Стукалич безгранично любили и восхищались Беларусью, отмечая красоту белорусской природы, историческую значимость белорусского народа, чистоту национального характера. “Все мы здесь найдем – и торговый оборот кипит на реках и железных дорогах Белоруссии, и натуральное богатство – лес, рыба, лен, пенька, – пишет В.К. Стукалич. – История Белоруссии исключительна по богатству материала для романистов, природа Беларуси ничем не уступает природе Швейцарии, Италии, Испании и Шотландии – красивые ландшафты, леса и пуши... А стоит присмотреться к архитектуре здешних зданий, церквей, – и вы согласитесь, что тут есть свой местный колорит, свой стиль, свой художественный образ мышления” [3, с. 48].

Любовью к простому мужичку проникнуты следующие слова В.К. Стукалича: “Я люблю рослого, статного великоросса, с котомкой за плечами, в красной александрийской рубашке, с загорелым лицом, смелым взглядом; но милее моему сердцу, ближе тихий белячок, в своем бедном, но чистеньком наряде, с грустно-печальным взглядом и бледным, истомленным лицом. Все мои симпатии лежат на стороне белоруса, потому что я сам белорус, что у меня белорусский характер, исключая трусости – этого недостатка белорусов... В нас мало двигательного элемента, но, надеюсь, это исчезнет скоро; об этом должны позаботиться белорусы вышедшие из состояния неподвижности” [2, с. 204]. Чувствами глубокой симпатии проникнуты слова о белорусах, прозвучавшие в одной из лекций курса “Белорусоведение”, прочитанной А.П. Сапуновым в 1923 – 1924 гг. в Витебском педагогическом институте: “Очень простые и душевные наши люди – у каждого доброе сердце, веселый нрав. В душе белоруса таятся богатые духовные силы...” [19, с. 4].

Именно непростой истории и богатому культурно-историческому наследию Беларуси посвящены многочисленные работы историков.

Белорусский край известен с древнейших времен. Здесь пролегал знаменитый путь “из Варяг в Греки”. Обширное белорусское племя довольно рано начало стремиться к созданию государственности. В удельно-вечевой период русской истории в этнографических пределах Белоруссии образовался ряд княжеств, которые все и почти всегда тянулись к “богатому и сильному княжеству Полоц-

кому” [16, с. 4], которое в XI – XII в. являлось одним из самых могущественных на Руси. Именно полочане были сильны не только в государственном устройстве, но и в общественной жизни. Но к концу XII в. полоцкая земля раздробилась на много уделов. “Князь восставал против князя, город против города, область против области. Земля русская ослабла и не могла дать отпора врагам” [14, с. 4]. В XIII – первой половине XIV в. Русь Западная, включая белорусские княжества с Полоцким во главе, постепенно была включены в состав ВКЛ.

В работе “Исторический очерк Витебской Белоруссии”, А.П. Сапунов приводит мнение ряда польских историков, таких как Ярошевич, Нарбут, Мацевский, которые отмечают благотворное влияние приобретенных русских областей на литовский край. “Литовцы не мешали подвластным им русским управляться по прежним порядкам, не утесняли они и веры православной” [20, с. 5], – отмечал А.П. Сапунов. Белорусское племя, благодаря своей численности и культурности, заняло главенствующее положение. На белорусском языке велось законодательство и управление, а православная вера быстро распространялась в кругу литовских вельмож. Именно к этому периоду относится возведение величественных храмов: Марков Свято-Троицкий монастырь (XIII в.), Благовещенская церковь (XIV в.), Церковь Пресвятой Богородицы (XIV в.) и другие, имевшие важное значение в религиозной и политической жизни края. Через присоединение к Литве множества белорусских уделов ее границы были значительно расширены. “Во второй половине XIV в. русское племя занимало 9/10 земель нового государства” [14, с. 24], – указывал А.П. Сапунов. Особенно возвысилось “белорусско-литовское государство” благодаря великому князю литовскому Ольгерду, при котором в состав “литовско-русского государства” входили этнографическая Литва, Белоруссия и Малороссия. Вся масса населения литовско-русского государства была связана духовно исповеданием одной православной веры. В селах главенствующую роль выполняли землевладельцы – дворяне, подчиненные в военном отношении крепкой княжеской власти, и крестьянское население, подчиненное дворянам-землевладельцам, но не лишенное самоуправления, выборного суда. В городах – литовско-русское население, занимавшееся торговлей и ремеслом, жившее вечерной жизнью и близкое к народной массе.

Некоторым городам были выданы уставные грамоты, “закрепившие правопорядок, выработанный в этих землях в течение предшествующих веков” [18, с. 19]. Однако впоследствии, как отмечал В.К. Стукалич, “все города Белоруссии перешли в непосредственное фактическое владение великого князя литовского. Городские общины, взамен прежнего влиятельного положения, – как центров политической жизни белорусского народа, – поступили в ведение княжеских войтов, старост и воевод” [15, с. 19]. В новых условиях государственной жизни, потеряв прежнее политическое значение, городские общины предпринимали попытки отстоять свою внутреннюю самостоятельность. Приблизительно со второй половины XIV в. в жизни литовско-русского государства замечается довольно чувствительная перемена к худшему. В феврале 1386 г. Ягайло женился на польской королеве Ядвиге и перешел из православия в католичество, дав обязательство соединить государство с Польским королевством и всех обратить в католичество, что и стало причиной многих бедствий, перенесенных впоследствии русским православным населением края. С этого времени в Русско-литовском государстве боролись два начала: русско-православное и польско-католическое. После Люблинской унии 1569 г., которая закрепила окончательное политическое, а спустя четверть века, в 1596 г., и религиозное соединение Литвы с Польшей, в

Белоруссии начались смуты и внутренняя неурядица. Прежнюю непоколебимую верность высших сословий Белоруссии верховной власти и исконным народным началам сменили рознь, вражда, религиозные и национальные раздоры. На протяжении почти двух столетий Белоруссия, разделенная на Западную и Восточную, была театром военных действий [14, с. 27-29]. В.К. Стукалич отмечал: “Поляки отняли у белоруса массу лучших земель, унизили национальность, истоцили край, лишили способности правильно понимать и ценить своих предков, свой язык, свою прошлую историю” [21, с. 3]. Крайнего упадка в этот период времени достигли города, торговля и промышленность. Изменилось к худшему и юридическое положение городского населения, в подтверждение чего В.К. Стукалич приводит разнообразные выдержки из ряда актов [14, с. 23-25]. Положение городской общины усугубляла историческая обстановка, в которой труднее становилось отстаивать свою независимость и благосостояние, бороться против своеволия шляхты и духовенства, противостоят еврейству, пользовавшемуся многочисленными льготами и преимуществами в правовой и экономической сферах, теснившему белорусское мещанство, вырывая из его рук торговлю и ремесло. Упадок наблюдался и в культурно-просветительской сфере, примером которого могут служить приводимые А.П. Сапуновым данные по количеству школ в некоторых городах и местечках [22, с. 33-34]. Историческую судьбу белорусов после падения самостоятельности, А.П. Сапунов называет “национальной драмой” [20, с. 4], отмечая при этом, что сельское и городское население, проявило “удивительную стойкость, отстаивая свою прародительную веру, свой язык, свои нравы и обычаи” [20, с. 8], что едва ли свидетельствует распространенному в то время мнению о слабости природы белоруса.

На протяжении всей истории ощущалось тяготение Руси Белой к Великой, как в политическом, так и религиозном отношении, в доказательство чего А.П. Сапунов приводит многочисленные выдержки в “Витебской Старине” [23]. Но в течение пятисот лет только два раза Белая Русь возвращалась к Руси Великой. В руках царя Ивана Грозного белорусский край оставался в течение 17 лет (1563 – 1578), а в руках царя Алексея Михайловича 13 лет (1654 – 1667). “Православное население везде встречало русских как освободителей от польского ига” [23, с. 356-357], – утверждал А.П. Сапунов. Однако спустя 13 лет был заключен Андрусовский договор, по которому Белоруссия вновь отошла к Польше, что омрачилось ужасными последствиями. Все православное население было отдано в полное распоряжение униатов. А.П. Сапунов отмечает, что “со времени унии, история Западной России получила по преимуществу народное направление”, были утрачены правящие классы [23, с. 97-109].

В 1772 г. большая часть Белоруссии была присоединена к “единоплеменной и единой Руси Великой, а через 20 лет и все остальные искони русские земли, бывшие под властью Польши” [20, с. 16].

В указе императрицы Екатерины II отмечалось, что присоединены к России “земли, издревле России принадлежавшие, грады, русскими князьями созданные, и народы общего с россиянами происхождения и им единоверные...” [14, с. 30]. Прямым следствием политических событий конца XVIII в. явилось религиозное воссоединение белорусских униатов. “Осуществилось стремление западной и восточной половин – составлять единое целое и в гражданской, и в духовной жизни” [14, с. 19], – отмечал А.П. Сапунов. Однако белорусам пришлось еще немало пройти, чтобы утвердить свою независимость, доказать свою самобытность.

Заклучение

Несмотря на то что некоторые выводы А.П. Сапунова и В.К. Стукалича носят полемический и критический характер, нельзя не ценить их заслуги в осмыслении роли Беларуси, богатства ее истории, традиций и духовно-культурного наследия. На протяжении всей жизни краеведы развивали мысль о необходимости изучения местной истории, белорусского литературного и художественного творчества, служили этому принципу словом и делом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі : у 5 т. – Мн., 1987. – Т. 5. – С. 144.
2. **Букчин, С.** Вы уже давно ищите правду... / С. Букчин // Звезда. – 2007. – № 6. – С. 189–218.
3. **Акуневіч, В.** У.К. Стукаліч як прадстаўнік “заходнерускай” плыні ў грамадскай думцы Беларусі канца XIX – пачатку XX стагоддзяў / В. Акуневіч // Беларуская рускае культурнае ўзаемадзеянне канца XIX – пачатку XX стагоддзяў : материалы научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Е.И. Репина и 100-летию пребывания художника в Беларуси. – Витебск, 1995. – С. 45–49.
4. **Маракоў, Л.** Стукаліч Уладзімір Казіміравіч / Л. Маракоў // Рэпрэсаваныя літаратары, навукоўцы, работнікі асветы, грамадскія і палітычныя дзеячы Беларусі 1794 – 1991 : энцыкл. давед. : у 3 т. – Мінск, 2003. – № 2. – С. 244–245.
5. **Лавринович, Д.С.** Политический портрет В.К. Стукалича – председателя Витебского отдела “Союза 17 октября” / Д.С. Лавринович // Веснік МДУ імя А.А. Куляшова. – 2009. – № 1. – С. 21–25.
6. **Падліпскі, А.М.** Летапісец Віцебшчыны: (пра літаратуразнаўцу і гісторыка У.К. Стукаліча) / А.М. Падліпскі // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. – 1978. – № 1. – С. 26–27.
7. ГА ВО. – Фонд 967. Коллекция документов о культурной и общественно-политической жизни Витебщины. – Оп. 2. – Д. 1. Уголовное дело № 2751-п по обвинению Стукалича Владимира Казимировича в контрреволюционной деятельности за октябрь – декабрь 1918 г.
8. **Стукалич, В.К.** (1858 – 1918) А.П. Сапунов / В.К. Стукалич. – Витебск: Губ. типография, 1905. – 30 с.
9. **Падліпскі, А.М.** Летапісец Віцебшчыны / пер. з рускай мовы А.Ф. Чарнадцавай. – Мн. : Польша, 1993. – 92 с.
10. **Хмяльніцкая, Л.У.** Гісторык з Віцебска / Л. Хмяльніцкая. – Мн. : Энцыклапедыкс, 2001. – 254 с.
11. **Алексеев, Л.В.** А.П. Сапунов (1852 – 1924) // Л.В. Алексеев / Археология и краеведение Беларуси в XVI – 30-е г. XX в. ; под ред. Б.А. Рыбакова. – Мн. : Бел. навука, 1996. – 206 с.
12. **Шаруха, І.М.** Уклад А.П. Сапунова ў вывучэнне Магілёўшчыны / І.М. Шаруха // V абласныя Магілёўскія краязнаўчыя чытанні (28 кастрычніка) ; рэд. рада: С.І. Бяспанскі і інш. – Магілёў, 1994. – 117 с.
13. **Багародзкі, М.** А.П. Сапуноў і значэнне яго прац для даследавання Віцебшчыны / М. Багародзкі ; пад кіраўніцтвам і рэд. М.Л. Каспяровіча. – 2004. – Т. 1 – 218 с.
14. **Сапунов, А.П.** Очерк исторических судеб православия и русской народности в Белоруссии вообще и в пределах Полоцкой епархии в частности / А.П. Сапунов. – Витебск : Губ. типография, 1910. – 30 с.
15. **Стукалич, В.К.** Белоруссия и Литва / В.К. Стукалич. – Витебск : Губ. Типография, 1894. – 23 с.
16. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества / В.П. Семенов [и др.] ; под ред. В.П. Семенова. – Т. 9 : Верхнее Поднепровье и Белоруссия. – 620 с.
17. **Сапунов, А.П.** Исторический очерк Витебской Белоруссии / А.П. Сапунов. – Витебск : Губ. типография, 1911. – 28 с.
18. **Сапунов, А.П.** Белоруссия и белорусы / А.П. Сапунов. – Витебск : Губ. типография, 1910. – 21 с.

19. **Сапуноў А.П.** Кароткая характарыстыка беларуса [Урыўкі з лекцыі прафесара А.П. Сапунова ў Віцебскім педагагічным інстытуце ў 1923 – 1924 гг.] / А.П. Сапуноў // Віцебскі рабочы. – 1991. – 14 сакавіка. – С. 4.
20. **Сапунов, А.П.** Торжество православия / А.П. Сапунов. – Витебск : Тип. губ. правд., 1889. – 24 с.
21. **Стукалич, В.К.** Краткая заметка о белорусском наречии / В.К. Стукалич. – Витебск : Типография Г.А. Малкина, 1898. – 26 с.
22. **Сапунов, А.П.** Речи в Гос. думе 3-го созыва / А.П. Сапунов. – Спб., 1912. – 48 с.
23. **Сапунов, А.П.** Витебская Старина [Микроформа] / составил и издал А.П. Сапунов. – Витебск, 1883 – 1888.

Поступила в редакцию 27.01.2010 г.

УДК 94(8=6)“15”

Л.Я. КЛИМУТЬ

ЗАКОНЫ ДЛЯ ИНДИЙ КАРЛА V

В статье рассматривается принятие Карлом V новых законов для испанских колоний в Латинской Америке. Кроме анализа источника в ней исследованы политические, экономические и социальные факторы, повлиявшие на изменение политики Испанской короны в отношении индейских подданных. Автор подчеркивает, что определение места индейцев в системе Испанской империи выделось в Мадриде как необходимая составляющая укрепления королевской власти в колониях. Законы, введенные Карлом V, отвечали как идеологическим, так и практическим нуждам Короны, несмотря на неполное их осуществление.

Введение

Колониальная политика Испании в Латинской Америке все еще является дискуссионной темой для исследования. В настоящее время назрела необходимость пересмотра прошлых оценок колониального периода и отдельных его аспектов и, в частности, такой проблемы, как законодательные основы Испанской империи в Новом Свете. В течение столетия после первого столкновения с неизвестными реалиями и неизвестным образом жизни испанские конкистадоры, миссионеры, ученые и юристы спорили по поводу того, как относиться к жителям Нового Света. Сразу нужно оговорить, что в рамках данной статьи не ставится задача опровергать “черную легенду” либо доказывать ее истинность. Целью этого краткого исследования является политика Испанской короны, а именно Карла V, по отношению к новоприобретенным землям.

Эту проблему можно рассматривать в двух аспектах: намерения Короны, идеи, управлявшие ею, и воплощение их в жизнь. Но тогда получатся две разные истории, требующие отдельного осмысления. Поэтому в данной статье основной акцент сделан на политике короны и ее отношении к Индиям как составной части Испанской империи.

Основная часть

Изучение истории испанских колоний значительно облегчается тем, что, благодаря желанию испанских королей контролировать происходящее за океаном и иметь четкое представление о жизни колоний, до нашего времени дошли богатые архивы документов различного рода. Их анализ дает возможность рас-

смотреть еще не вполне изученные проблемы новой истории Латинской Америки. Законотворческая деятельность Карла V принадлежит как раз к такого рода проблемам. В частности, ни в советской историографии (например, у М.С. Альперовича и Л.Ю. Слезкина [1]), ни в современной российской (например, у Е.А. Ларина [2]), не уделяется большого внимания этому моменту колониальной истории. В указанных работах “Новые законы для Индий” лишь упоминаются с краткой характеристикой, которую скорее можно определить как констатацию факта неудачи политики Карла V в американских колониях. Тем более насущным является вопрос: чем были вызваны изменения в законодательстве и каких целей добивалась Корона? При сравнении намерений и итогов, при анализе столкновения идеальной модели и колониальной реальности вырисовывается достаточно четкая картина, на основе которой можно прийти к обоснованным выводам.

Уже в 1495 г., несмотря на определенный доход, полученный от продажи индейцев, испанские умы начали будоражить вопросы, связанные с самим существованием этих новых поданных Короны [3]. Эти вопросы не были простым философствованием или тренировкой ума интеллектуалов и юристов. Речь шла о положении Испании в мире и балансе сил в Европе того времени. Могущество Испании еще только начиналось, и она не могла позволить себе быть уязвимой в сложных правовых и теологических вопросах.

Самым главным вопросом было то, имеет ли вообще Испания право на завоеванные земли. А если имеет, то влечет ли это за собой право вести войну против местного населения и поработать его для собственной выгоды? Что представляют собой индейцы, способны ли они принять христианство и жить, как подданные Испанской короны?

Именно эти вопросы и будут определять ту политику, которую будет проводить Испания на своих заморских территориях. Реальным свидетельством этой политики является огромная масса королевских указов, распоряжений и т.п., что и составляет так называемые “Законы для Индий”. Правда, необходимо еще раз оговориться, что существование закона все же не является гарантией внедрения его на практике. Но для изучения намерений Испанской короны и причин, которые ею двигали, эти исторические источники имеют непреходящую ценность.

Вопрос о праве на владение Индиями Испания решила с легкостью, поскольку уже в 1493 г. папа Александр VI даровал право владения открытыми землями Испании при условии обращения населения этих земель в католическую веру. Однако нерешенным оставался каверзный вопрос, над которым в течение десятилетий вели дебаты лучшие умы Испании как из юридической, так и из научной сферы. Вопрос касался права Испании наряду со спасением душ овладевать землей и собственностью индейцев.

Первые указы о том, как следует обращаться с местным населением, были изданы еще Фердинандом и Изабеллой. В них уже указывалось, что с индейцами следует обращаться хорошо, а контроль за этим возлагался на местных чиновников (губернаторов) – представителей испанской короны.

Но указы, как это было характерно для колониального периода в целом, столкнулись с непростой реальностью. Речь идет не только о жестокости конкистадоров, которые попросту игнорировали указания чиновников. Проблема гораздо глубже и многограннее. Участников экспедиций нужно было вознаграждать. Лучшего вознаграждения, чем труд индейцев, на начальном этапе покорения Америки, как правило, не было. Но раздача индейцев испанцам ставила серьез-

ную юридическую проблему, которую и выразила Изабелла, поинтересовавшись, кто позволил адмиралу Колумбу раздавать “ее вассалов [подданных]” [3]. В этих словах уже четко выражена позиция Короны, которая будет управлять ее политикой в Индиях в XVI в. и влиять на принятие решений.

Тем не менее, сущность происходившего в Новом Свете мало изменилась, за исключением того, что теперь только испанские короли на законном основании могли даровать право на труд индейцев отдельным индивидам, что они и делали посредством энкомьенды. По существу, Короне пришлось согласиться с реальностью, но ей удалось, по крайней мере, поставить под свой юридический контроль эксплуатацию индейцев. За право использовать труд подданных Испанской короны – индейцев энкомьендеро обязывался хорошо с ними обращаться, обеспечивать их едой, одеждой и обучать христианским доктринам. Насколько установления отличались от реальности, зависело от разных факторов. Злоупотребления, безусловно, были характерной чертой существования энкомьенды, но это не является темой данной статьи. Хотя именно эти злоупотребления были одной из причин принятия Новых законов.

Новым законам Карла V предшествовали так называемые “Бургосские законы”. По указанию короля в 1512 – 1513 гг. испанские ученые подготовили свод законов, касавшихся обращения с индейцами. Для своего времени эти законы можно назвать по-настоящему передовыми. Несмотря на то что Бургосские законы признавали практику энкомьенды, они устанавливали правила поведения энкомьендеро с целью предотвращения злоупотреблений и плохого обращения с индейцами. Естественно, что законы требовали распространения среди индейцев католической веры [4, с. 272].

Однако, как соглашаются историки, никто в новых колониях на эти законы внимания не обратил, но, тем не менее, благодаря им появился документ, известный как рекеримьенто. Он был основан на потребности Испании в том, чтобы новые земли считались не завоеванными, а пожалованными Испанией папой [5, с. 145].

Уже в данном случае возникает проблема, упомянутая в начале статьи, которая усложняет анализ политики Испанской короны в отношении индейцев. Закон, по существу, являлся намерением, его воплощение было в руках тех, кто находился непосредственно в колониях, а не в далеком Мадриде. “Для испанского правительства контролировать поселенцев оказалось едва ли не более трудной задачей, чем следить за индейцами. Короне никогда не удавалось навязать свою волю колониальной элите...” [5, с. 204]. Соответственно, мы можем говорить об основных положениях испанской политики в колониях как таковой и ее непосредственном воплощении на местах. Очевидно, что законы слишком часто не соблюдались, иначе не появлялось бы такое большое количество жалоб, хранящихся сейчас в архивах Севильи.

Однако Бургосские законы уже дают нам понятие представления испанской монархии о том, как будет развиваться Новый Свет. Нельзя не согласиться с Г. Кейменом, когда он пишет: “Ни Фердинанд, ни Карл V не воспринимали Америку как “завоевание”. Захват и развитие Нового Света представляли собой процессы несколько более сложные, чем простое подчинение слабого сильным” [5, с. 142].

В 1516 г. на престол Испании взошел Карл V. Карл был классическим принцем эпохи Возрождения – образованным гуманистом. Его приход к власти “сопровождался поддержкой европейского гуманизма со стороны многих испан-

цев и наставлениями голландского ученого Эразма” [5, с. 470]. В его руках теперь была огромная империя, которой нужно было эффективно управлять. Постепенно в правление Карла V вырабатывается понимание Испании как мировой империи. Уже Кортес осознавал огромные возможности Испании, когда писал Карлу, что в его власти теперь стать “монархом мира” [4, с. 287].

Поначалу, однако, Карл не высказывал никаких конкретных идей по формулированию своего видения империи, оставив на своих советников дело формулирования испанской имперской теории. Тем не менее, Карл прекрасно осознавал трудность и грандиозность задачи, которая стояла перед ним. В 1525 г. он заявил: “Я прекрасно понимаю, что время уходит и мы вместе с ним, и я не намерен позволить ему пройти, не оставив следа на моей репутации. Итак, я не вижу ничего, что помешало бы мне совершить нечто великое, если Бог позволит мне трудиться мирно и спокойно” [5, с. 90].

Карл многое изменил в управлении землями Нового Света, и эти изменения совершенно не случайны, а продиктованы меняющимися историческими обстоятельствами. Булла папы Александра VI *Inter Caetera* давала власть над новооткрытыми землями и населением не испанским королям, если точно следовать букве, а королям Кастилии и Леона. Поэтому изначально Индиями управляли кастильские законы и кастильские учреждения. В 1503 г. была основана Торговая палата, которая занималась такими практическими делами, как организация флотов, контроль за перевозкой грузов и пассажиров между Испанией и Америкой. По мере того как заморские территории расширялись в результате экспедиций конкистадоров, усложнялись и задачи по их управлению.

Совет по делам Кастилии в силу своей специфики не отвечал новым задачам. В 1523 г. был создан новый орган, независимый от Совета Кастилии, – Совет по делам Индий. Существование этого органа обеспечивало монарха постоянной информацией о делах в заморских территориях и давало возможность передавать в американские владения пожелания короля, воплощенные в его указах и законах. Таким образом, можно согласиться с точкой зрения современных ученых, что Америка управлялась консультационным королевским правительством [4, с. 290].

Несмотря на трудности, связанные прежде всего с расстоянием, королевское управление в колониях можно назвать вполне успешным: была создана официальная структура, взимались налоги и существовал постоянный контроль над различными органами власти. Однако испанский стиль правления неизбежно способствовал росту бюрократии, опять же в силу удаленности управляемых территорий от центрального органа власти. Но именно благодаря этому современные историки обладают богатыми коллекциями архивов.

Одной из главных проблем, которую часто приходилось обсуждать на заседаниях Совета по делам Индий, была проблема плохого обращения с индейцами со стороны испанцев. В этой связи историки обычно традиционно вспоминают Бартоломе де Лас Касаса, который в своих книгах и выступлениях на заседаниях Совета многократно выступал в защиту индейцев и детально описывал все ужасы, чинимые испанцами в Америке. Именно с ним и с протестами других священников связывают историки принятие Новых законов [1; 2].

Здесь нужно отметить, соглашаясь с Г. Кейменом, что у испанцев не было намерений уничтожать местное население, иначе не существовала бы нужная и удобная для них энкомьенда [5, с. 185]. Однако колонизаторы без колебаний прибегали к насилию, чтобы утвердить свою власть, действуя вполне в духе своего времени. Первые испанцы прибывали в Америку не с целью поселения, а

с целью разбогатеть и вернуться на родину для ведения обеспеченной и комфортной жизни. “По существу, именно коренные жители Нового Света построили здесь экономику и заложили основу империи с испанцами во главе.” [5, с. 182]

В 1530 – 1540-х гг. Карла волновали вторжения государств, соперничавших с Испанией и желавших урвать хотя бы часть заморских территорий для своей выгоды, и этот внешний фактор сыграл не последнюю роль в соображениях короны, которая в данной ситуации не могла допустить ожесточения индейцев против испанцев с перспективой перехода их на сторону соперников. Кроме внешнего фактора существовал еще серьезный внутренний фактор, а именно усиление энкомендеро в качестве потенциальной феодальной аристократии, владевшей крепостными индейцами [4, с. 307]. Поселенцы не только угрожали власти короля, они также своим отношением к индейцам ставили под сомнение миссию евангелизации язычников, которую Испания выдвигала в качестве основного аргумента за право владения этими территориями.

После возвращения Карла V в Испанию после двухлетнего отсутствия в 1541 г. волнение по поводу индейцев достигло пика [4, с. 307]. Кроме того, Испанию достигли донесения о борьбе между сторонниками Писарро и Альмагро в Перу. Все это показывало, что пересмотр королевской политики в Индиях является делом первостепенной важности. Поскольку король не доверял советникам по делам Индий, которых подозревал в связях с энкомендеро, он создал специальную хунту для рассмотрения вопроса энкомьенды. Именно эта хунта и произвела на свет 20 ноября 1542 г. “Новые законы Индий ради хорошего обращения и сохранения индейцев”. Эти законы и должны были осуществить идеи Лас Каса об отмене личной службы и превращении индейцев энкомьенды в непосредственных вассалов короны.

“Новые законы” состояли из множества правил, касавшихся системы энкомьенды, включая запрет на порабощение индейцев и предпосылки постепенной отмены системы энкомьенды: “Также мы повелеваем и приказываем, чтобы с этого момента ни по причине войны, ни по какой-либо другой, хотя бы под наименованием восстания, ни для выкупа, ни другим способом индеец не мог быть обращен в рабство, и мы повелеваем, чтобы к ним относились как к нашим вассалам Кастильской короны, каковыми они и являются. Никто не может использовать индейцев... против их воли” [6]. Все индейцы, незаконно находившиеся в рабстве, объявлялись свободными.

До 1542 г. индейцы уже были разделены на четыре основные группы: индейцы энкомьенды, индейцы коррехимьенто, рабы и знать (касики, кураки). По “Новым законам” индейцы должны были считаться свободными людьми, их нельзя было принуждать к труду, их обязанностью было только платить подати энкомендеро, а в случае, если они работали на него, они должны были получать зарплату. Также закон требовал справедливо облагать индейцев налогами и относиться к ним хорошо, на что корона обращала особое внимание: “И также указанные аудиенсии должны изучить, как обращаются с индейцами те лица, у которых они есть в энкомьендах, и, если ясно, что по справедливости они должны быть лишены указанных индейцев, за их злоупотребления и плохое отношение, которому они их подвергали, мы повелеваем, чтобы таких индейцев отбирали и помещали под нашу королевскую корону” [6].

Важным нововведением было то, что энкомьенда объявлялась не наследственным владением и должна была быть возвращена короне после смерти владельца. Правда, аудиенсии должны были тщательно изучить вопрос с каждой

отдельной энкомьендой, обращая внимание на заслуги владельца и особенно на его обращение с индейцами, с тем чтобы материально компенсировать потерю дохода его семье, если таковая была [6].

Несмотря на то что основное внимание уделялось обращению с индейцами, “Новые законы”, по существу, были связаны с тем, насколько испанская монархия может расширить и укрепить свою власть.

“Новые законы” устанавливали систему вице-королевств [6]. Вице-король был альтер эго короля, т. е. обладал некой церемониальной аурой королевской власти. Он сочетал роли губернатора и генерал-капитана, а будучи также президентом аудиенсии, он был воплощением королевского суда. Следует отметить, что эту должность обычно занимали младшие представители значительных семей или знать среднего ранга, поскольку короли весьма подозрительно относились к амбициям своих грандов и не желали еще больше увеличивать их влияние. Например, дон Антонио де Мендоса, первый вице-король Новой Испании (1535 – 1549) и один из самых достойных, был шестым из восьми детей маркиза Мондехара от второго брака и служил при дипломатической миссии в Венгрии, прежде чем в возрасте 40 лет занял такой высокий пост в Новом Свете [4, с. 294].

В Перу “Новые законы” сразу же стал вводить вице-король Васко Нуньес де Вела, который быстро стал весьма непопулярным среди энкомьендеро и вынужден был бежать в Кито под угрозой крупного восстания [3]. Впоследствии он был убит в 1546 г. Таким образом, новые установления вызвали резкую оппозицию в колониях.

Эта реакция поселенцев в Новом Свете, как отмечают историки [1; 7], заставила императора отступить. Но необходимо отметить, что кампания против “Новых законов” велась и при дворе, где существовало лобби поселенцев Нового Света, а друзья Кортеса организовали серьезную оппозицию нововведениям [4, с. 307]. Они нашли своего представителя, который мог защищать их взгляды в литературной форме. Им стал Хуан Хинес де Сепульведа, великий ученый, чей труд *Democrates Alter* распространялся в рукописном виде среди советников.

В результате в 1545 г. Карл V пересмотрел так возмущавшие многих законы. Было снова разрешено передавать энкомьенду по наследству. Правда, через некоторое время эта система все же исчезла под влиянием неумолимых исторических факторов, но этот вопрос уже выходит за рамки обсуждаемой проблемы.

Лас Касас пытался противостоять попыткам уничтожить все, чего он добился от испанского короля своей деятельностью. В 1547 г. он отправился в Испанию высказать свой протест, и в апреле 1550 г. королевский указ временно приостановил дальнейшие экспедиции по завоеванию Нового Света и объявил о созыве специального собрания теологов по вопросу завоевания и обращения индейцев [4, с. 308].

Хотя внешне выглядит так, что дебаты между Сепульведой и Лас Касасом касались обоснованности военного завоевания, на самом деле они отражали два разных взгляда на коренное население Америки. Доказать, что индейцы находятся на варварской ступени развития, означало оправдание их насильственного подчинения испанцам, против чего яростно выступал Лас Касас, который, впрочем, тоже не подвергал сомнению испанскую миссию в Индиях. Но, на его взгляд, эта миссия должна была проводиться мирными средствами Коронаой и миссионерами, а не поселенцами.

Специально собравшаяся хунта разделилась во мнениях, причем юристы в основном поддерживали Сепульведу, а теологи – Лас Касаса [4, с. 310]. Ре-

зультатом этих горячих споров можно назвать указ Филиппа II 1573 г., который определял процедуры дальнейшего завоевания Индий и который можно рассматривать как решимость Короны предотвратить злоупотребления против новых подданных Испанской короны.

Заклучение

Деятельность Карла V была направлена на укрепление королевского контроля над новоприобретенными территориями. Но система энкомьенды как феодальный политический институт являлась антитезисом политики короны по концентрации власти в своих руках. Крупные энкомендеро (такие, как Кортес и Писарро) были опасны для испанского правителя. С целью обуздать эти феодальные тенденции и исправить злоупотребления в отношении индейцев, неизбежно сопровождавшие эту систему, были разработаны “Новые законы”, одной из главных целей которых была отмена энкомьенды. Эту задачу выполнить не удалось. Энкомьенда как институт сохранялась еще некоторое время, прежде чем не исчезла в результате объективных обстоятельств.

Тем не менее, нельзя назвать “Новые законы” совсем неуспешными, так как они привели к освобождению тысяч индейцев. Большая часть положений “Новых законов” Карла V был включена в основной корпус Законов для Индий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Альперович, М.С.** История Латинской Америки. С древнейших времен до начала XX века / М.С. Альперович, Л.Ю. Слезкин. – Москва, 1981.
2. **Ларин, Е.А.** Всеобщая история. Латиноамериканская цивилизация / Е.А. Ларин. – Москва : Высшая школа, 2007. – 494 с.
3. Laws of the Indies //Encyclopedia Britannica Online. [Electronic resource]. – Mode of access : <http://search.eb.com/eb/article-9042315>. – Date of access : 11.05.2010.
4. The Cambridge History of Latin America: in 6 v. / edited by Leslie Bethell. – Cambridge University Press, 1997. – V. I : Colonial Latin America / Leslie Bethell. – 1997. – 623 p.
5. **Кеймен, Г.** Испания: дорога к империи / Г. Кеймен. – Москва : Хранитель, 2007. – 764 с.
6. The New Laws of the Indies for the Good Treatment and Preservation of the Indians / ed. by H. Stevens and F. W. Lucas. – New York : AMS Press, 1971. – Facsimile edition of a London : The Chiswick Press, 1893. – P. III–XVII.
7. **Григулевич, И.Р.** Крест и меч: Католическая церковь в Испанской Америке XVI – XVIII вв. / И.Р. Григулевич. – Москва, 1977. – 315 с.

Поступила в редакцию 12.11.2010 г.

УДК 069:94(476.4)“1941/1945”

А.С. БУРАКОВА

ЭКСПОЗИЦИОННОЕ ОТРАЖЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАРОЖДЕНИЯ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В МУЗЕЯХ БЕЛАРУСИ

В статье рассмотрены некоторые аспекты научного проектирования экспозиций, посвященных партизанскому движению в начальный период Великой Отечественной войны. Сопоставляя тематико-экспозиционные планы, автор доказывает, что на научное со-

держание экспозиций оказывала влияние политическая обстановка в стране. Так, в экспозициях, созданных в 40-е – начале 50-х гг., широкое отражение нашла тема о значении И.В. Сталина в развертывании партизанского движения; в экспозициях, построенных до начала 90-х гг., отчетливо представлена руководящая роль Коммунистической партии. Иные подходы к отражению партизанского движения наметились в последнее время.

Введение

Становление партизанского движения было сопряжено с рядом трудностей начального периода войны, связанных с организацией всенародного сопротивления врагу, созданием системы его руководства, поиском форм и методов борьбы в условиях отступления Красной Армии, отсутствия материальной базы и опыта борьбы. Данный аспект истории Великой Отечественной войны широко представлен в экспозициях музеев Беларуси. Тем не менее, трудности 1941 – 1942 гг. не нашли в них всестороннего отражения, экспозиции построены в основном на удачных примерах развертывания партизанского движения.

Историческая наука в настоящее время не располагает трудами, представляющими собой комплексный анализ экспозиционного отражения партизанского движения в первые годы войны. Работы М.П. Симкина “Великая Отечественная война Советского Союза в экспозиции краеведческого музея” [1], Р.А. Черноглазовой “Построение экспозиции по истории партизанского движения” [2] и И.Ю. Воронковой “Великая Отечественная война Советского Союза в экспозиции краеведческого музея” [3] посвящены исследованию общих теоретических и практических вопросов научного проектирования экспозиций по истории партизанской борьбы.

Основная часть

Подходы в музейной интерпретации истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны претерпевали изменения в зависимости от политической ситуации в стране на момент построения экспозиций. Корректировки в их научном содержании можно проследить при помощи тематико-экспозиционных планов, фотодокументов.

Целесообразно экспозиции музеев разделить на группы по дате создания и выделить особенности, характерные для каждой из них. К первой группе отнесем послевоенные экспозиции, ко второй – экспозиции, построенные в середине 1950-х – 1980-е гг., третью составляют экспозиции 1990-х гг., четвертую – созданные в конце 1990-х – 2000-е гг.

Проектная документация позволяет сделать вывод, что обязательным компонентом научного содержания экспозиций, построенных в конце 1940-х – начале 1950-х гг., являлась тема “Товарищ Сталин – вождь советского народа, вдохновитель и организатор наших побед”. Послевоенные экспозиции Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны (БГМИВОВ), Могилевского областного краеведческого музея, Витебского областного краеведческого музея, Мемориального музея Героя Советского Союза К.С. Заслонова содержали значительное количество портретов, бюстов И.В. Сталина, цитат из его выступлений, а также текстов о его роли в Великой Отечественной войне, что подтверждается тематико-экспозиционными планами [4; 5; 6]. Таким образом, музеи функционировали в контексте общественной жизни в Советском Союзе, характеризующейся всеобщим почитанием вождя, авторитет которого еще более возрос после победы СССР в войне 1941 – 1945 гг.

В экспозициях, созданных в советский период¹, широкое отражение нашла тема ведущей роли Коммунистической партии в развертывании всенародного сопротивления врагу, которая возводилась в ранг общеобязательной. Углублению данной темы способствовала резкая критика многих экспозиций в связи с недостаточным ее отражением и формальным подходом к ее музейной интерпретации. Вследствие этого, например, в Музее боевого содружества белорусских, русских, литовских и латышских партизан, открытом в 1981 г. в городском поселке Россоны Витебской области, отражению мероприятий ЦК КП(б)Б по развертыванию партизанского движения в республике был посвящен большой экспозиционный зал [7]. Только в ходе перестройки экспозиции в 1990-е гг. данная тема претерпела значительное сокращение.

Анализ экспозиционных материалов позволяет определить преобладание в экспозициях данного периода фотоотпечатков и документов, отражающих работу партийных организаций в тылу врага.

Экспозиции, созданные в советский период, перегружены фотопортретами секретарей и членов ЦК КП(б)Б, подпольных обкомов, межрайкомов и партцентров, горкомов и райкомов КП(б)Б. Данные фотоматериалы не несут значимой информационной нагрузки, и их наличие зачастую объясняется тем, что в послевоенное время многие из представленных на фотографиях людей занимали высокие государственные посты. По воспоминаниям заведующей отделом истории партизанского движения БГМИВОВ Н.А. Яцкевич, во время проведения экскурсий по старым экспозициям музея красноречиво можно было говорить только о послевоенных успехах многих партийных работников, изображенных на фотографиях. В отличие от экспозиций 1960 – 1970-х гг., в открытой в 2003 г. в БГМИВОВ экспозиции “Зарождение партизанского движения в Беларуси” представлены только те партийные и государственные деятели послевоенного времени, чей вклад в организацию партизанского движения был наиболее значимым, например, П.М. Машеров, В.И. Козлов [4].

В районных музеях республики экспонируются не только фотопортреты членов местных райкомов, но и секретарей ЦК и обкомов КП(б)Б, т.е. материалы республиканского и областного характера. Например, многие районные музеи Витебской области в своих экспозициях содержат помимо фотографий партийных деятелей соответствующих регионов портреты секретарей ЦК КП(б)Б П.К. Пономаренко, П.З. Калинина и секретарей Витебского обкома И.А. Стулова, Я.А. Жилинина, И.Б. Позднякова. Данный подход позволяет представить структуру централизованной власти в республике, но приводит к созданию однотипных экспозиций, с повторяющимися материалами.

К числу наиболее часто экспонируемых документов, характеризующих организующую и руководящую роль Коммунистической партии, следует отнести обязательные для исполнения руководящие указания правительства и партии начального периода Великой Отечественной войны: директиву СНК ССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. и созданные на ее основе директивы № 1 и № 2 ЦК КП(б)Б о переходе на подпольную работу партийных органов и развертывании партизанского движения на территории, временно оккупированной врагом. Большое значение в экспозициях имеют постановления обкомов и райкомов партии о создании партизанских отрядов. В ряде музеев экспонируются документы,

¹ Экспозиции, созданные в советский период, представлены и на данный момент в ряде музеев Беларуси.

призванные способствовать активизации партизанского движения в республике: письмо ЦК КП(б)Б “Об активизации деятельности партизанских отрядов в тылу врага”, постановление V Пленума ЦК КП(б)Б “Об обстановке и задачах работы партийных органов и партийных организаций” от 28.02.1943 г., постановление ЦК КП(б)Б, адресованное партактиву Витебской области. В последнем документе П.К. Пономаренко предписывает представителям партийных организаций осуществлять руководство партизанским и подпольным движением с целью превращения Витебской области, как ближайшей к соединениям Красной Армии, в “кипящий котел”. Наличие в экспозициях документов общесоюзного и общереспубликанского значения позволяет наглядно отразить централизованный и многоступенчатый характер власти.

Значительную группу экспонируемых документов составляют протоколы заседаний партийных организаций, отчеты, докладные, донесения секретарей обкомов и райкомов партии, дающие характеристику результативности деятельности партийных организаций в разрывании партизанского движения.

Таким образом, в музеях экспонируются две основные категории документальных материалов, свидетельствующих об организующей и руководящей роли Коммунистической партии в партизанском движении. К первой относятся директивы, приказы, предписания партийных органов, представляющие собой указания, предназначенные к обязательному исполнению. Основу данной категории составляют документы, изданные ЦК КП(б)Б. Вторая категория включает отчеты, донесения, докладные, в которых отражены результаты деятельности партийных организаций, преимущественно райкомов партии.

Широкое экспозиционное отражение получила и агитационная деятельность ЦК КП(б)Б и ЛКСМБ с целью привлечения местного населения в ряды участников партизанского движения. Основным средством пропагандистской работы партийных органов выступали печатные подпольные издания – газеты и листовки. Вся печатная продукция для оккупированных районов республики делилась на две группы. Первая группа издавалась в советском тылу и направлялась на захваченную врагом территорию. Она представлена в экспозициях преимущественно номерами газеты-плаката “Раздавім фашысцкую гадзіну”. Сатирическое издание выпускал ЦК КП(б)Б. Вторая группа печатной продукции производилась на оккупированной территории республики. Это издания подпольных областных, районных комитетов КП(б)Б, партизанских формирований. Партизанская печать информировала население о положении на фронтах, о международных событиях, разоблачала фашистскую пропаганду. Она поднимала боевой дух и политико-моральное состояние населения, активизировала партизанскую борьбу, вселяла в людей уверенность в победе над немецко-фашистскими захватчиками.

В отличие от экспозиций, созданных в советский период, в экспозициях 1990-х гг. нет четкого акцента на руководящей роли Коммунистической партии в партизанском движении, уделено внимание участию в нем военнослужащих, представителей органов НКВД, НКГБ. В этом плане показательны экспозиции Могилевского и Витебского областных краеведческих музеев, которые являются менее идеологизированными [5; 8]. Они построены на местных, краеведческих материалах (например, в них отсутствуют первые директивы ЦК КП(б)Б, фотографии П.К. Пономаренко, П.З. Калинина), представлены портреты только наиболее отличившихся секретарей обкомов и райкомов партии, организаторов партизанского движения. В экспозициях сделана попытка подать инфор-

мацію с общечеловеческих позиций, непредвзято, без оценок тем или иным событиям.

Новым явлением в музейной практике 1990-х гг. стало создание в экспозициях “образа врага” посредством немецких документов, обмундирования, оружия солдат вермахта. Главная цель, преследуемая экспозиционерами при этом, – показать, что Красная Армия и партизаны имели достойного противника, что еще более усиливает осознание их великого вклада в победу над немецко-фашистскими захватчиками. В качестве примера следует привести экспозиции Могилевского областного краеведческого музея, Кобринского и Волковысского военно-исторических музеев, музея обороны Брестской крепости-героя [5; 9; 10; 11]. Однако данный подход к отражению истории Великой Отечественной войны не всегда воспринимается адекватно общественностью и ветеранами Великой Отечественной войны. В связи с этим в Витебском областном краеведческом музее, например, была произведена реэкспозиция. Согласно последним установкам, немецкие вещи должны быть представлены в экспозициях только в качестве трофеев.

Для экспозиций конца 1990-х гг. – 2000 гг. характерен более взвешенный подход к отражению событий Великой Отечественной войны, иная степень объективного показа. В них наблюдается осмысленная преемственность с экспозициями советского периода. В ряде экспозиций районных музеев допускается незначительное использование общереспубликанских и общесоюзных материалов. Например, в Бобруйском краеведческом музее нашло отражение участие наших земляков в знаменательных битвах на фронтах Советского Союза [12]. Новым явлением в экспозициях Дрогичинского музея партизанской славы, Добрушского краеведческого музея, музея Обольского патриотического подполья, Березовского краеведческого музея является наличие в них портретов или барельефных изображений И.В. Сталина [13; 14; 15; 16]. Это оправдано, поскольку позволяет более объективно отразить сталинскую эпоху.

Анализируя экспозиции, следует отметить недостаточное отображение в них трудностей начального периода партизанского движения в республике. В них не представлены факторы, которые обусловили неудачи первых месяцев войны, связанные с просчетами советского командования, крахом концепции будущей войны (на чужой территории малой кровью), репрессиями многих партизанских командиров, разукомплектованием партизанских баз, созданных в конце 1920-х – 1930-е гг.

Недостаточное отражение, особенно в экспозициях советского периода, получил вклад военнослужащих, попавших в окружение в первые дни войны, в организацию партизанского движения в республике. А именно они, обладающие военными знаниями и боевым опытом, сыграли важную роль в создании первых партизанских отрядов, т.к., не имеющие навыков подпольной борьбы, не знакомые с правилами конспирации, многие партийные работники, оставленные в тылу врага для организации всенародного сопротивления, подверглись фашистскому уничтожению. И только в 1942 – 1943 гг. Коммунистическая партия стала той мощной организующей структурой, которая координировала деятельность партизанских формирований и подпольных организаций. Однако без поддержки местного населения и по другим причинам многие партизанские отряды прекратили свое существование, их бойцы либо погибли, либо осели в близлежащих населенных пунктах, либо вошли в состав других действовавших боевых соединений. В экспозициях музеев представлены преимущественно те партизанские отряды, созданные на основе бывших военнослужащих в 1941 г., которые переросли в

более крупные формирования, вели успешную боевую деятельность в дальнейшем. В БГМИВОВ, например, экспонируются материалы о партизанских группах Н.Н. Розова, В.И. Ничипоровича, 3-м партизанском отряде “Родина” А.Ф. Данукалова, в Могилевском областном краеведческом музее – о 113-м партизанском отряде К.М. Белоусова, 61-м партизанском отряде Г.К. Павлова [4; 5].

В музейных экспозициях не представлены многие созданные в 1941 г. партизанские формирования не столько из-за нежелания отразить их неудачи, сколько из-за отсутствия в фондовых собраниях музеев материалов о них. Однако отдельные экспозиции содержат информацию о тех организаторах партизанского движения, о которых нет сведений в фундаментальной справочной литературе. Например, в книге “Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны” представлена информация о том, что отдельный отряд “Макара” возглавлял бывший командир 628-го артиллерийского полка, фамилия которого не установлена. Однако в экспозиции Крупского историко-краеведческого музея находится фотопортрет данного человека с указанной в аннотации фамилией А.М. Лапшин [17].

На развитии партизанского движения в 1941 г. сказывалось отсутствие опыта партизанской борьбы, недостаток оружия, продовольствия, одежды. Многие люди, вступившие добровольно в организованные в первые дни войны отряды, почувствовав реальную опасность в связи с карательной деятельностью оккупантов на территории республики, отказались от участия в партизанском движении. В фондах Могилевского областного краеведческого музея хранятся воспоминания Генькина Абрама Лазаревича, начальника отдела военного обучения Могилевского областного ОСОВИАХИМа, о созданном в первые дни войны из добровольцев Хотимского района, состав которых был одобрен местным райкомом, партизанском отряде. О лагере, где расположился данный отряд, он писал: “Мы ужаснулись и пришли к заключению, что это не партизанский лагерь, а дом отдыха. Люди не чувствовали ответственности – пили, ели, играли в карты, пели песни. О конспирации и говорить было нечего. Чувствовалось, что тридцать человек прибыли на отдых и при первом выстреле они разойдутся по домам. Впоследствии это подтвердилось” [18].

Трагизм начального периода развертывания всенародного сопротивления врагу отражен в экспозициях преимущественно при помощи фотопортретов организаторов партизанского движения, погибших в 1941 – начале 1942 гг. Среди них – секретарь Минского обкома А.Ф. Брагин, задержанный и убитый гитлеровцами при организации партизанского отряда в Любанском районе (БГМИВОВ) [4], М.И. Жуковский, секретарь Краснослободского подпольного РК КП(б)Б (Солигорский краеведческий музей, Слуцкий краеведческий музей) [19; 20], Олег Вабишевич, разведчик партизанского отряда им. И.В. Сталина (Солигорский краеведческий музей [19]), член подпольной комсомольской организации Н.И. Простак (Слуцкий краеведческий музей) [20] и другие партизаны. В Дрогичинском музее партизанской славы фотографии погибших партизан окрашены в черный цвет [13].

Но на фоне всеобщей растерянности и неудач в условиях оккупационного режима успешно действовали отдельные партизанские отряды, сформированные В.З. Коржом (Пинская область), Т.П. Бумажковым и Ф.И. Павловским (Полеская область), М.Ф. Шмыревым, В.Е. Лобанком (Витебская область) и другими командирами. На ярких примерах успешной деятельности данных формирований, созданных решением обкомов или райкомов партии, преимущественно по-

строены экспозиции музеев. Однако в них не получил отражение тот факт, что многие из организованных партийными органами в первые месяцы войны формирований оказались нежизнеспособными. Например, из 16 отрядов, сформированных Пинским обкомом партии в июле 1941 г. на территории области, осенью остался один отряд из 60 бойцов [21, с. 474]. И только при всестороннем отражении в экспозициях трудностей и неудач начального периода войны степень осознания посетителями музеев подвига первых партизан-организаторов, их значимости и вклада в развитие партизанского движения будет гораздо выше.

Помимо констатации ряда удачных боевых операций, проведенных вышеуказанными партизанскими формированиями, в экспозициях музеев раскрываются основные причины их успешной деятельности в начальный период войны. Например, в экспонируемой в БГМИВОВ статье командира п/о “Красный Октябрь” Т.П. Бумажкова в газете “Правда” от 18 августа 1941 г. отмечается, во-первых, забота местного населения о партизанах, а во-вторых – связь с регулярными частями Красной Армии, в частности, с отдельным механизированным отрядом Л.В. Курмышова [4].

В экспозициях музеев представлены факторы, способствовавшие активизации партизанского движения в дальнейшем: успешные боевые действия Красной Армии, образование “Суражских ворот”, создание Северо-Западной оперативной группы, ЦШПД, БШПД, Особого белорусского сбора, других партизанских школ. Благодаря им партизанское движение, имеющее в начальный период войны форму стихийных и разрозненных выступлений, переросло во всенародную войну. Но в 1941 г. успешная боевая деятельность первых партизанских формирований зависела, прежде всего, от местного населения.

Заключение

Таким образом, в экспозициях по истории всенародного сопротивления врагу в музеях Беларуси в последние годы наметились тенденции к более объективному отражению проблемы зарождения партизанского движения. Акцент сделан не только на роли Коммунистической партии в организации партизанской борьбы, но и военнослужащих, местного населения. Следует отметить сокращение в краеведческих музеях количества материалов общесоюзного и общереспубликанского значения. Это позволяет преодолеть характерную для 1960 – 1970-х гг. тенденцию к созданию схематичных и однотипных экспозиций. Но, несмотря на более объективный показ, нельзя говорить о всестороннем отражении в экспозициях трудностей и неудач начального периода войны, причин, вызвавших эти неудачи. А хотя вопрос, как интерпретировать историю партизанского движения, остается открытым, очевидно, что представлять ее нужно с общечеловеческих позиций.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Симкин, М.П.** Великая Отечественная война Советского Союза в экспозиции краеведческого музея / М.П. Симкин. – М., 1957 – 44 с.
2. **Черноглазова, Р.А.** Построение экспозиции по истории партизанского движения / Р.А. Черноглазова. – Минск, 1978. – 10 с.
3. **Воронкова, И.Ю.** Великая Отечественная война Советского Союза в экспозиции краеведческого музея / И.Ю. Воронкова. – Минск, 1989. – 28 с.
4. Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны // научный архив.
5. Могилевский областной краеведческий музей // научный архив.

6. Мемориальный музей Героя Советского Союза К.С. Заслонова // научный архив.
7. Музей боевого содружества белорусских, русских, литовских и латышских партизан // научный архив.
8. Витебский областной краеведческий музей // научный архив.
9. Кобринский военно-исторический музей // научный архив.
10. Волковысский военно-исторический музей // научный архив.
11. Музей обороны Брестской крепости-героя // научный архив.
12. Бобруйский краеведческий музей // научный архив.
13. Дрогичинский музей партизанской славы // научный архив.
14. Добрушский краеведческий музей // научный архив.
15. Музей Обольского патриотического подполья // научный архив.
16. Березовский краеведческий музей // научный архив.
17. Крупский историко-краеведческий музей // научный архив.
18. Могилевский областной краеведческий музей // фонды.
19. Солигорский краеведческий музей // научный архив.
20. Слуцкий краеведческий музей // научный архив.
21. Гісторыя Беларусі : у 2 ч. – Ч. 2 : 19 – 20 стагоддзі : курс лекцый / П.І. Брыгадзін, У.Ф. Ладзеў, П.І. Зялінскі і інш. – Мн. : РІВШ БДУ, 2002. – 657 с.

Поступила в редакцию 30.12.2009 г.

УДК 130.2+008.001

С.В. ДОНСКИХ

СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В КОНТЕКСТЕ “МИРОСИСТЕМНОЙ ТЕОРИИ”

В статье анализируются особенности и перспективы социокультурных процессов в контексте “миросистемной теории” И. Валлерстайна. Отмечается, что в условиях, когда современный глобальный капиталистический мир-экономика вступил в период кризиса, ведущей формой социальной организации становится не “социальный класс”, а “этнонация”. Раскрываются особенности “геокультуры” как понятия и как феномена современной миросистемы. Делается вывод, что наиболее вероятным сценарием развития современного глобального мира является не дезинтеграция, а трансформация мира-экономики в мир-империю.

Введение

Среди современных научных направлений в социальных и гуманитарных науках особое место занимает “миросистемная теория”, классиками которой принято считать Иммануэля Валлерстайна, Андре Гундер Франка и Самира Амина. Как научное направление школа миросистемного анализа опирается на работы представителей “западного марксизма” (Роза Люксембург, Антонио Грамши, Дьердь Лукач) и второго поколения “Школы Анналов” (Фернан Бродель) [1, с. 6-7]. К “миросистемной теории” тесно примыкают историко-геополитические исследования американских ученых Джорджа Модельски и Джошуа Гольдстайна, анализирующих проблемы политической гегемонии в мировом масштабе. В качестве основного научного оппонента для теории миросистемного анализа выступает фундированная принципом необратимости линейная теория “стадий роста” (традиционное – индустриальное – постиндустриальное общество) Уолта Ростоу и Реймона Арона.

Не скрывающая своей генетической связи с марксизмом “миросистемная теория” долго воспринималась в постсоветском интеллектуальном пространстве

как еще одна версия “обанкротившегося” марксистского учения. Лишь в начале XXI в. “миросистемная теория” начинает привлекать внимание отечественных ученых. Речь идет о популяризации Б.Ю. Кагарлицким и Н.С. Розовым работ основоположника данной научной школы И. Валлерстайна, об отдельных исследованиях миросистемной теории Б.Л. Иноземцевым и А.Б. Рахмановым и попытке рецепции и концептуализации предложенного И. Валлерстайном понятия “геокультура” в работах В.Н. Кузнецова [1, с. 3-10; 2; 3].

Представляется, что, несмотря на свою несомненную ангажированность в левое общественное движение, школа миросистемного анализа обладает не только ретроспективным эвристическим потенциалом относительно становления и особенностей развития современной капиталистической миросистемы, но и прогностическими возможностями относительно будущего развития человечества. При этом она остается малоизвестной отечественным исследователям. В статье на основе работ И. Валлерстайна предпринята попытка не только раскрыть, но и спрогнозировать ведущие тенденции современных социокультурных процессов.

Научные поиски И. Валлерстайна фундированы осознанным “историческим экономизмом”. Ученый подчеркивает, что собственно научный анализ в социально-гуманитарной сфере возможен только относительно “исторических (социальных) систем”, связанных если не с определенным способом производства, то, как минимум, с определенным способом жизнеобеспечения. И. Валлерстайн выделяет два типа таких “исторических систем”.

- “Мини-система” – “объект, содержащий внутри себя полное разделение труда и единые культурные рамки”. По сути, это были “основанные на экономике взаимности” очень простые аграрные коллективы или общины охотников и собирателей. Большинство из них рано или поздно через системы уплаты дани утратили “самодостаточное разделение труда” и были интегрированы в состав различных империй, что знаменовало собой переход к “более широкой распределительной экономике” [1, с. 24]. Поэтому для И. Валлерстайна в обозримую историческую эпоху говорить об автаркии “мини-систем” как “целостных объектов научного анализа” уже не приходится. Все они, так или иначе, включены в состав больших “миросистем”.

- “Миросистема” – “общность с единой системой разделения труда и множественностью культурных систем”. Существуют две разновидности такой миросистемы: мир-империя и мир-экономика. Мир-империя рассматривается И. Валлерстайном как “разновидность миросистемы с общей политической системой” и “перераспределительной экономической основой”, в то время как мир-экономика – это разновидность миросистемы с “единым экономическим целым, где экономика является ведущей сферой общественной деятельности, а общая политическая система отсутствует”. Показательно, что обе разновидности “миросистемы” лишены культурного единства.

Основная часть

Насколько позволяют судить тексты И. Валлерстайна, он считает, что в истории человечества “миросистемы” начинали формироваться преимущественно как “мир-экономики”, но неизбежно трансформировались в “мир-империи” (Египет, Рим, Китай). В этом американский ученый солидарен с мнением Ф. Броделя о том, что в “историческом забеге” между городом и государством, который периодически повторялся в разных частях света, к финишу первым

приходило государство, которое подчиняло себе (интегрировало и согласовывало) городские вольности и права [4, с. 91-92]. И. Валлерстайн отмечает, что для “перераспределительной экономики “мира-империи” “обмен прибавочной стоимостью внутри системы – игра с нулевой суммой” [1, с. 34], в то время как в рамках “мира-экономики” налицо стремление к извлечению прибыли. Возможно, именно в этом кроется причина нестабильности исторических “миров-экономик”. На несовершенном технологическом фундаменте традиционного (аграрного) общества они объективно не могли долговременно обеспечить стабильность и, тем более, рост прибыли. Лишь сильная политическая воля могла стабилизировать зависимую от природно-климатических колебаний и внешних вторжений “историческую (социальную) систему”. Если достигнуть этого не удавалось, то “миросистема” как таковая дезинтегрировалась. Поэтому, стремясь к исторической точности, И. Валлерстайн называет конкретные “миры-экономики” прошлого “прото-миры-экономики” Индийского океана и Западного Судана [1, с. 46].

В структуре любой “миросистемы” И. Валлерстайн выделяет три сферы.

- Центр (ядро, сердцевина) – центральная часть миросистемы, присваивающая себе большую часть прибавочной стоимости и концентрирующая в себе политическую власть в рамках всей “исторической (социальной) системы”. В центре “спектр видов экономической деятельности является самым широким”, а различия в стилях жизни значительны, вариативны, но относительно легко преодолимы [1, с. 44].

- Полупериферия – “буферная” зона миросистемы, которая является одновременно и эксплуатируемой, и эксплуатирующей. Она специализируется на менее широком спектре видов экономической деятельности, зачастую на менее доходных с точки зрения центра отраслях хозяйства. Например, предметы роскоши с их узким рынком сбыта или экологически небезопасные производства. И. Валлерстайн подчеркивает, что полупериферия – это явление преимущественно политического, нежели экономического плана. С точки зрения экономической целесообразности миросистема может существовать и без полупериферии, но политически это невозможно как для мира-империи, так и для мира-экономики.

- Периферия – наиболее зависимая зона миросистемы, которая имеет ярко выраженную узкую специализацию, чаще всего – сырьевую (добыча полезных ископаемых, монокультурное сельское хозяйство “банановых республик” и т.п.). Политически периферия – это наиболее слабая и эксплуатируемая зона миросистемы. Различия в стилях жизни верхов и низов здесь огромны.

Таким образом, И. Валлерстайн дополняет классический марксистский анализ “вертикального социального неравенства и эксплуатации” в рамках определенного общества “горизонтальным (пространственным) социальным неравенством и эксплуатацией” между различными регионами миросистемы.

“Мегатрендом” социокультурного развития современности И. Валлерстайн считает формирование и распространение капиталистического мира-экономики. Капитализм понимается И. Валлерстайном максимально широко – как социально-экономический строй, который “наиболее фундаментально определяется тенденцией к бесконечному накоплению капитала” [1, с. 103]. Капиталистический мир-экономика зародился в “долгом XVI веке” (1450 – 1640) и первоначально включал в себя Северо-Западную Европу в качестве центра, Средиземноморье [преимущественно европейское. – С.Д.] как полупериферию и западное полуша-

рие (обе Америки) и Восточную Европу в качестве периферии. К середине XIX в. он вообрал в себя все исторические системы: Оттоманский, Русский и Китайский миры-империи и протомиры-экономики Индийского океана и Западного Судана [1, с. 37-38]. Центр капиталистического мира-экономики не изменился. В состав полупериферии вошли, кроме традиционного Средиземноморья, три страны: США, Россия и Япония. Весь остальной мир стал эксплуатируемой периферией этой глобальной миросистемы. Отметим, что для И. Валлерстайна и Ф. Броделя становление капиталистического мира-экономики было закономерным, но не являлось неизбежным. Это результат уникального стечения исторических обстоятельств в “долгом XVI веке” [4, с. 74-75].

Таким образом, в XX в. у капитализма не только исчезли какие-либо актуальные исторические альтернативы, но даже потенциальные зоны экстенсивного развития за счет освоения и инкорпорации в состав миросистемы так называемых “внешних зон системы”, обмен с которыми является несущественным для сохранения самой “исторической системы”. Поэтому дальнейшая история капиталистического мира-экономики есть напряженная борьба за первенство внутри единственно возможной миросистемы. В результате этой борьбы США не только вошли в круг государств центра, но и заняли в нем позицию гегемона. Япония лишилась политических амбиций, но была включена в группу стран центра. СССР (с высоты сегодняшнего дня, скорее, “постсоветские республики”), несмотря на отчаянную коммунистическую попытку “ворваться” в группу стран центра, скатился с уровня полупериферии на уровень периферии [3, с. 88].

Уникальность современной ситуации, по И. Валлерстайну, состоит в том, что мы присутствуем при “начале конца” актуальной миросистемы. Исчерпавший как внутренние резервы, так и внешние возможности для дальнейшего развития капиталистический мир-экономика вступает в период своей дезинтеграции: “Мы верим, что современная миросистема вступила в эпоху “перехода”, что она стоит перед точкой бифуркации и перед периодом великих родовых мук и повсеместного хаоса и что в течение следующих 25-50 лет мир эволюционирует к новому структурному порядку, который, может быть, будет, а может и нет, лучше чем современная система, но, несомненно, будет иным” [1, с. 16].

Для И. Валлерстайна исторический процесс упорядочивается и структурируется не по модели “стадий роста”, через которые с разной скоростью проходят все страны мира. Он рассматривается как процесс формирования системы, конкретно капиталистической миросистемы, которая поглощает и инкорпорирует все другие социально-исторические системы и стратифицирует их в иерархию “центр – полупериферия – периферия”, пока “внешняя зона системы” не исчезает вовсе с лица Земли. В этой модели изначально никто не обещает всем акторам – “элементам системы” достижения центрального статуса “развитого государства”. Поэтому У. Ростоу для И. Валлерстайна ошибочен, а Р. Арон с его идеей конвергенции капитализма и социализма надуман. Ибо, по сути, СССР никогда не покидал границ капиталистического мира-системы, но занимал в нем место полупериферии [1, с. 22, 34]. Таковы концептуальные рамки, в границах которых ставятся и решаются социокультурные проблемы в теории миросистемного анализа. Социальные процессы рассматриваются как производные от разделения труда в рамках эволюционирующего капиталистического мира-системы, а культурные процессы – как “упорядочивающий фактор”, как своеобразный стабилизирующий систему нематериальный ресурс.

Анализируя социокультурные процессы, И. Валлерстайн формально сохраняет хорошо известную отечественным ученым из “советского марксистского дискурса” каузальную цепочку: экономика → социум → политика → культура. Однако уже на уровне социума американский ученый принципиально отходит от свойственной советскому марксизму “непримиримой классовой поляризации”. Во-первых, социальная макроструктура, по И. Валлерстайну, является трехчленной, с обязательным выделением “среднего слоя (класса)”. В контексте миросистемной теории это позволяет провести очевидные параллели между пространственной иерархией капиталистического мира-системы и его социальной иерархией, где “полупериферия” = “средний класс” стабилизируют “историческую систему” в целом. Во-вторых, И. Валлерстайн приравнивает по значению “социальный класс” и “этнонацию” (она же “этническая, или статусная, группа”) как “две основные формы социальной организации” [1, с. 44-45, 85]. Поэтому национальные проблемы занимают в миросистемном анализе не менее важное место, нежели классовые.

И. Валлерстайн отмечает, что собственно социальные классы являются скорее “относительными” социальными группами по сравнению с более устойчивыми, “универсальными” этнонациями: “...классы не являются какой-то неизменной сущностью. Они скорее формируются, консолидируются, дезинтегрируются или распадаются; и они переформируются. Это процесс постоянного движения, и величайшим препятствием для понимания их деятельности является овеществление” [1, с. 84]. Для И. Валлерстайна классовые формы социальной организации преобладают в момент становления и подъема миросистемы, в то время как “этно-национальное сознание” характерно для периодов упадка и кризиса миросистемы: “Этнонациональное сознание является постоянным прибежищем для всех, кому классовая организация угрожает утратой относительных преимуществ при нормальной деятельности на рынке и в политическом торге, где доминируют классы” [1, с. 89].

Таким образом, социальный класс и этнонация являются социальными формами организации, преобладающими на разных этапах эволюции миросистемы как “исторической системы”. Обе эти формы экономически детерминированы и социально-политически ангажированы. Но для социального класса, как ведущего актора на этапе подъема миросистемы, не существенны культурные маркеры своей “экзистенции”, в то время как для этнонации, как актора на этапе упадка миросистемы, культурные символы являются крайне важными для сохранения своего привилегированного положения в условиях ограниченности и/или уменьшения жизненных благ и экономических ресурсов. Культура здесь служит для легитимации социального статуса, который уже невозможно поддерживать насилием или частичным перераспределением дохода в пользу низших классов. Поэтому, анализируя классовое сознание, правомерно говорить о “презентациях” (в терминах теории “ориентализма” Э.В. Саида), ибо здесь речь идет об осознании большой социальной группой объективного исторического процесса и своего места в нем, в то время как этнонациональное сознание является отчасти “презентацией” (относительно высших классов), а чаще всего навязанной извне “репрезентацией” (относительно средних и низших классов). Обосновывая и “воображая” свои “естественные” преимущества как фундамент социальных привилегий, высшие классы неизбежно “конструируют” противоположные себе этничности, легитимируя тем самым определенный социально-политический строй. Такого рода “этничности” со временем становятся самоочевидными “реп-

резентациями” для средних и низших классов. Имея в своей основе культурные начала, этнонации оказываются гораздо более устойчивыми социальными формами по сравнению с социальными классами. На современном этапе кризиса капиталистического мира-экономики этнонация является доминирующей формой социальной организации. Это объясняет обострение национальных конфликтов и популярность научных дебатов по проблемам этничности.

Имплицитно встающую в связи с введением понятия “этнонации” как идеального типа проблему теоретической демаркации национального и этнического И. Валлерстайн решает через соотнесение этих категорий с логикой существования капиталистического мира-экономики, который с середины XIX в. является единственной миросистемой на Земле. Ученый отмечает, что раса, нация и этническая группа являются тремя базовыми типами “народов” в современном мире: “Раса” – категория генетическая, расовая принадлежность имеет четкое физическое выражение во внешнем виде человека [1, с. 89]. “Нация” является категорией социально-политической, неким образом связанной с реальными или потенциальными границами государства. “Этническая группа” – культурная категория, характеризующаяся рядом особенностей, переходящих из поколения в поколение, этническая группа в теории не имеет привязки к государству и его границам [5, с. 93]. Каждый из этих “типов народов” играет свою роль в формировании и использовании мировых трудовых ресурсов в интересах капиталистической миросистемы. Категория расы, как правило, используется для структурирования рабочей силы и легитимации ее эксплуатации в глобальном масштабе. Категория нации важна для стран центра и особенно полупериферии для консолидации общества и повышения “конкурентоспособности” национальной экономики за счет государственного ресурса в рамках капиталистической миросистемы. Категория этнической группы структурирует социально-экономические процессы “повседневности” в конкретных государствах, регионах и отраслях экономики.

Последний вопрос следует рассмотреть особо, так как категория “этничности” начинает широко использоваться отечественными учеными, которые склонны проблематизировать ее исключительно в контексте межкультурной коммуникации и социокультурной толерантности. Между тем, по мнению И. Валлерстайна, несмотря на то, что этничность “артикулируется” посредством культурной символизации, фундирована она преимущественно экономической специализацией в рамках глобального капиталистического мира-системы: “В этническом разделении видов деятельности есть немало достоинств. Различные типы производства требуют различных норм поведения рабочей силы. Если это поведение не определяется генетически¹, следовательно, ему следует учить. Рабочая сила должна социализироваться, формируя разумно разнообразное мировосприятие. “Культура” этнической группы есть не что иное как набор правил, действовать в рамках которых родители в процессе социализации обучают своих детей”. Диалектика “этничности” и “национальности” позволяет капитализму сохранять свое социальное “единство в многообразии”, периодически осуществлять “реструктуризации” в рамках “мирового рабочего класса” и максимально эффективно использовать различные трудовые ресурсы. В данном контексте И. Валлерстайн подчеркивает: “Постоянное появление новых этнических групп, реструктуризация и исчез-

¹ “Генетическое” здесь сродни понятию “габитуса” П. Бурдьё – культурной нормы, доведенной социумом до автоматизма рефлекса.

новение уже существующих обеспечивает гибкость экономического механизма” [5, с. 100].

Опираясь на данный подход И. Валлерстайна, можно резюмировать: подобно тому как социальный класс и этнонация являются двумя формами социальной организации, так и этнонация, как идеальный тип, подлежит феноменализации в двух модусах: “этничность” и “национальность”. На трех уровнях капиталистической миросистемы эти модусы распределяются неравномерно:

- В центре представлены “национальность”, и “этничность”. Первая позволяет консолидироваться высшим классам и господствующим группам, а вторая обеспечивает отрасли экономики, наиболее разнообразные именно в центре системы, соответствующей рабочей силой, необходимым образом “естественно” квалифицированной и согласной со своим статусом. Именно по этой причине феномен “этничности” в форме разнообразных этнокультурных групп наиболее ярко проявляет себя в государствах центра современной капиталистической мира-экономики: в США и англоязычных странах. Собственно национализм в государствах центра артикулирует себя не столько этнически, сколько этатистски.

- На полупериферии большее значение имеет концепт “национальности”. Государства полупериферии, с одной стороны, озабочены сохранением своего относительно привилегированного статуса в миросистеме по сравнению с государствами периферии. С другой стороны, они стремятся максимально консолидировать общество для борьбы со странами центра. Поэтому национализм полупериферии артикулирует себя как преимущественно этнический национализм. Собственно “этничность” на полупериферии, например в странах Восточной Европы, всегда находится под подозрением и рассматривается как угроза и внешнее вмешательство.

- На периферии доминирует модус “этничности”. Поскольку здесь слабо ощущается влияние феномена “национального”, этничность зачастую проявляет себя не в форме межкультурной коммуникации этнокультурных групп, а в форме трайбализма и острых этнических конфликтов. В последнем нет ничего удивительного, так как при узкой специализации экономики стран периферии здесь невозможно, как в государствах центра, скоррелировать различные экономические сектора с определенными этническими группами. В таких условиях на периферии этнические конфликты есть не статусная конкуренция, но вопрос физического выживания, при решении которого не до сантиментов и соблюдения прав человека.

Предложенная И. Валлерстайном модель “этно-экономической стратификации” современного социума оригинальным образом ставит проблему культуры. С одной стороны, многообразие этнических статусных групп капиталистического мира-экономики предполагает ярко выраженный культурный партикуляризм. С другой стороны, для выполнения своей базовой функции легитимации существующего социально-экономического порядка культурные ценности должны если не являться универсальными, то хотя бы претендовать на универсальность [1, с. 131]. По мнению И. Валлерстайна сама по себе культура стремится к максимальной диверсификации и разнообразию, вплоть до культурной атомизации личности: “Каждый индивид – место встречи большого числа культурных особенностей”. Лишь власть периодически пытается удержать социум от “чистой культурной анархии”: “...определение культуры – вопрос обозначения политических [т.е. связанных с осуществлением власти. – С.Д.] в основе своих границ

пределов угнетения и пределов защиты от угнетения” [1, с. 135-136]. Для И. Валлерстайна культура – это самые надежные скрепы миросистемы, которые формируются позже других (экономических, политических) и удерживают социальную систему от распада, даже когда система уже исчерпалась экономически и ослабела политически: “Капиталистическая мироэкономика выработала определенные системные формы культурного давления для поддержания действия [рыночных] механизмов. Формы давления, которые стремятся дисциплинировать рабочую силу и направить ее в определенное русло, стали называться расизмом и сексизмом. Формы давления, которые стремятся дисциплинировать и направлять в определенное русло мировые кадры профессионалов, или “средние слои”, мы стали называть рационализмом, или универсализмом, или “наукой” [1, с. 113].

В рамках миросистемного анализа не рассматриваются проблемы, связанные с формами культурной манифестации: “большими стилями”, классикой, элитарной культурой, ортодоксальной культурой и т.п. Для И. Валлерстайна единство культуры обеспечивают не они, а идеалы и ценности, “пронизывающие” все партикулярные формы культуры в рамках определенной “исторической системы”. Это имплицитное интегрирующее начало культуры в рамках определенной миросистемы получило у американского ученого дефиницию “геокультуры”. Этимологически в русском языке подобный концепт вряд ли следует признать удачным. Он отсылает сознание либо к географическим образам, либо к экологическим проблемам, но в миросистемном анализе речь идет скорее о господствующей, ведущей идеологии определенной миросистемы. Для мира-империи такая идеология чаще всего манифестируется в религиозной форме. Для мира-экономики – в идеологической форме. Вводя понятие “геокультуры”, И. Валлерстайн подчеркивает пространственную ограниченность геокультуры как идеологии границами определенной миросистемы, а также ее скрытое, но основополагающее положение относительно всех других культурных явлений и “культурных регионов”. Американский ученый подчеркивает: “Все миросистемы имеют геокультуры, хотя может потребоваться некоторое время, чтобы такая геокультура утвердилась в данной исторической системе. Я использую здесь слово “культура” в смысле, традиционно применяемом антропологами, как систему ценностей и основных правил, которые, сознательно и бессознательно, управляют поощрениями и наказаниями в обществе и создают систему иллюзий, которые должны убедить членов общества в его легитимности” [1, с. 189]. И. Валлерстайн приводит пример двух таких “геокультур”: либеральной (1789 – 1968) и “геокультуры развития” как формы рецепции базовой либеральной геокультуры в странах периферии. Обе из них, по мнению ученого, утратили свое консолидирующее значение в конце XX в. В XVII – XVIII вв. этим геокультурам предшествовали “современность освобождения” и “современность технологии” – “два дискурса и два стремления” Нового времени, которые можно рассматривать как диалектически связанные геокультуры. Либерализм как геокультура смог согласовать эти дискурсы: “В годы между 1815 и 1848 была выработана геокультура, которая была предназначена для продвижения современности технологии, при одновременном сдерживании современности освобождения. <...> Тем самым была создана прочная геокультурная основа, оправдывающая функционирование капиталистического мира-экономики” [1, с. 170-171].

В данном контексте необходимо заметить, что попытка ввести понятие “геокультуры” в социально-гуманитарные науки на постсоветском пространстве, пред-

принятая В.Н. Кузнецовым, имеет мало общего с миросистемным анализом. Согласно исследованиям российского автора, “геокультура – этот смысл, форма и сфера деятельности человека, народов мира и государств в культурном масштабе на основе уважительного диалога, культуры мира и безопасности по поводу формулирования, уточнения и достижения личных, национальных и цивилизационных целей, идеалов, ценностей, интересов; сохранения, развития и защиты норм и традиций людей, семей, наций и обществ, их социальных институтов и сетей жизнеобеспечения от неприемлемых вызовов, рисков, опасностей и угроз” [2, с. 8]. Образно говоря, для В.Н. Кузнецова понятие “геокультуры” имеет субстанциональный, универсальный и гуманистический характер, пытается вместить в себя все положительное, что создано человечеством в сфере культуры. Для И. Валлерстайна “геокультура” функциональна и ограничена рамками конкретной миросистемы.

Насколько позволяют судить тексты И. Валлерстайна, культурный партикуляризм изначально присущ любым миросистемам. Однако миры-империи справляются с задачей культурной унификации, точнее, согласования более успешно, нежели миры-экономики. Особенно тяжело это задача далась современной миросистеме и была решена лишь к середине XIX в.: “Капиталистический мир-экономика экономически и политически функционировал в системе, где отсутствовал геокультура, необходимая, чтобы поддерживать и усиливать эту систему. Последняя, таким образом, оказывалась плохо приспособленной к своим собственным динамическим нагрузкам. Ее можно было бы осмысливать как нескоординированную или борющуюся против самой себя. Постоянная дилемма системы носила геокультурный характер. Это требовало серьезных изменений, если капиталистический мир-экономика собирался процветать и расширяться, как того требовала его внутренняя логика” [1, с. 169]. Как отметил шведский антрополог Джонатан Фридмен, в предложенной И. Валлерстайном модели “перманентного производства этничности” априори возможна лишь культурная гибридизация – “гибридный космополитизм”, но не тотальная культурная унификация, которой так боятся антиглобалисты [6, с. 654].

По мнению И. Валлерстайна, события 1968 г. можно рассматривать как “общемировую революцию”, которая привела к развенчанию и дискредитации либеральной геокультуры капиталистической миросистемы. Мы снова находимся в ситуации отсутствия скрепляющей и легитимирующей историческую систему культуры. Постмодернизм, по мнению И. Валлерстайна, не может претендовать на эту роль, так как, по сути, возвращает геокультуру к антиномии XVIII в. Постмодернизм есть “способ отрицания современности технологии во имя современности освобождения”, хотя и изложенной в весьма причудливой форме, чтобы полностью порвать с либеральным дискурсом [1, с. 185].

Заключение

Таким образом, “миросистемная теория” И. Валлерстайна предвещает нам многочисленные экономические кризисы и социально-политические проблемы. Большинство из них будет проходить в “этнонациональных” формах. В перспективе произойдет неизбежное становление новой миросистемы, возможно, но не обязательно лучшей, нежели современный капиталистический мир. Однако И. Валлерстайн не рассматривает сценарий, который самым логичным образом вытекает из его оригинальной теории. Большинство миров-экономик прошлого, столкнувшись с социально-экономическими проблемами, трансформировались в миры-империи. Нынешний глобальный капиталистический мир-экономика – единственная миро-

система на планете – может пойти этим же путем. Ведь это очевидный и наиболее простой путь сохранения привилегированного положения для государств центра миросистемы. Тогда XXI век станет свидетелем рождения первого глобального мира-империи или, что более вероятно, нескольких миров-империй, поделивших наследство капиталистического мира-экономики. Ведь не случайно разного рода “имперские” исследования приобретают такую популярность в современных социально-гуманитарных науках.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Валлерстайн, И.** Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / И. Валлерстайн ; под ред. Б.Ю. Кагарлицкого. – СПб. : Изд-во “Университетская книга”, 2001. – 416 с.
2. **Кузнецов, В.Н.** Геокультура: Основы геокультурной динамики безопасности в мире XXI: Культура-Сеть / В.Н. Кузнецов. – М. : Книга и бизнес, 2003. – 632 с.
3. **Рахманов, А.Б.** Современные теории глобального общества: И. Валлерстайн, Дж. Модельски, Дж. Гольдстайн / А.Б. Рахманов // Вестник МГУ. – Сер. 18, Социология и политология. – 2003. – № 2. – С. 85–126.
4. **Бродель, Ф.** Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV – XVIII вв. / Ф. Бродель. – М. : Прогресс, 1992. – Т. 3. – 680 с.
5. **Балибар, Э.** Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности / Э. Балибар, И. Валлерстайн. – М. : Логос-Альтера, 2003. – 272 с.
6. **Friedman, J.** Globalization, Class and Culture in Global Systems / J. Friedman // Journal of World-Systems Research. – 2000. – Vol. VI. – № 3. – P. 636–656.

Поступила в редакцию 18.02.2010 г.

УДК 003

А.В. СУХОВЕРХОВ

ТЕОРИЯ ЗНАКОВЫХ СИСТЕМ КАК ОСНОВА ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПАМЯТИ В ЖИВЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМАХ

В статье представлен проект общей теории памяти, включающий в себя прежде всего исследование биологической и социальной памяти. Семиотика, как общая теория знаковых систем, рассматривается как теоретическое и методологическое основание данной теории в связи с тем, что семиотические процессы и процессы памяти являются синергичными и взаимораскрывающими. Утверждается, что биологическая и социальная память, как и знаковые системы, лежащие в их основании, не могут быть редуцированы к материальным объектам, функционирующим в рамках этих систем как их знаки (репрезентации). Более того, доказывается, что динамические самовоспроизводящие биологические и социальные системы являются по своей природе системами памяти и знаковыми системами, так как они непрерывно воспроизводятся ими и воспроизводят их.

1. Развитие концепции общей теории памяти

Определяющим и направляющим для философии как науки является поиск фундаментальных принципов и законов, обуславливающих содержание и функционирование различных классов явлений. Такой подход характерен и для других наук, которые, как и философия, носят междисциплинарный характер, – синергетики, кибернетики, семиотики. Современное развитие науки раскрывает ряд проблем,

которые требуют объединения не только частных, но и междисциплинарных наук. В частности, изучение знаково-информационных процессов и процессов воспроизведения в различных системах выявило необходимость междисциплинарных исследований памяти и придания ей более широкого онтологического статуса.

Осознание необходимости построения общей теории памяти возникло не так давно. В 2000-х гг. начинают появляться работы, посвященные системным исследованиям социальной (культурной) и биологической памяти, в которых высказываются мнения о создании теории памяти, охватывающей различные области реальности: от физической и биологической до социальной и технической [1]. Нужно отметить, что пока исследования общих вопросов памяти носят скорее социологический характер. Например, с 2008 г. выходит журнал “Исследования памяти” (“Memory studies”), который проводит главным образом социогуманитарный и социально-психологический анализ феномена индивидуальной и общественной памяти. В Германии в городе Эссен существует Институт исследований культуры (Kulturwissenschaftliches Institut), изучающий вопросы культурной и исторической памяти. Широкое изучение различных объективных (объективированных) аспектов памяти вызвано также развитием исследований в рамках парадигмы “экстернализма” (externalism), концепций “дистрибутивного мышления” (distributed cognition) и “расширяющегося разума” (extended mind) [2].

Как правило, параллельно социокультурным и социально-психологическим исследованиям памяти ведутся междисциплинарные исследования памяти в биологических системах, где все больше применяются информационные и семиотические подходы к пониманию живых систем. Толчком к появлению таких исследований послужило открытие ДНК как (знакового) носителя информации. Если в начале XX в., в биологии определяющим был физико-химический, механистический и детерминистский подход, то после открытия ДНК и благодаря возникновению и развитию в середине XX в. таких научных направлений, как кибернетика, теория информации, синергетика, и семиотика, теоретическая биология пополняется теоретическим и методологическим аппаратом, основанным на информационно-знаковом и телеологическом рассмотрении живых систем [3]. Междисциплинарная интеграция привела к появлению таких направлений, как биосемиотика, биолингвистика, биокибернетика, которые всесторонне изучают роль памяти, знаково-информационных процессов в функционировании, адаптации, развитии и воспроизведении живых систем. В частности, исследования в области биосемиотики объединили специалистов из разных областей гуманитарного и естественнонаучного знания, превратив биосемиотику в активно развивающееся направление, интегрирующее разные знаково-информационные подходы к живым системам. В 2005 г. открылся “Биосемиотический журнал”, главным редактором которого стал М. Барбиери – профессор эмбриологии Феррарского университета (Италия). В этом же году было образовано Международное общество биосемиотических исследований [4]. Еще раньше, с 2001 г., стали ежегодно проводиться международные конференции под названием “Собрания по биосемиотике” (“Gatherings in Biosemiotics”), которые привлекли специалистов из разных областей знания. Такой междисциплинарный подход к проблемам биологии, знаковых систем, общей теории информации и памяти содействует изучению изоморфизма в механизмах сохранения и наследования информации в живых и социальных системах.

В целом нужно отметить, что объединение различных междисциплинарных подходов к пониманию памяти в единую теорию пока носит скорее характер

намерения или рабочей гипотезы. Идеи, указывающие на единство принципов биологической и социальной памяти, пока еще формулируются лишь в виде сравнений или аналогий. На данный момент происходит скорее общее осознание материала, связанного с расширенным толкованием понятия “память”, обсуждаются границы применимости этого понятия [5].

На каких же основаниях строить общую теорию памяти? Теоретической и методологической основой для этого может выступить общая теория знаковых систем. Так, фиксация и трансляция памяти осуществляется посредством знаковых систем, и память обычно олицетворяется в форме предметов, имеющих знаковую природу (ДНК, текст, традиция). Но можно ли редуцировать память к знаковым системам в их простом понимании как материальных средств, автономно репрезентирующих некую автономную информацию (реальность), или необходимо создать теорию, которая бы рассмотрела знак, информацию и память как разные проявления или атрибуты единого системного *процесса*. Здесь мы сталкиваемся с другой проблемой. Семиотика как теория знаковых систем сама является еще формирующимся направлением, в котором понятие знак, знаковые системы, семиозис являются дискуссионными. Не получится ли так, что мы будем определять неопределенный объект (память) посредством другого, еще неопределенного объекта (знак)? Сложность и привлекательность этой проблемы и состоит в том, что процессы памяти и семиотические процессы являются интегрированными, и раскрытие одного содействует раскрытию другого. Поэтому раскрытие понятий “память”, “семиозис”, “знаковые системы” будет содействовать общему раскрытию интегрированных знаковоинформационных процессов в природе и обществе. Пауль Боусак пишет, что странным образом большинство исследователей семиотики упускают сложную синергию памяти и семиозиса, но это упущение основано на том, что память, воспринимаемая как нечто должное, несправедливо выпадает из области специальных семиотических исследований. Нужно отметить, что данный исследователь рассматривает интеграцию семиотики главным образом с психологией (эволюционной, когнитивной, вычислительной и нейропсихологией), то есть отдает предпочтение проблемам репрезентации знаний в индивидуальной памяти [6]. Но такое объединение может быть гораздо шире. Калеви Куль указывает на возможность объединения гуманитарных и естественных наук, исследований биологической и социальной памяти, а также общей теории информации под крылом семиотики в целом или биосемиотики (как науки о происхождении и развитии знаковых систем) в частности [7].

Рассмотрим подробнее роль и взаимодействие памяти и знаковых систем в функционировании социальных и биологических систем.

2. Память и знаковые системы в природе и обществе

Общество как знаковую систему анализировали различные школы и направления: герменевтика, структурализм, прагматизм, символический интеракционизм, драматическая социология и многие другие, но всестороннее рассмотрение общества (культуры) как *знаково-символической системы* началось исторически не так давно – с середины XX ст. Наиболее известными стали труды французских философов Р. Барта, К. Леви-Строса, Ж. Дарриды, а в России в 70 – 80-е гг. – труды Ю.М. Лотмана и М.К. Петрова.

Последние годы изучение знаковых систем в обществе или культуре активно развивается, как и исследования в области семиотических проблем биологии,

но при этом попытки объединить исследование биологических и социальных систем на общих принципах семиотической теории и теории памяти еще не имеют ярко выраженного характера, несмотря на то что все онтологические и теоретические предпосылки для этого уже существуют. Например, некоторые исследователи проводят прямую аналогию между ДНК и языком. В частности, структурный анализ мифов, языка позволил Леви-Стросу говорить о сходстве в способах кодирования и передачи информации в природе и культуре [8]. М.К. Петров в работе “Язык, знак, культура” для описания формирования человека, функционирования и развития общества также использует такие понятия, как “социальное наследование”, “внебиологическое кодирование”, “социокод”, так как считает, что в обществе, как и в природе, существуют механизмы социального наследования, которые надстраиваются над биологическими, но выполняют сходные функции [9]. Это позволяет говорить о том, что возможно построить не просто общую (синхроническую) теорию памяти, но и эволюционную (диахроническую) модель памяти, репрезентирующую разные этапы развития памяти и то, как исторически более поздние уровни памяти возникают из более ранних и, надстраиваясь над ними (или встраивая их в себя), воспроизводят их общие принципы.

Важно отметить, что ряд исследователей сейчас подчеркивают необходимость рассмотрения процессов наследования и передачи информации без редукции их только к знаковым системам, “хранящим” или “транслирующим” эту информацию. Это связано с осознанием принципиального различия между знаком и знаковым средством (sign vehicle). Знаковые средства или предметы, используемые как знаки, сами по себе не несут никакой информации, помимо того что они есть то, что они есть (А есть А). Они возникают или становятся знаками (А есть не-А) только внутри определенной системы, которая функционально воспроизводит эти знаки и воспроизводится ими. Например, любой сигнал светофора по своей природе “тождественен себе”, но в системе социальной деятельности он функционирует как нечто большее – как знак, репрезентирующий информацию, посредством которой социальная система регулирует и (само)регулируется.

Поэтому применение упрощенного семиотического подхода может привести к следующей проблеме. Если живые и социальные системы являются знаковыми системами, то не получается ли так, что данный подход редуцирует одну систему к другой. Кроме того, если живой организм и культура являются знаковой системой, то что транслирует и как передается опыт или вся система культуры. Действительно, если мы редуцируем, например, культуру к *знаковым средствам*, то тогда культура не сможет передать себя, как свет светофора не может сам по себе передать свое значение или сам по себе регулировать движение. Нужно предположить, что вся культура как система должна передать и светофор, и его значение, и всю “концепцию” дорожного движения, в которой он функционирует как знак. Но в этом случае нельзя редуцировать ни знак, ни культуру к знаковым средствам, что часто делается в семиотических исследованиях. В отличие от знакового средства знак не является физическим объектом, он является системным феноменом или, точнее, эпифеноменом. Он существует только в системе культуры и при этом не как “знак” (это понятие метаязыка), а как *сама культура*. Например, кивок – это не *знак* согласия, а само согласие, рукопожатие – само приветствие, звонок – начало урока (перемены), ограда территории – границы частной собственности, а все они вместе – это и есть сама культура. Поэтому необходимо избегать отожде-

ствления знака как репрезентации (олицетворения) самой культуры со знаковым средством с помощью которого культура репрезентирует и воспроизводит себя. Это создает некий парадокс: с одной стороны, в системе культуры нельзя отождествлять *сам по себе* кивок головой со знаком, и, с другой стороны, согласие нельзя отождествлять с кивком головы, так как в первом случае кивок головой сам по себе не знак, а согласие, во втором случае, не есть кивок (ибо в Болгарии, например, это несогласие). В данном примере “согласие” – это не природный факт, это эпифеномен, который диалектически раскрывается (репрезентируется) культурой и раскрывает (репрезентирует) ее в том, что по своей природе не есть согласие. Поэтому культура лишь условно (теоретически) может разделяться на некую автономную культуру и автономную знаковую систему, которая “*сама по себе*” ее обозначает. В действительности, культура представляет собой и обозначающее, и обозначаемое, и в этом смысле она и является самой из себя развивающейся системой, себя кодирующей и декодирующей “семиотической машиной” [10].

Таким образом, не только сущность культуры или иной сложной системы должна выводиться из понятий “знак”, “информация”, “память”, но и содержание этих частных явлений (понятий) должно раскрываться исходя из культуры (системы) в целом. Такое рассмотрение (где часть раскрывает целое и целое раскрывает содержание частей) необходимо, чтобы понять, что же сохраняется (сохраняет), передается и воспроизводится в процессе трансляции культуры. В традиционной семиотической модели культура транслируется с помощью *знаковых средств*, где знаковые средства словно бы отделены от того, что они репрезентируют (обозначаемого). Но если мы будем передавать из поколения в поколение книгу на каком либо языке, описывающую проведение некоторого праздника, но не будем учить, как читать эту книгу и проводить этот праздник, то эта книга перестанет “хранить” и “транслировать” информацию, оставаясь просто физическим объектом, то есть книга не может сама по себе ничего “передать”. Следовательно, тот, кто пишет книгу – передает книгу, кто учит и учится понимать значения черных точек и черточек на белой бумаге – переиздает книгу на других языках, на *других материальных носителях (знаковых средствах)*, тот, кто организует этот праздник с разными людьми в разное время, тот и транслирует, и хранит (ре-презентирует) данную культуру. Таким образом, не знаки сами по себе репрезентируют культуру, а сама культура репрезентирует и презентует саму себя в процессе своего *непрерывного* самовоспроизведения. Это означает, что в культуре субъект и объект репрезентации совпадают, подобно тому как президент репрезентирует и воспроизводит государственную систему и репрезентирован, и воспроизведен ею как “президент”, и здесь невозможно различить, кто является обозначающим, а кто обозначаемым культуры, они функционально обратимы. Процесс, в котором элемент системы репрезентирует и репрезентирован данной системой как ее репрезентант, можно назвать “репрезентативный круг”. Это и есть семиотический процесс, посредством которого осуществляется (само)трансляция и воспроизведение культуры, он же является процессом памяти, где память предстает не только как материальный продукт, хранящий информацию о прошлом, но и как *актуальный социальный процесс*, воплощающий ее в настоящем.

В живых системах наблюдаются сходные явления. Живая система – это самореферентная система, она является и субъектом, и объектом репрезентации и трансляции. В рамках живой системы ДНК сама по себе не является системой памяти или автономной знаковой системой, самостоятельно “несущей” некую “автономную” информацию и “транслирующей” ее следующим поколениям. На-

пример, М. Барбиери в работе “Жизнь – это семиозис. Семиотический взгляд на природу” показывает, что семиотический анализ живой клетки не может быть редуцирован к анализу ДНК, нужно рассматривать всю систему от ДНК до синтезированных молекул как единый семиотический процесс [11]. Данный подход вызван и вызвал много вопросов. Что в живых системах транслирует опыт? Является ли ДНК активной первопричиной, воспроизводящей живую систему, или она лишь одно из звеньев сложного механизма трансляции и самовоспроизведения? Можно ли рассматривать процессы жизнедеятельности как осуществляющиеся и осуществленные информационные процессы?

В известной работе Ричарда Докинза “Эгоистичный ген” обосновывается позиция, что ДНК является производящей причиной живой системы, а не функциональной производной этой системы. Лени Мосс называет подобного рода подход в генетике “преформационизм” и противопоставляет ему концепцию, основанную на теории развивающихся систем, в которой ДНК играет лишь вспомогательную роль в общих процессах адаптации и развития живых систем [12]. Многие исследователи признают, что *вся биологическая система* является системой воспроизведения, и, следовательно, нельзя сводить ни наследственную информацию к цепочке ДНК, ни рассматривать ДНК в качестве первопричины воспроизведения живой системы, но вся живая система должна рассматриваться как единое целое [13]. В частности, Годфри-Смит, разбирая недостатки информационного подхода к ДНК, говорит, что к ДНК ошибочно применяют “символический и семантический метод описания”, трактуя ДНК как самостоятельный носитель информации, наделенный семантическими свойствами [14]. Это указывает на то, что в исследовании ДНК как знакового средства мы встречаем ту же ошибку, что и в исследовании социальных знаковых систем, – сведение знаковой системы к знаковым средствам, которые абстрактно рассматриваются как средства, “обладающие” самостоятельными значениями в отрыве от той системы, в рамках которой они их приобретают и благодаря которой они функционируют как ее знаки (репрезентации).

Проводя аналогию между ДНК и текстом, понимаемым как *процесс семиозиса*, Калеви Куль пишет, что “организм может быть рассмотрен как ряд процессов чтения и перевода, в котором некоторые компоненты организма читают и переводят другие компоненты того же организма” [15]. От также отмечает, что проблема того, является ли ДНК языком или нет [16], связана как раз с тем, что как в культуре, так и в живой системе “язык” не может существовать вне процессов распознавания, чтения и перевода (вне семиозиса), а следовательно, нужно выстраивать и модель языка (текста), и модель ДНК как процесса или структур, обусловливающих процесс и вне его не существующих как самостоятельные знаковые или информационные сущности. Поэтому Калеви Куль указывает, что существует сходство между функционированием живых и социальных (культурных) систем, вследствие чего и происходит (и необходим) перенос языка и понятийного аппарата лингвистики, семиотики, теории культуры в область биологических исследований, изучающих механизмы воспроизведения и наследования [17].

Часто в исследованиях память понимается статически и ретроспективно, как некий “отпечаток”, “след” прошлого, но память по своей природе является прежде всего *актуальным динамическим процессом*, проявляющим себя в процессах, которые сами по себе не выглядят как память. Поэтому социальную и биологическую память нельзя сводить только к *знаковым средствам* или *современным историческим предметам*, “хранящим” информацию о *прошлом*. Па-

мять необходимо рассматривать как *актуальные и непрерывные процессы самовоспроизведения и самотрансляции систем*, ибо вне этих процессов память не существует, как и сами эти процессы. В.П. Гриценко в работе “Социальная семиотика” говорит, что “социокод” и “семиозис” нужно понимать не только как процесс и результат “записывания” культуры, но и как процесс “считывания” и развертывания культуры и общества, а социальную память – не только как хранилище материалов прошлого, но и как сам процесс порождения общества и культуры [18]. Например, проведение праздников и исполнение ритуалов не только основаны на памяти, но и сами являются *живой памятью* и *актуальной трансляцией* памяти. Общение на языке – это не только общение, но и актуальная трансляция знания этого языка через время и поколения. Рукопожатие не только репрезентирует и транслирует обычай приветствия как его знак, но и “презентирует” это приветствие, а следовательно, не *только сохраняет*, но и *исполняет*. Таким образом, как живые, так и социальные системы, сохраняют и транслируют себя посредством своего актуального функционирования, посредством “живого семиозиса”, обуславливающего и обусловленного памятью. Поэтому *актуальные процессы* в живых и социальных системах необходимо рассматривать и как определяемые памятью и знаковыми системами, и как определяющие и осуществляющие их.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Henry L. Roediger, III and James V. Wertsch** ‘Creating a new discipline of memory studies’ *Memory Studies* Vol. 1(1), 2008. Sutton, J. ‘Representation, Reduction, and Interdisciplinarity in the Sciences of Memory’ (eds) H. Clapin, P. Staines, and P. Slezak. *Representation in Mind*. Amsterdam: Elsevier, 2004.
2. **Sterelny, K.** (2004) ‘Externalism, epistemic artefacts and the extended mind’, in R. Schantz (eds.), *The externalist challenge: New studies on cognition and intentionality*, pp. 239–254. Berlin & New York: de Gruyter; Sutton, J. “Distributed Cognition: domains and dimensions”, in Itiel E. Dror & Stevan Harnad (eds), *Cognition Distributed: how cognitive technology extends our minds*. Amsterdam: John Benjamins, 2008.
3. **Kull, K.** Semiotic paradigm in theoretical biology. In *Lectures in Theoretical Biology: The Second Stage*, Kalevi Kull and Toomas Tiivel (eds.), 1993. – Pp. 52–62.
4. **Favareau, D.** Founding a world biosemiotics institution: The International Society for Biosemiotics Studies // *Sing Systems Studies* 33.2, 2005.
5. **Henry L. Roediger, III and James V. Wertsch** ‘Creating a new discipline of memory studies’ *Memory Studies* Vol. 1(1), 2008.
6. **Bouissac, P.** Semiotics as the science of memory. *Sign Systems Studies*, issue 1-2/2007
7. **Kull, K.** On semiosis, Umwelt, and semiosphere. *Semiotica*, vol. 120 (3/4), 1999, pp. 299–310.
8. **Леви-Строс, К.** Миф, ритуал и генетика / К. Леви-Строс // *Природа*. – 1978. – № 1.
9. **Петров, М.К.** Язык, знак, культура / М.К. Петров. – М., 1991.
10. **Гриценко, В.П.** Социальная семиотика / В.П. Гриценко. – Екатеринбург, 2006. – С. 80–92.
11. **Barbieri, M.** Life is Semiosis. The biosemiotic view of Nature // *Cosmos and History: The Journal of Natural and Social Philosophy*, Vol 4, No 1-2, 2008.
12. **Moss, L.** Deconstructing the gene and reconstructing molecular developmental systems. In S. Oyama, P. E. Griffiths, & R. D. Gray (Eds.), *Cycles of contingency: Developmental systems and evolution*. Cambridge, MA: MIT Press, 2001. – Pp. 85–97.
13. **Godfrey-Smith, P.** ‘Information in biology’, in *The Cambridge companion to the philosophy of biology*, edited by D. Hull and M. Ruse. Cambridge: Cambridge University Press, 2007; Griffiths, P., and Gray R. ‘Developmental Systems and Evolutionary Explanation’ *Journal of Philosophy* XCI (6), 1994, pp. 277-304; Lewontin, R. C. ‘Biology as Ideology’. New York: Harper, 1991. Sterelny, K., Smith K., and Dickison M. ‘The Extended Replicator’, *Biology and Philosophy*, 1996 (№11). – Pp. 377-403.

14. **Godfrey-Smith, P.** 'Information in biology', in *The Cambridge companion to the philosophy of biology*, edited by D. Hull and M. Ruse. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
15. **Kull, K.** Organism as a self-reading text: anticipation and semiosis *International Journal of Computing Anticipatory Systems*, vol. 1, 1998. – P. 94.
16. Tsonis Anastasios A., Elsner James B., Tsonis Panagiotis A. (1997). Is DNA a language? In *Journal of theoretical Biology*, volume 184(1). – Pp. 25–29.
17. **Kull, K.** On semiosis, Umwelt, and semiosphere. *Semiotica*, vol. 120(3/4), 1998. – Pp. 299-310.
18. **Гриценко, В.П.** Социальная семиотика / В.П. Гриценко. – Екатеринбург, 2006. – С. 120-122.

Поступила в редакцию 12.10.2010 г.

УДК 808.26 – 316.4(043.3)

Т.В. ЛАПШЫНА

ДА ПЫТАННЯ МАТЫВАВАНАСЦІ БЕЛАРУСКІХ І АНГЛІЙСКІХ АРНІТОНІМАЎ

У артыкуле разглядаюцца пытанні матываванасці на прыкладзе арнітонімаў беларускай і англійскай моў. Паколькі аб'ектам даследавання з'яўляецца матывацыя найменняў, то акцэнтауецца ўвага на сутнасці паняцця "матываванасць слова" і падкрэсліваецца, што працэс матывацыі заўсёды звязаны з выбарам матывацыйнай прыметы. З улікам характару матывацыйнай прыметы вылучаюцца ў беларускай і англійскай мовах сем груп назваў, якія ўзыходзяць да адной і той жа прыметы, што ляжыць у аснове называння той ці іншай істоты.

Уводзіны

Сучасная матывалогія, гарманічна аб'ядноўваючы ў сабе ўсе актуальныя падыходы да вывучэння моўных з'яў, накіравана на выяўленне вытлумачальнасці, матываванасці сувязі гучання і значэння слова з улікам сведчанняў моўнай свядомасці носьбітаў той ці іншай мовы. Гэта ж тычыцца і тэрміназнаўства.

Тэрміназнаўства, абслугоўваючы навуку і тэхніку, павінна адпавядаць сучаснаму ўзроўню іх развіцця. Таму тэрміналогія як асобы разрад лексікі і тэрмін як асобая разнавіднасць слова ці словазлучэння даўно з'яўляюцца аб'ектам навуковага даследавання, паколькі без вырашэння праблем і пытанняў, звязаных з тэрміналогіяй, не можа на сённяшні дзень абысціся ні адна лінгвістычная тэорыя, калі яна імкнецца адлюстроўваць сучасны стан развітых літаратурных моў. У сучасных літаратурных мовах тэрміналагічная лексіка стала неад'емнай часткай лексічнай сістэмы. Гэта адлюстроўваець, у прыватнасці, тлумачальныя і перакладныя слоўнікі.

Як вядома, тэрмін павінен адпавядаць пэўным патрабаванням: павінен быць адназначным, стылістычна і экспрэсіўна нейтральным, незалежным ад кантэксту і г.д. У некаторых аўтараў сустракаюцца выказванні і адносна такой прыметы тэрмінаў, як матываванасць.

На прыкладах арнітонімаў беларускай і англійскай моў мы і паспрабуем разгледзець пытанні, звязаныя з праблемай матываванасці арнітонімаў.

Асноўная частка

Лексіка-тэматычная група, а таксама лексіка-семантычная група "арнітонімы" ў кожнай мове фарміравалася паступова з спрадвечных і іншамоўных эле-

ментаў. І тыя і другія абазначэнні могуць быць выражаны як адным словам, так і словазлучэннем.

За час існавання рэгулярных арніталагічных даследаванняў сярэдзіны XVIII ст. і да нашых дзён, напрыклад, рускія арнітолагі (таксама і беларускія) выкарыстоўваюць для абазначэння аб'ектаў сваіх даследаванняў лацінскія, рускія і беларускія літаратурныя і мясцовыя дыялектныя назвы птушак. Шэраг назваў вельмі зменены ўплывам прастамоўя, дыялектаў. Такія змененыя назвы, згубіўшы свой сапраўдны сэнс, існуюць сёння толькі як коды, спалучэнні літар, якія умоўна абазначаюць той ці іншы від птушак. Не толькі біёлагі, а і іншыя спецыялісты ўлічваюць гэтыя назвы па асацыяцыі іх, як правіла, са знешнім выглядам птушкі. Аднак назвы птушак, што ўзніклі ў мове ў глыбокай старажытнасці, з'яўляюцца важным элементам культуры народа і нясуць у сабе інфармацыю пра характэрныя асаблівасці кожнага віда. Гэта інфармацыя захоўваецца ў свядомасці людзей на працягу доўгага часу і садзейнічае ўтварэнню неабходных асацыятыўных сувязей паміж назвай і тыповымі рысамі біялогіі птушкі. На жаль, змешчаная ў назвах птушак інфармацыя ў наш час амаль страчана.

Арнітонімы – абавязковая падсістэма тэрміналогіі любой мовы, пры гэтым многія з назваў птушак уваходзяць у актыўную частку лексікі. З'яўляючыся намінатыўнымі адзінкамі, арнітонімы знаходзяцца ў парадыгматычных і сінтагматычных адносінах паміж сабою і з астатнімі словамі мовы.

Значэнне арнітоніма, як і значэнне любога слова, гэта элемент структуры знакавай сітуацыі, які забяспечвае асацыятыўную сувязь плана выражэння лексічнай адзінкі з яе дэнататам і яе паняццем. Несупадзенне названых элементаў (частковае або поўнае), якое назіраецца нават у роднасных мовах, стварае цяжкасці пры апісанні, супастаўленні, перакладзе арнітонімаў. Адрозненні паміж мовамі могуць тычыцца ўсіх трох кампанентаў слова – яго дэнатата, аб'ёма і характару паняцця (у прыватнасці, ступені яго абстрагавання) і яго экспанента. Прычым усё гэта суправаджаецца іншымі, як уласна лінгвістычнымі, так і экстралінгвістычнымі момантамі – розніцай у складзе відаў птушак на тэрыторыі краін, мовы якіх вывучаюцца і супастаўляюцца; разыходжаннем у колькасці назваў адной і той жа птушкі, у стунені яе ментальнай актуальнасці для гаворачых на гэтых мовах.

Цікава прасачыць, што ляжыць у аснове называння той ці іншай птушкі ў розных мовах, як блізкіх, так і не вельмі блізкіх. У выніку ж параўнання арнітонімаў можна заўважыць, што часта розныя прыметы былі накладзены ў час называння носьбітамі розных моў.

У нашай мове, напрыклад, пачулі, як птушка спявае, і далі назву за голас; другую ўбачалі і далі назву за крылы і хахалок; за трэцяй назіралі і далі назву паводле нейкай дзейнасці (функцыі) ці месца пражывання.

А ў другой мове можа быць усё наадварот: могуць даць назву, напрыклад, за знешні выгляд, а не за голас, як у нашай мове. А калі ўлічыць, што і чуюць, і бачаць, і назіраюць усе па-свойму, то можна зразумець, што разыходжаннем у мовах няма межаў.

Напрыклад, слова “варона”, напэўна, існуе для перадачы колеру птушкі – “вараны”, “чорны”, а англійскае слова “crow” – гукапераймальнае (па-англійску “croak”, “caw” абазначае “каркае”).

Снягір атрымаў такую назву за тое, што прылятае да нас тады, калі паяўляецца снег. У Англіі ж ён называецца “бычы зяблік” або “буйны зяблік” – “bullfinch”. Па іншай тэрміналогіі, снягір называецца “ружовым зяблікам”.

Чачотцы, насупраць, носьбіты беларускай мовы далі імя за голас, а носьбіты англійскай мовы – за знешні выгляд. Англійская назва “tedpoll” (“чырвоная макушка”, “чырвонагаловік”, “чырвоная шапачка”) недвухсэнсоўна намякае на афарбоўку апярэння. І сапраўды, гэтая маленькая птушачка па велічыні нагадвае вераб’я і ў цэлым на яго падобная, але адрозніваецца ад яго малінава-чырвонай шапачкай і грудкай.

Не здзіўляе і той факт, што англійская сінца называецца “tit”, таму што менавіта на гэты гук, на думку стваральнікаў слова, падобны яе голас, а не на “сінь”, як мы прывыклі лічыць.

На фоне такой блытаніны падобныя назвы тым больш здзіўляюць тады, калі носьбіты розных моў заўважлі і ў птушцы адно і тое ж, што і легла ў аснову стварэння арнітоніма.

Так здарылася, напрыклад, з сітаўкай (пліскай). У беларускай мове пліска – невялікая птушка атрада вераб’іных з доўгім і вузкім хвостом. Англійская назва гэтай птушкі – “wagtail” – абазначае ўзмах, вілянне ці ківок (“хвосцік, які ківае”).

Як бачым, праблема матываванасці – адна з вельмі цікавых і даволі складаных праблем як наогул у лінгвістыцы, так і ў арнітаніміі.

Праблема матываванасці знака абмяркоўвалася яшчэ ў антычнасці, аднак найбольш ясна і экспліцытна яна была, як вядома, выкладзена Ф. дэ Сасюрам. “Не існуе моў, дзе няма нічога матываванага, аднак немагчыма сабе ўявіць і такую мову, у якой матывавана было б усё. Паміж гэтымі дзвюма крайнімі кропкамі – найменшай арганізаванасцю і найменшай адвольнасцю – можна знайсці ўсе прамежкавыя выпадкі. Ва ўсіх мовах маюцца дваякага роду элементы – цалкам адвольныя і адносна матываваныя, – аднак у даволі розных прапорцыях, і гэту асаблівасць моў можна выкарыстоўваць пры іх класіфікацыі” [1, с. 165]. Даследчыкі Ул.Р. Гак, В.І. Блінова, А.М. Ціханаў і іншыя сыходзяцца ў тым, што матываваных слоў значна больш, чым нематываваных. Гэтым і вызначаецца перш за усё важнасць і актуальнасць словаўтваральнай матывацыі. Матываванасць – цэнтральнае паняцце сінхроннага словаўтварэння, паколькі асноўным прадметам вывучэння ў сінхронным словаўтварэнні з’яўляюцца матываваныя словы.

Матываванасць слова – гэта абумоўленасць яго значэння значэннем іншага слова, ад якога яно ўтворана. Пад матываванасцю ў матывалогіі разумеюцца структурна-семантычныя ўласцівасці слова, што дазваляюць усвядоміць узаемаабумоўленасць сувязі значэння (семемы) і гучання (лексемы) слова на аснове суадноснасці яго з моўнай ці пазамоўнай рэчаіснасцю.

У апошнія дзесяцігоддзі інтэнсіўнае развіццё атрымала супастаўляльная матывалогія, аб’ект аналізу якой складае з’ява матывацыі слоў у розных мовах ці дыялектах.

Супастаўляльная матывалогія разумеецца як навука, якая вывучае лексічную сістэму дзвюх ці больш моў (або форм адной мовы) з пункту погляду матываванасці метадам супастаўлення іх. Супастаўляльная матывалогія нараўне з рашэннем спецыфічных пытанняў самога супастаўляльнага метаду ўключае ўсю праблематыку апісальнай матывалогіі канкрэтнай мовы. Супастаўленне адной мовы з іншымі мовамі з’яўляецца найбольш перспектыўным метадам выяўлення характэрных рыс і тэндэнцый семантычнай структуры мовы. Таму ў супастаўляльных даследаваннях нельга абмяжоўвацца толькі выяўленнем разыходжанняў, аднолькава важна і апісанне агульнага, таго, што супадае. Пры гэтым вельмі важным з’яўляецца высвятленне характару і ўдзельнай вагі спецыфічнага і агульнага.

Зыходзячы з разумення моўнай карціны свету як уяўлення чалавека аб рэальнай рэчаіснасці, захаванага ў адзінках мовы, мэтазгодна вывучаць гэты моўны феномен з пазіцыі дэтальнага глыбокага аналізу асобных элементаў, з якіх складаецца тая ці іншая лінгвістычная тэорыя (у нашым выпадку – тэорыя матывацыі).

Працэс матывацыі заўсёды звязаны з выбарам матывавальнай прыметы (МП), якая служыць падставай намінацыі новага прадмета, і з замацаваннем гэтай прыметы ў свядомасці намінатара пры дапамозе мовы. МП захоўваецца ў сэнсавай структуры слова як вынік матывацыі новага моўнага выражэння. У матывалогіі адметную прымету, абраную носьбітамі мовы для наймення, называюць намінацыйнай прыметай. Намінацыйная прымета – прымета абазначаемага, якая легла ў аснову яго намінацыі, якая выражаецца ў слове або непасрэдна, або апасродкавана, асацыятыўна.

Матывавальныя прыметы могуць адлюстроўваць як істотныя, так і менш істотныя ўласцівасці прадметаў (параўн., напрыклад, МП, што ўказвае на прыналежнасць птушкі да пэўнага роду, віду, сямейства). Гэта залежыць ад рада фактараў – ад вопыту інфарманта, які матывуе лексічную адзінку, яго сацыяльнай прыналежнасці, узросту, але галоўнае – ад таго, якую ўласцівасць рэаліі інфармант лічыць найбольш важнай для характарызуемай лексічнай адзінкі. У залежнасці ад характару МП у арніталагічнай лексіцы беларускай і англійскай моў можна вылучыць і наступныя групы:

Паводле голасу (гукапераймання) птушкі.

Беларускія арнітонімы: *бугай* – начная балотная птушка сямейства чапляў, празваная так за тое, што вясной самец яе, апусціўшы дзюбу ў ваду, утварае вельмі тучныя гукі, падобныя да рову бугая; *перасмешка* – птушка сямейства валасяняк атрада вераб’іных (песня – у асноўным перайманне галасоў іншых птушак); *сплюшка* – дробная сава. Шлюбныя галасы – меланхалічныя свісты “спл-ю-ю, спл-ю-ю, спл-ю-ю” чуваць у першай дэкадзе мая.

Англійскія арнітонімы: *chat* – пеўчыя птушкі, якія атрымалі сваю назву за рэзкія крыкі, што нагадваюць балбатню, мармытанне; *godwit* (голос “godwit”). Птушка названа так за свае свісцячыя гукі; *thrush* – утворана ад дзеяслова “to throat”, што абазначае “выдаваць гартанныя гукі”.

Паводле месцазнаходжання (жыхарства) птушкі.

Беларускія арнітонімы: *дзёрбнік* (жыве пераважна на дзерне). Месца пражывання: вярховыя балоты, узлескі хвойных і мяшаных лясоў. Асноўная частка гнездавой папуляцыі прыстасавана да буйных вярховых балот з рэдкімі сфагнавымі саснякамі; *пустальга* – мяркуюць, што назва паходзіць ад слова “пусты”, бо гэтая птушка жыве ў пустынных месцах; *чаротніца* – птушка, якая жыве на зарослых чаротам і трыснягом вадаёмах.

Англійскія арнітонімы: *reed-warbler* (жыве ў камышах). Гняздзіца чарацянка на вадаёмах, якія акружаныя трыснягом, кустоўем або высакатраўем. Глыбокае, чашападобнае гняздо звяраецца ў трыснягу; *sea-swallow* (ластаўка). Насяляе марскія ўзбярэжжы; *woodcock* – утворана пры дапамозе двух слоў, якія абазначаюць “wood” – лес і “cock” – самец.

Паводле спосабу харчавання птушкі.

Беларускія арнітонімы: *змеяд* – аноўныя кармавыя аб’екты – паўзуны (часцей звычайная гадзюка), часам паядае жаб, дробных грызуноў; *канаплянка* корміцца насеннем траў, рэдзкі, радысу, канпель (адсюль назва); *мышалоў* – птушка харчвецца мышамі.

Англійскія арнітонімы: *nutcracker* – утворана ад слоў “nut” – арэх і “cracker” – раскальваць; птушка харчуюцца арэхамі; *peafowl* (харчуюцца гарохам). *Паўлін*: харчуюцца зярнятамі хлебных злакаў, насеннем, пладамі і вегетатыўнымі часткамі дзікіх раслін; *honey-eater* (есць мёд). Харчуюцца мёдасосы нектарам, пылком, насякомымі. Некаторыя віды ядуць садавіну і ягады.

Паводле афарбоўкі апярэння птушкі.

Беларускія арнітонімы: *арлан-белахвост* – самая буйная з драпежных птушак. Афарбоўка цэла бурая, галава больш светлая, кароткі, злёгку клінападобны хвост чыста белы; *бусел* – лічыцца, што гэтая назва звязана з рускім прыметнікам “бусы” – шэры; *сіваваронка* – памерам з голуба. Агульная афарбоўка зеленавата-блакітная з яркім адлівам. На крылах і хвасце ёсць цёмна-сінія ўчасткі. Афарбоўка маладых птушак бледнаватая.

Англійскія арнітонімы: *goldfinch* – утворана ад “gold” – залацісты, “finch” – дробная птушка; *greenfinch* – зяблік (берасцянка) з яркім жоўта-зялёным брушкам і аліўкава-зялёным апярэннем; *redstart* (чырвоны хвост). Названая так за колер хваста. Хвост, грудка, чэрава і бакі іржаўчата-чырвоная колеру.

Паводле знешняга выгляду птушкі.

Беларускія арнітонімы: *каралёк* – птушка атрымала такую назву за свой венчык з даўгаватых пер’яў на галаве; *крыжадзюб* – утворана пры дапамозе злучэння двух слоў: “крыж” і “дзюба”. Птушка мае загнутую перакрываваную на канцы дзюбу; *шылахвостка* – качка вызначаецца доўгай шыяй і вострым, шылападобным хвостом, які добра прыкметны на значнай адлегласці.

Англійскія арнітонімы: *barbet* (з барадой). Добра развітыя шчацінкі пад дзюбай. Гэтыя шчацінкі ўтвараюць пад дзюбай птушкі падабенства рэдкай барады, за што ўсё сямейства і атрымала сваю назву; *bullhead* – слова складаецца з двух назоўнікаў: “bull” – бык, буйвал; “head” – галава. Летняе апярэнне галавы дарослай птушкі нагадвае быка; *goldeneye* (залатое вока). Мае прыметныя белыя плямы насупраць вачэй.

Паводле падабенства функцыі (дзеяння), манеры паводзін птушкі.

Беларускія арнітонімы: *глушэц* – у час спеваў нічога не чуе (адсюль назва); *нырэц* – вадаплаўная птушка сямейства качыных, якая здабывае сабе корм, ныраючы пад ваду; *пэравозчык* – птушка сямейства сяўцоў з шаравата-бурай спінкай і белым брушкам (пералятае са свістам з берага на бераг над самай вадой).

Англійскія арнітонімы: *harrrier* – утворана ад “harry”, што азначае “рабіць напад”, спустошваць. Птушка разарае гнёзды іншых птушак; *rook* (ашукваць, махляваць). Выкопвае лічынак і чарвякоў на незасеяных палях, а таксама можа выцягваць саджанцы і маладыя парасткі бульбы: *skimmer* (дзюбай баразніць ваду). Робячы павольныя і бяшумныя ўзмахі крыламі, слізгае над самай паверхняй вады, час ад часу пагружае на цэлыя хвіліны ніжнюю палавінку дзюбы і баразніць такім чынам ваду.

Паводле пэўнай уласцівасці птушкі і асацыяцыі.

Да гэтай групы можна аднесці арнітонімы, што звязаны непасрэдна з уласцівасцю птушкі, напрыклад:

беларуск. *глушэц* – ад прыметніка “глухі”. Названа так у сувязі з тым, што птушка пры такаванні як бы глухне, а таксама ў сувязі з асацыяцыяй.

англ. – *lovebird* (закаханыя птушкі). Птушкі прыметныя прыгожым апярэннем, і, мяркуючы па знешнім выглядзе, пары любяць сядзець блізка адно да аднаго. Сцвярджаюць, што ў выпадку смерці адной птушкі другая будзе тужыць і таксама памрэ, нявернае.

Сюды адносім арнітонімы, звязаныя асацыятыўнымі і іншымі сувязямі паміж птушкай і чалавекам, напрыклад:

беларуск. – *чарнец* – птушка сямейства качыных. Названа так у сувязі з тым, што мае агульную афарбоўку чорнага колеру (паводле колеру і асацыяцыі);
англ. – *ovenbird* – птушка будзе ў дажджлівы сезон вялікае гняздо, падобнае на печ (паводле знешняга выгляду і асацыяцыі).

У арнітаніміі знаходзім шмат тэрмінаў, у аснове якіх ляжаць аб'ектыўныя прыметы матывацыі (колер, знешні выгляд, функцыя і інш.) і разам з тым абавязкова прысутнічае асацыяцыя.

Пад аб'ектыўнымі прыметамі прынята разумець такія, якія ўспрымаюцца органамі пачуццяў чалавека, пад суб'ектыўнымі – тыя, якія ўяўляюць сабой вынік абстрактнага абагульнення гэтых прымет у свядомасці чалавека.

Заклучэнне

Аналізуючы арнітонімы ў беларускай і англійскай мовах, нельга не заўважыць, што арніталагічная лексіка беларускай мовы прыкладна ў аднолькавай меры прадстаўлена матывавальнымі прыметамі, звязанымі з гукападражаннем і знешнім выглядам птушкі. У англійскай жа тэрміналогіі арнітонімы характарызуюцца нааўнасцю матывавальнай прыметы, звязанай са знешнім выглядам; значна менш у параўнанні з беларускай мовай арнітонімаў, матывавальная прымета якіх звязана з голасам птушкі.

На аснове аналізу беларускіх і англійскіх арнітонімаў можна зрабіць вывад аб тым, што дамінантнай рысай беларускіх арнітонімаў з'яўляецца нааўнасць матывавальных прымет, звязаных з голасам і знешнім выглядам птушкі, а ў якасці адметнай рысы арніталагічнай лексікі англійскай мовы можна назваць матывавальную прымету, якая ўказвае на знешні выгляд птушкі.

Аднак, нягледзячы на некаторыя адрозненні ў выбары матывавальнай прыметы для называння птушкі, у цэлым матывавальныя прыметы ў беларускай і англійскай мовах характарызуюцца агульнасцю.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. *Де Соссюр, Ф.* Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр // Труды по языкознанию. – М., 1977. – 297 с.

Паступіў у рэдакцыю 05.10.2010 г.

УДК 811.161.1'373

А.А. ПАПЕЙКО

АВТОРСКАЯ ПЕСНЯ ЕЛЕНЫ КАЗАНЦЕВОЙ: НЕКОТОРЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Статья посвящена рассмотрению языка авторской песни (на примере текстов Е. Казанцевой) как специфического художественного произведения стихотворного характера. Особое внимание уделяется уровню лексики, в частности, антонимии. Результаты исследования могут быть использованы при дальнейшем изучении языкового устройства произведений названного жанра, а также в практике преподавания лексикологии, стилистики, теории речевой коммуникации.

Введение

Изучение произведений, относящихся к жанру авторской песни, представляет научный интерес с разных точек зрения, что объясняется рядом причин.

Ни языкознание, ни теория литературы еще не дали строгого определения самого понятия авторской песни. Проводимые до сих пор исследования либо были направлены на изучение произведений какого-либо конкретного автора безотносительно жанровых особенностей, либо носили научно-популярный характер [1–7]. Вместе с тем авторская песня как жанр имеет ряд интра- и экстралингвистических особенностей, о которых мы говорили ранее [8–13] и которые в должной мере пока не исследованы.

Цель данной статьи – отметить некоторые языковые черты авторской песни как специфического художественного произведения. Материалом для исследования служат стихотворные тексты минского автора и исполнителя Елены Казанцевой.

Основная часть

Одним из существенных оснований, которые определяют языковую специфику авторской песни, является уже сама форма существования произведений данного жанра, а именно – устное выступление, аудио- или видеозапись. Это означает, что автор знакомит аудиторию со своим произведением не в письменной форме, что характерно для литературных произведений других жанров, а посредством речи звучащей. И если знакомясь с литературными произведениями, не относящимися к авторской песне и существующими в письменной форме, читатель не ограничен во времени (т.е. произведение можно перечитать несколько раз), то на концерте перед автором (исполнителем) песни либо стихотворения стоит задача более трудная: необходимо вызвать определенные переживания у слушателя непосредственно в момент исполнения [8].

Подобное жесткое временное ограничение обуславливает необходимость включить в художественное произведение некие языковые элементы, которые будут привлекать внимание и активизировать мышление и сопереживание. Эти средства могут быть как экстралингвистическими (мелодия, интонация, другие акустические либо визуальные характеристики), так и интралингвистическими.

В свою очередь, в собственно языковой сфере также можно выделить несколько уровней, единицы которых могут выполнять особенную, специфическую функцию – привлекать внимание слушателей. Рассмотрим некоторые лексические особенности поэтических текстов Е. Казанцевой.

Знакомство с поэтическими произведениями названного автора позволяет сделать вывод о весьма частом употреблении лексики с противоположным значением.

Так, при рассмотрении 110 стихотворных текстов названного автора (из них на русском языке – 109, на белорусском – 1; алфавитный список названий по первой строке приведен в Приложении) [14] обнаружилось, что использование антонимии узуальной либо контекстуальной характерно для подавляющего большинства из них. А если принимать во внимание и имплицитный способ представления антонимии (об этом см. ниже в тексте), то узуальная либо контекстуальная антонимия свойственна всем исследованным нами текстам Е. Казанцевой.

Классификация антонимов, использованных в текстах этого автора, проведена на основе семантического и структурного критериев.

С точки зрения смысловой связи лексических единиц в сознании говорящих можно выделить две группы антонимов: 1) узуальные (которые, в свою очередь, делятся на эксплицитные и имплицитные); 2) окказиональные.

1.1. Узуальныя экспліцытныя антонімы. Эты антонімы сустракаюцца прыблізна ў трэці ўсіх тэкстаў (см. тэксты Е. Казанцавай пад нумарамі: 2, 9, 15, 16, 18, 19, 22, 25, 31, 32, 33, 37, 40, 41, 45, 51, 52, 54, 59, 61, 68, 69, 70, 78, 83, 85, 86, 87, 88, 90, 94, 95, 97, 101, 103, 106).

С пункту зглянення структуры такія антонімы часта зносяцца з асобнымі словамі, якія па сваёй частерачнай прыналежнасці ўтвараюць наступныя групы (у парадку змяншэння частотнасці).

1.1.1. Глаголы: *любіш* / *не любіш*; *мой* / *не мой* (ад глагола “мыць”); *войду* / *уйду*; *закруціл* / *раскруціт*; *дожыву* / *не дожыву*; *палюбіла* / *не палюбіл*; *ответят* / *не ответят*; *хотел ругнуцца* / *не ругнулася*; *приеду* / *уюду*; *говори* / *молчи*; *любил* / *разлюбил*; *живу* / *не живу*; *ушел* / *остался*; *уюду* / *вернусь*; *открою* / *закрою*; *проснусь* / *уюну*. Напрыклад (з тэкста 101):

*То глаза открою, то закрою,
То проснусь, а то опять уюну.
Я не плачу, я тихонько вою,
Как собаки воют на Луну.*

1.1.2. Імена існуючыя: *мороз* / *тепло*; *горе* / *счастье*; *утро* / *вечер*; *темнота* / *свет*; *радость* / *грусть*; *лето* / *зима*; *день* / *ночь*; *встречи* / *разлуки*. Напрыклад (з тэкста 103):

*Наш разговор едва ли повторится, –
У “половины” слишком тонкий слух.
Не скрипнет в коридоре половица,
Не будет встреч – не будет и разлук.*

1.1.3. Імена прылагальныя: *огромный* / *маленький*; *свободна* / *несвободна*; *итальянские* / *неитальянские*; *жива* / *мертва*; *простое* / *непростое*; *правильный* / *неправильный*; *чужой* / *родной*; *родную* / *неродную*. Напрыклад (з тэкста 51):

*Неужели уюду в Америку,
Неужели себя обману?
Неужели родную истерику
Ууюду в неродную страну?*

1.1.4. Наречыя: *потом* / *сначала*; *тяжелей* / *легче*; *взад* / *вперед*; *сюда* / *туда*. Напрыклад (з тэкста 61):

*Остывает понемногу
в нашем чайнике вода.
Ты иди своей дорогой –
мне – сюда, тебе – туда.*

1.1.5. Местойменія: *все* / *не все*. Напрыклад (з тэкста 45):

*Но не все вернутся
К маме под крыло,
Дай им Бог проснуться
Там, где жить светло.
<...>
Мальчики вернутся
Все до одного.
Дай им Бог проснуться –
Только и всего.*

1.2. Узуальныя імпліцытныя антонімы. К ім адносяцца антонімы, з якіх вербальна ў тэксце выражаецца толькі адзін, а другі лёгка ўсталяваецца з кантэкста.

Такое подразумеваемое противопоставление воспринимается читателем (слушателем) “между строк”, оставаясь в сфере контекстуальной или ситуативной. Характеристика имплицитных антонимов с точки зрения структуры затруднена вследствие того, что одна и та же “пропущенная” единица может быть восстановлена различными способами. Тем не менее примеры подобного имплицитного противопоставления можно четко увидеть во многих поэтических произведениях Е. Казанцевой (см. тексты под номерами: 1, 3, 4, 5, 6, 9, 12, 14, 15, 17, 20, 21, 29, 30, 38, 50, 53, 84, 86, 87, 91, 92, 106, 107, 109).

Например, в тексте 1 четко угадывается противопоставление *не потревожу, не позволю* (= “останусь в стороне, буду для тебя чужой”) и желания это сделать (= “быть рядом, вместе”):

*Я никогда твой сон не потревожу,
Я никогда тебе не позволю,
Я буду петь всю жизнь одно и то же
И повторять по сотне раз на дню:
Мне очень жаль, что ты такой неправильный,
Что твой мотор заглох на полпути.*

Текст 9 содержит конструкции *посуда не вымыта, белье не постирано*, символизирующие неустроенность личной жизни посредством указания на неустроенность быта (ср. с фразой из песни “Француженка” О. Митяева: *У бывшей русской подданной в квартире кавардак, а значит, что-то и в душе наверняка не так*). Этим конструкциям могут быть противопоставлены “посуда вымыта”, “белье постирано”, отражающие душевный покой (ср. далее в этом же тексте Е. Казанцевой: “...было бы счастье огромное, если посуда бы вымылась и постиралось белье”):

*В кухне посуда не вымыта,
В ванной белье не постирано.
Если ты любишь, прости меня,
Если не любишь – забудь
Аэродромную улицу,
Где проживает любимая.*

Текст 53 явно передает противопоставление *сумасшедшая* и “нормальные”, фактически означающее оппозицию “я / другие”. Интересно, что в данном случае *сумасшедшая* (= “я”) приравнивается к наиболее желательному спутнику жизни, в то время как “нормальные” (= “остальные, другие”) рассматриваются как менее подходящие для собеседника лирического героя:

*Ты подумай и маму послушай.
Ты послушай и даже на ус намотай,
Но меня все равно на машине катай,
Потому что такой сумасшедшей как я
Не найдут для тебя ни семья, ни друзья.*

2. Окказиональные антонимы. Окказиональная антонимия в произведениях Е. Казанцевой встречается значительно чаще (см. тексты под номерами: 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 12, 13, 20, 21, 23, 24, 26, 27, 28, 33, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 42, 43, 44, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 55, 58, 60, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 75, 76, 77, 78, 80, 81, 82, 83, 85, 86, 88, 90, 92, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 108, 109).

Окказиональные антонимы являются более действенным средством создания образности высказывания, нежели антонимы узуальные. Эта особая выразительность возникает за счет эффекта неожиданности, который активизирует внимание читателя либо слушателя. Иными словами, использование контекстуальной

антонимии не просто разнообразит язык произведения, но и усиливает впечатление от прочитанного или услышанного.

2.1. Окасиональные антонимы, соотносимые с отдельным словом. В отношении контекстуальной антонимии могут вступать как слова, к которым можно подобрать узувальные антонимы, так и те слова, которые узувальных антонимов не имеют (числительные, имена собственные, существительные с конкретным предметным значением).

Например, в тексте 44 существительное *небо*, имеющее в одном из значений узувальный антоним *земля*, вступает в отношения окасиональной антонимии со словом *жилье*:

*Начнутся полеты, когда отыграет гроза.
Очнутся пилоты, иначе пилотам нельзя.
И в небо ночное уйдут, позабыв про жилье.
Но знаю одно я, ты – первое небо мое.*

Естественно, что для восприятия каких-либо единиц языка как окасиональных антонимов необходим контекст, т.е. все произведение в целом или его часть. В качестве примера использования окасиональной антонимии приведем несколько отрывков из текстов со словами, не имеющими узувальных антонимов.

Например, в тексте 5 противоположное значение передают числительные *двадцать два* и *тридцать три*: первое из них символизирует молодость, наивность, желание жить, а второе – богатый жизненный опыт, умудренность, в какой-то степени – усталость от жизни:

*Вам двадцать два, мой лейтенант, и мы не пара.
Мне тридцать три и я читаю между строк...*

В тексте 38 словами, передающими полярно противоположные отношения к другому человеку (“любить” / “не любить”), выступают географические названия *Польша* и *Париж*:

*Ничего не нужно больше, кроме этой тишины,
За стеною – голос Польши, приграничной стороны.
Все уже однажды было, я молчу и ты молчишь,
Если б я тебя любила, я бы слушала Париж.*

В тексте 64 в качестве контекстуальных антонимов используются слова *веревка* (символизирует крайнюю степень разочарования, усталости, отчаяния, желание покончить с собой) и *стихи* (означает позитивную настроенность, особенно в соседстве со словом *праздник*):

*Пей стаканами беду
И закусывай горчицей,
А захочешь удавиться,
Я узнаю и приду.
Я веревку принесу,
К потолку крючок подвешу,
Если хочешь быть безгрешным,
Поживи-ка на весу.
Нет земли под каблуками,
Под руками нет стола,
Лучше б я к тебе пришла
Не с веревкой – со стихами,
Без крючка и без гвоздя.
Я устроила бы праздник...*

В тексте 81 противопоставляются признанные классики литературы (*Гомер, Овидий, Пушкин, Толстой, Шекспир, Лермонтов, Есенин, Кольцов*) и имя самого автора:

*Стоят на книжной полочке
Гомер, Овидий, Пушкин.
Толстой, Шекспир и Лермонтов,
Есенин и Кольцов.
И я стою на полочке,
И мне совсем не скучно
Среди моих задумчивых
Талантливых отцов.*

<...>

*Прости меня, любимая
Моя литература,
Такой уж уродилась я,
Знать, и помру такой.*

2.2. Окказиональные антонимы, соотносимые со свободным или устойчивым словосочетанием. Такие антонимы, в отличие от соотносимых с отдельным словом, состоят из нескольких вербальных единиц. Каждая из этих единиц имеет лексическое значение, однако в отношении антонимии вступают не отдельные слова, а их сочетания, т.е. противопоставляются значения, передаваемые словосочетанием. Встречаются также случаи употребления словосочетания в качестве антонима к отдельному слову.

Словосочетание, в сравнении с отдельным словом, передает то или иное лексическое значение более точно, определено (например, не просто называется какой-либо предмет, но и дается его характеристика). Соответственно, противопоставление, образованное сочетаниями слов, оказывается ярким, контрастным, привлекающим внимание.

Например, в тексте 26 иронически противопоставляется возвышенное (*мир умытый, жизнь чиста и прекрасна*) и бытовое (*старое корыто*), причем для достижения возвышенно-прекрасного и необходимо применение обиходно-бытового:

*Как прекрасен мир, когда умытый,
Как прекрасна жизнь, когда чиста.
Я достала старое корыто
И смываю буквы с листа.*

Такие антонимы могут также использоваться при описании внешности, создавая при этом эффект иронии. Например, в тексте 106 сила душевных терзаний, которые испытывает лирический герой вследствие несправедливого (по его мнению) безразличия близкого человека, передается посредством следующего контрастного описания:

*У меня глаза морского цвета,
У меня коса до парашета,
И размер ботинок сорок третий,
Чтобы устоять на парашете.
А у нее – ни кожи и ни рожи,
Но зато ботинки подороже
И размер поменьше, (эко диво)
Но зато из кожи крокодила.*

2.3. Окказиональные антонимы, соотносимые с предикативными частями сложного предложения либо с разными предложениями. Как вербально много-

компонентные, эти конструкции обладают еще более широкими возможностями при передаче значения противоположности. Такие антонимы встречаются не менее чем в трети всех поэтических произведений Е. Казанцевой (см. тексты под номерами: 1, 2, 4, 6, 11, 12, 13, 22, 23, 27, 28, 30, 31, 33, 36, 39, 41, 43, 48, 49, 52, 55, 56, 57, 58, 64, 65, 67, 72, 75, 78, 82, 90, 93, 95, 102, 103, 106, 108).

Безусловно, подобным конструкциям для реализации значения противоположности также необходим контекст, хотя и в несколько меньшей степени, чем отдельным словам или словосочетаниям.

Так, в тексте 58 в отношении окказиональной антонимии вступают конструкции с прямой речью: *Кому ты нада!* (передает безразличие либо негативное, неприязненное отношение к собеседнику) и *Я Вас люблю!* (передает высшую степень симпатии). Противопоставление в этом примере еще более усиливается на фоне эмоционально-экспрессивной коннотации слов автора: *впечатал в лоб* (= сказал твердо, решительно, грубо); ср.: *мог сказать* (эмоционально-экспрессивная коннотация отсутствует):

*Один из нашего отряда,
Интеллигентный, холостой,
Мне с откровенностью простой
Впечатал в лоб: "Кому ты нада!"
А мог сказать: "Я Вас люблю!"*

В тексте 93 противопоставляется внутреннее состояние автора (лирического героя) и его собеседника после расставания. Это передается употреблением конструкций *без тебя – нельзя* (= непомерные душевные страдания) и *ты без меня – живешь* (= если не безразличие, то и не запредельная степень душевных страданий):

*На паркете следы дождя
От промокших твоих подошв.
Почему без тебя – нельзя,
Если ты без меня – живешь?..*

Тройное противопоставление. Как разновидность антонимических конструкций, обнаруженных в текстах Е. Казанцевой, необходимо отдельно отметить такие, которые состоят не из двух (что обычно характерно для антонимии), а из трех элементов. В таких случаях две лексические единицы, выражающие противоположные понятия, объединяются по какому-либо признаку и противопоставляются третьей единице, которая приобретает символическое значение и выражает крайнюю степень несоответствия чему-либо. По структурно-семантическому критерию данные антонимы коррелируют с рассмотренными в п. 2.1 (т.е. с окказиональными антонимами, соотносимыми с отдельным словом), но отличаются от них тем, что составляют не двучленные оппозиции, а трехкомпонентные образования.

Например, в тексте 15 тройное противопоставление (*мой – не мой* [от глагола "мыть"] / *все равно не хочешь прийти ко мне*) выражает ничем не преодолимое нежелание человека, к которому обращены слова автора, прийти в гости (или навсегда):

*Гора посуды с ночи
Осталась, мой – не мой,
Ты всё равно не хочешь
Прийти ко мне домой.*

В тексте 29 противопоставление желаемого и действительного (*кому – любовь, кому – Москва / мне – одна картошка*) возникает за счет использования

существительных-символов. Первые два из них обозначают наилучшие, по мнению лирического героя, способы “устроить жизнь”. Эти способы, несмотря на имеющиеся между ними различия, объединяются и противопоставляются третьему, который мыслится как “проза жизни”:

*Кому – любовь, кому – Москва,
А мне – одна картошка.
Уже не варит голова,
И кружится немножко.*

В тексте 30 противопоставление (*кто-то мальчиков рождает, кто-то девочек / я рожаю каждый день по два стиха*) символизирует разницу образа жизни автора и всего “обычного” окружения:

*Кто-то мальчиков рождает, кто-то девочек,
Я рожаю каждый день по два стиха.
Все смеются надо мною – это мелочи,
Все хохочут надо мною: “Ха-ха-ха!”*

В тексте 92 тройное противопоставление (*ты да я, да мы с тобой / да жена твоя родная*) передает сложность отношений в ситуации классического “треугольника”:

*У тебя своя жена, у тебя своя забота.
У меня своя весна, у меня своя свобода.
И, на взгляд со стороны, мы – как два больших плюса, –
Ты не можешь без жены, а я – без нашего союза.
<...>
Ты да я, да мы с тобой, да жена твоя родная.
Не была б любовь слепой, что бы было – я не знаю.*

В целом насыщенность произведений разного рода противопоставлениями не может быть случайной: она является, вероятно, своеобразным индикатором, показателем настроения, которое передается посредством стихотворных текстов.

Заключение

Приведенная выше классификация антонимов из текстов Е. Казанцевой свидетельствует, что авторская песня как жанр обладает рядом интралингвистических особенностей. В поэтических текстах названного автора такой особенностью является частое употребление разного рода конструкций с противоположным значением: с учетом имплицитного способа представления антонимия встречается во всех исследованных нами произведениях. Окказиональные антонимы в сравнении с узуальными являются более действенным средством создания образности высказывания. В ряде случаев конструкции со значением противопоставления могут представлять собой не двучленные оппозиции, а иметь трехкомпонентное строение.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Беленький, Л.П.** Авторская песня как особое явление отечественной культуры в форме художественного творчества / Л.П. Беленький // Русский портал авторской песни [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа : http://www.bards.ru/press/press_show.php?id=1758. – Дата доступа : 12.03.2009.
2. **Вербенко, Н.В.** Психотерапия с гитарой в руках / Н.В. Вербенко // Русский портал авторской песни [Электронный ресурс]. – 2005. – Режим доступа : http://www.bards.ru/press/press_show.php?id=181&show=topic&topic=8&page=11. – Дата доступа : 12.03.2009.
3. **Дружкин, Ю.С.** Предмет моего исследования – песня / Ю.С. Дружкин // Русский портал авторской песни [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа : http://www.bards.ru/press/press_show.php?id=181&show=topic&topic=8&page=11.

- www.bards.ru/press/press_show.php?id=423&show=topic&topic=8&page=11. – Дата доступа : 12.03.2009.
4. **Кулагин, А.В.** Изучение авторской песни в школе / А.В. Кулагин // Русский портал авторской песни [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа : http://vy.mediaplanet.ru/articles/Kulagin-Izuchenie_avtorskoy_pesni_v_shkole/text. – Дата доступа : 12.03.2009.
 5. **Распутина, С.П.** Социально-ценностное и мотивационное своеобразие советского бардовского движения 1960 – 1980-х гг. / С.П. Распутина // Русский портал авторской песни [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа : http://www.bards.ru/press/press_show.php?id=445&show=author&letter=%D0&page=1. – Дата доступа : 12.03.2009.
 6. **Ничипоров, И.Б.** Авторская песня как предмет литературоведческого, лингвистического и междисциплинарного исследования / И.Б. Ничипоров // Русский портал авторской песни [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа : http://www.bards.ru/press/press_show.php?id=287. – Дата доступа : 12.03.2009.
 7. **Соколова, И.** Авторская песня: от экзотики к утопии / И. Соколова // Русский портал авторской песни [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа : http://www.bards.ru/press/press_show.php?id=215&show=topic&topic=8&page=2. – Дата доступа : 12.03.2009.
 8. **Папейко, А.А.** К вопросу о языковых особенностях русскоязычной авторской песни Беларуси / А.А. Папейко: материалы науч.-метод. конф. преп. и сотр. по итогам науч.-исслед. работы в 2008 г., Могилев, 3–4 февр. 2009 г. / под ред. А.В. Иванова. – Могилев : УО “МГУ им. А.А.Кулешова”, 2009. – С. 262–264.
 9. **Папейко, А.А.** Экзотическая лексика как выразительное средство (на примере текстов песен Бориса Вайханского) / А.А. Папейко // Куляшоўскія чытанні : матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., Магілёў, 24 красав. 2008 г. / Магілёў : УА “МДУ імя А.А.Куляшова”, 2008. – С. 62–64.
 10. **Папейко, А.А.** Некоторые лексические и фразеологические особенности текста песни А. Баля “Госпожа Ницета” / А.А. Папейко // Куляшоўскія чытанні : матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., Магілёў, 24 красав. 2009 г. / Магілёў : УА “МДУ імя А.А. Куляшова”, 2009. – С. 61.–63.
 11. **Папейко, А.А.** К вопросу об использовании разностилевой лексики (на примере текста песни Алексея Лупшова) / А.А. Папейко // Текст. Язык. Человек : сб. науч. тр. : в 2 ч. / редкол.: С.Б. Кураш (отв. ред.) [и др.]. – Мозырь: УО МГПУ им. И.П. Шамякина, 2009. – Ч. 1. – С. 120–121.
 12. **Папейко, А.А.** К вопросу об использовании лексики с противоположным значением в произведениях Елены Казанцевой / А.А. Папейко // Русский язык в контексте культуры : сб. науч. статей ; под общ. ред. Т.Г. Михальчук. – Могилев : УО “МГУ им. А.А. Кулешова”, 2010. – С. 268–270.
 13. **Папейко, А.А.** К вопросу о собеседнике автора в произведениях Е. Казанцевой / А.А. Папейко // Восточнославянские языки в европейском языковом контексте : сб. науч. ст. по материалам II Международной науч. конф., Могилев, 30–31 октября 2009 г. ; под ред. Е.Е. Иванова. – Могилев: УО “МГУ им. А.А. Кулешова”, 2010. – С. 75–78.
 14. **Казанцева, Е.В.** Стихи и песни / Е.В. Казанцева // Русский портал авторской песни [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа : <http://www.bards.ru/archives/author.php?id=1870>. – Дата доступа : 12.03.2009.

ПРИЛОЖЕНИЕ

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОК ТЕКСТОВ ЕЛЕНА КАЗАНЦЕВОЙ

1.	А ты живешь на самой на окраине	56.	Ну что же Вы не звоните
2.	Белоснежка полюбила сразу семерых	57.	О, Айседора Дункан, не пощадили тебя
3.	Боже мой, распускаются веники	58.	Один из нашего отряда, интеллигентный, холостой
4.	Было счастье у меня, на диванчике сидело	59.	Одолжите две копейки
5.	Вам двадцать два, мой лейтенант, и мы не пара	60.	Ой ты, жизнь моя противная

Продолжение табл.

6.	Вдруг, ни с того, ни с сего, просто так	56.	Остывает понемногу в нашем чайнике вода
7.	Ветер чужой – оттого и холодный	57.	От Москвы до Вятки ходят поезда
8.	Вечер городской... Окончен шумный праздник	58.	Отнесу в комиссионку книгу старую, как мир
9.	В кухне посуда не вымыта	59.	Пей стаканами беду и закусывай горчицей
10.	В ноябре еще не холод	60.	Первый день сплошного мая
11.	Все стреляю, стреляю – и пачка за пачкой	61.	Перстенечек в воду брошу
12.	Вся жизнь моя проходит на балконе	62.	Поет Лолита Торрес на экране
13.	Высокие свечи в бутылках	63.	По Тверской, по Ямской, по любой
14.	Голова горячая, руки – не свои	64.	Простого счастья в жизни нет
15.	Гора посуды с ночи осталась, мой – не мой	65.	Проходят годы стороной
16.	Да, это пройдет, будет зима, белая вся	66.	Прошу – достаньте мне звезду
17.	Две девочки ходят по городу	67.	Прощай учитель, мальчик белокурый
18.	Если б я была свободна	68.	Птица моя горластая, где же твое гнездо
19.	Если в доме мороз – это значит сантехник Володя	69.	Разбросаю по плечам волосы седые
20.	Заметет снежком машины у подъезда	70.	Система взглядов и понятий
21.	Заплакал мой маленький мальчик	71.	Скатерть белая отутюжена
22.	И горе выпито, и счастье выпито	72.	Слышишь – солнце поет, как трамвайный звонок
23.	И денег нет, и вечер догорает	73.	Соловей свистел всю ночь
24.	Иду к тебе, несущая бутылку пива	74.	Сочинить бы такой стих
25.	Испания, ты ли это	75.	Спой мне, мама, колыбельную
26.	Как прекрасен мир, когда умытый	76.	Стоят на книжной полочке Гомер, Овидий, Пушкин
27.	Как хорошо, что жизнь проста	77.	С тренеровок сбегал и тебя провожал
28.	Когда я пела для тебя, душа моя звенела	78.	Ты меня любил – разлюбил
29.	Кому – любовь, кому – Москва	79.	Ты помнишь, пограничник, было лето
30.	Кто-то мальчиков рождает, кто-то девочек	80.	Ты ушел из вечеров моих и дней
31.	Куда девалось Ваше чувство	81.	Тяжелей тебе от моих стихов, легче ли
32.	Люблю итальянцев – они как грузины	82.	У меня болели зубы
33.	Мне было некого любить, и я поэта полюбила	83.	У меня к тебе – не чувства
34.	Мне осталось пройти только четверть пути	84.	У меня радикулит, у меня спина болит
35.	Мне хватит сил, и я с балкона однажды прыгну навсегда	85.	У меня специальности нет
36.	Мои слова – почти как руки	86.	У меня украли Васю, увезли в Сибирь
37.	Москвой от Белорусского вокзала проеду за пятак	87.	У тебя своя жена, у тебя своя забота
38.	Мы с тобой сидим на кухне, холодильник дребезжит	88.	Уходи. Вот порог и дверь
39.	На берегу морском нашел я денежку	89.	Ходит месяц по лопате
40.	На долгую-долгую память дарю тебе фотку свою	90.	Ці атрымаю сэнс жыцця
41.	На лестнице... Вот рука – как вовремя Вы сказали	91.	Я Вас так люблю, что сердце тает
42.	Напиши мне письмо в десять строчек	92.	Я еду в гости к человеку
43.	На снегу сидят вороны	93.	Я к тебе хожу не за подаванием
44.	Начнутся полеты, когда отыграет гроза	94.	Я лечу по шоссе, тормоза, как всегда, неисправны
45.	На экране – новости, на земле – война	95.	Я люблю мужчинам строить глазки

Окончание табл.

46.	Не звоните мне, друзья	56.	Я люблю тебя по-настоящему
47.	Ненавижу тебя и твою канарейку	57.	Я надеюсь, что все переменится
48.	Не по имени, не по отчеству	58.	Я не могу явиться к Вам с повинной
49.	Не приходи ко мне с утра, с утра я сонная	59.	Я не хочу в Америку, я не хочу в Австралию
50.	Нет за мною вины ни с какой стороны	60.	Я поеду в Москву, а тебя не возьму
51.	Неужели уеду в Америку	61.	Я скучаю на матрасе лежа
52.	Ни жена, ни вдова, ни жива, ни мертва	62.	Я тебя любила, как невеста
53.	Никому не рассказывай ты обо мне	63.	Я тоскую одна-одинешенька
54.	Никто мне не нужен, никто	64.	Я уже не в состоянии за вагонами бежать
55.	Никуда теперь не деться	65.	Я чувствую тебя на расстоянии

Поступила в редакцию 28.12.2010 г.

УДК 811.111'373.46

Е.В. ХОМЕНКО

РОЛЬ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В СОЗДАНИИ КАТЕГОРИИ ИНФОРМАТИВНОСТИ В ЖАНРОВЫХ РАЗНОВИДНОСТЯХ АНГЛОЯЗЫЧНОГО НАУЧНОГО ТЕКСТА

В статье проводится сопоставительный анализ жанровых разновидностей англоязычного научного текста энергетической проблематики: академической научно-технической статьи, научно-популярной статьи, научно-технического доклада, учебно-научной лекции в плане выражения взаимосвязи текстовых категорий информативности, адресованности, позиции адресанта с употреблением терминологических языковых средств. Определяются отличия в степени насыщенности специальными терминами жанровых разновидностей научного текста, в которых представлены три подтипа фактуальной информации (узкопрофессиональная, общепрофессиональная, базовая научная информация).

Введение

Среди актуальных аспектов проблемы теории и практики функционирования терминологических единиц особое место занимает вопрос о закономерностях употребления терминов, различающихся своим концептуальным содержанием, лингвистическими и прагматическими характеристиками, в прагматически важных семантических компонентах структуры текстов, дифференцированных жанровой принадлежностью, с целью адекватного восприятия адресатом излагаемой в тексте информации. Актуальность данного исследования определяется общей направленностью современной когнитивно-дискурсивной парадигмы знания на изучение текста научного содержания во взаимосвязи его лингвокогнитивных и коммуникативно-прагматических аспектов, а также тенденцией к выявлению дифференциальных признаков жанровых разновидностей текстов разной дискурсивной принадлежности. Актуальность исследования обусловлена также необходимостью рассмотреть научные тексты по энергосберегающим технологиям в рамках языка для специально-научных целей.

Научная новизна исследования связана с изучением языковых способов оформления прагматически важной информации в тексте. В работе впервые получила комплексное описание взаимосвязь текстовых категорий информативности, адресованности, позиции адресанта с употреблением терминологических языковых средств в жанровых вариантах научного текста, освещающих вопросы энергосберегающих технологий.

Основная часть

Нами было проведено исследование, цель которого состояла в том, чтобы изучить специфику функционирования терминологических единиц в научных текстах, дифференцированных структурной организацией и жанровой направленностью.

Основные задачи исследования заключались в следующем:

– выявить сходства и различия в использовании терминологических языковых средств, различающихся своими структурными типами, в жанровых разновидностях научного текста;

– установить взаимосвязь между употреблением терминологических языковых средств и выражением текстовых категорий информативности, адресованности и позиции адресанта в изучаемых жанрах.

В качестве материала исследования были отобраны наиболее употребительные общенаучные и специальные термины, извлеченные методом сплошной выборки из текстов различной жанровой направленности (академическая научно-техническая статья (АН-ТС), научно-популярная статья (Н-ПС), научно-технический доклад (Н-ТД), учебно-научная лекция (У-НЛ)) англоязычных журнальных и Интернет-статей, относящихся к предметной области “Энергосберегающие технологии”. Общее количество проанализированных терминологических единиц составило 2940.

В настоящем исследовании, рассматривая термин в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы, мы придерживаемся взгляда на термин как на единицу номинации, входящую в определенную терминосистему, обозначающую понятие специальной области знания и служащую для передачи профессиональной информации, которую следует изучать в трех аспектах: синтаксическом – с точки зрения структуры; семантическом – с точки зрения содержания и прагматическом – с учетом особенностей функционирования в тексте [1, с. 18-19]. Данное определение, на наш взгляд, подчеркивает специфику актуализации термина в научном тексте.

Термины предметной области энергосберегающих технологий получают свою полную реализацию в тексте, который является продуктом познавательной деятельности автора. Они в основном именуют виды энергии, топливно-энергетические ресурсы, электрооборудование, свойства нетрадиционных возобновляемых источников энергии, разные виды энергетических установок, тепловые и промышленные процессы, виды биотоплива, химические элементы, измерительные приборы, виды биомассы, экологические процессы, абстрактные понятия. Эти понятия характеризуются такими параметрами, как принадлежность к сфере энергетики, отношение к объектам/явлениям энергетической деятельности, оценка рассматриваемых явлений и т.д.

Следует отметить, что значения терминов, зафиксированные в словарях, могут отражать как понятие в целом, так и разные признаки одного и того же понятия, проявляющие себя в конкретной области энергетической деятельности. Терминологическая информация о свойствах называемых объектов обусловлена

рядом прагматических факторов, а именно: прагматической установкой и интенцией автора, зависящих, в свою очередь, от фактора адресата, его потребностей и профессиональных знаний. Таким образом, употребление терминов, различающихся информативной наполненностью, под которой понимается понятийно-семантическая структура термина, т.е. совокупность его значений [2, с. 35], зависит от прагматической информации, передаваемой в тексте.

Анализ терминологических единиц, выступающих в качестве содержательных элементов научного текста, в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы дает возможность установить взаимосвязь между употреблением терминологических языковых средств и типами информации, вербализуемыми этими средствами. Принимая во внимание опыт предшествующих исследований [3, с. 27-29], а также учитывая прагматическую ориентацию нашего исследования, мы считаем прагматические установки адресанта, способствующие выделению значимых свойств объектов/процессов, и прагматический фактор адресата в качестве оснований классификации информации, содержащейся в научном тексте.

Проведенный анализ англоязычных научных текстов, объединенных одной тематикой, соотносящейся с предметной областью энергосберегающих технологий, позволил выявить в исследуемых жанровых разновидностях текста наличие двух типов информации, различающихся по прагматическому назначению и степени авторской интерпретации: фактуальную, которая характеризуется отсутствием авторской интерпретации, и нефактуальную, которая содержит элементы оценки, способствующие акцентуации внимания адресата на определенных сторонах фактуальной информации.

В ходе исследования были обнаружены отличия в реализации фактуального типа информации, которую мы подразделили на три подтипа в зависимости от степени насыщенности текста терминологическими единицами, составляющими содержательный аспект информации; соответствия/несоответствия научно-профессионального уровня адресата качественному типу информации, излагаемой в тексте:

- узкопрофессиональную научную информацию (УНИ);
- общепрофессиональную научную информацию (ОНИ);
- базовую научную информацию (БНИ).

УНИ предназначена для адресата, обладающего обширными знаниями в той области науки, которую представляет текст. В связи с этим УНИ может быть правильно интерпретирована адресатом с соответствующей степенью научно-профессиональных знаний. Ее реализация происходит на уровне разделенного знания, представляющего общую область интересов для субъектов коммуникации. Прагматическая установка автора текста, репрезентирующего этот тип информации, направлена на отражение исследуемых процессов/объектов в определенном ракурсе осмысления с целью выделения их значимых свойств.

Реализация ОНИ происходит на специализированном уровне представления и предназначена для восприятия адресатом, обладающим определенным объемом знаний или знаниями базовых понятий в той научной области, которую репрезентирует анализируемый текст.

БНИ реализуется на нейтральном уровне представления, т.е. на уровне повседневного знания. Данная информация направлена на адресата, мало подготовленного к восприятию научной информации в области популяризируемого знания, которая представлена в тексте. БНИ является кратким представлением научных

объектов/явлений с доминированием в ней их практической значимости.

Содержательный аспект выявленных типов информации составляют нетерминологические и терминологические единицы, различающиеся концептуальным содержанием, лингвистическими и прагматическими характеристиками. Изучение научной терминологии не как отдельных лексических единиц, а функционирующих в тексте позволяет проанализировать использование терминов в качестве смыслоносущих элементов текста, реализацию различной научной информации, заложенной в понятийно-семантической структуре термина, в текстах, дифференцированной структурной организацией и жанровой направленностью.

Для представления и понимания информации большое значение имеет не только семантика, но и формальная структура терминологических единиц, исследованию особенностей которой посвящен ряд работ [4]. В терминологической системе энергосберегающих технологий структурному анализу были подвергнуты устойчивые словосочетания нефразеологического характера, являющие собой различные типы многокомпонентных терминосочетаний (МТС). Изучение типов формальных структур МТС, областей их функционирования способствует определению содержательного аспекта видов информации, передаваемой различными структурными типами терминов.

Анализ МТС терминосистемы изучаемой предметной области позволил выявить модели, по которым создаются указанные номинативные знаки. Рассмотрим, по каким моделям образуются МТС и каким образом они распределяются в количественном отношении в жанровых разновидностях научного текста.

Двухкомпонентные термины являются наиболее употребительным типом МТС в таких жанровых разновидностях научного текста, как У-НЛ и Н-ПС. Частотность трехкомпонентных, четырехкомпонентных, пяти- и более компонентных терминосочетаний значительно выше в Н-ТД и АН-ТС. В таблице 1 представлена употребительность структурных моделей МТС от общего количества МТС в конкретном жанре и однокомпонентных терминов от общего количества всех терминов в жанре.

Таблица 1

Употребительность терминов в жанровых разновидностях научного текста

Структурные типы терминов	АН-ТС	Н-ТД	Н-ПС	У-НЛ
1-компонентные	19,1%	16,8%	29,8%	34,3%
2-компонентные	42,8%	52,5%	84,6%	79,1%
3-компонентные	43,7%	35,3%	14,5%	16,8%
4-компонентные	10,5%	9,7%	0,9%	4,1%
5-компонентные и более	3,0%	2,5%	–	–
общее количество МТС	726	566	429	582
общее количество терминов	848	673	619	801

Структурные модели двухкомпонентных терминов представлены 13 типами, среди которых наиболее распространенными оказались следующие: А+N, N1+N2 (см. табл. 2). Модели трехкомпонентных терминосочетаний отличаются большим разнообразием. В исследуемом корпусе текстов было выявлено 39 типов, при этом наибольшая частотность характерна для следующих моделей: А+N1+N2, N1+N2+N3 (см. табл. 2). В подязыке энергосберегающих технологий общее количество обнаруженных четырехкомпонентных терминов составило 59 типов, среди которых наиболее распространенными являются: А+N1+N2+N3, А1+А2+N1+N2. В таблице 2 представлены наиболее употребительные в количе-

ственном плане типы структурных моделей терминов в отношении к общему количеству МТС конкретного жанра.

Модели МТС обозначаются нами в виде структурных формул, где: **N** – noun (существительное); **A** – adjective (прилагательное); **Adv** – adverb (наречие); **PI** – формы глагола, оканчивающиеся на -ing; **PII** – формы глагола, оканчивающиеся на – ed или 3-я форма неправильного глагола.

Таблица 2

Типы структурных моделей многокомпонентных терминосочетаний в жанровых разновидностях научного текста (%)

Тип структурной модели	Академическая научно-техническая статья	Научно-популярная статья	Научно-технический доклад	Учебно-научная лекция	Примеры
2-компонентные					
A+N	18,84	26,43	19,92	23,98	fossil fuel – ископаемое топливо geothermal power – геотермальная энергия
N1+N2	40,25	32,19	26,32	30,25	biofuel plants – электростанции, работающие на биотопливе fusion power – термоядерная мощность
3-компонентные					
N1+N2+N3	8,82	4,43	8,30	5,67	heat recovery ratio – коэффициент регенерации тепла power desalination plant – опреснительная энергоустановка
A+N1+N2	11,43	4,66	17,14	7,90	renewable energy source – возобновляемые источники энергии woody biomass resource – источник древесной биомассы
4-компонентные					
A+N1+N2+N3	2,76	0,47	4,42	1,03	total wind power generation – производство полной мощности энергии ветра

Окончание табл. 2

Тип структурной модели	Академическая научно-техническая статья	Научно-популярная статья	Научно-технический доклад	Учебно-научная лекция	Примеры
4-компонентные					
					electric power transmission network – сеть электроснабжения
A1+A2+N1+N2	2,48	0,23	3,00	0,86	solar thermal power generation – производство солнечной тепловой энергии domestic hot water heating – нагрев воды для хозяйственных нужд

МТС, включающие от 5-ти до 9-ти компонентов, менее употребительны по сравнению со всеми структурными типами МТС в изучаемых жанровых разновидностях научного текста. Однако отдельным энергетическим понятиям присуща многоаспектность, что проявляется в возможности их описания через различные наборы признаков и способствует большей точности их наименований. В проанализированном массиве терминологической лексики было выявлено 27 структурных типов МТС, содержащих более 5-ти компонентов. Например: *45 W peak capacity micro solar power station* (солнечная микроэлектростанция с пиковой мощностью 45 Вт); *high-pressure safety injection reactor pump* (насос реактора аварийного впрыскивания высокого давления); *hybrid optimization model for electric renewables – HOMER* (модель гибридной оптимизации для возобновляемой электроэнергии). Несмотря на то что употребительность таких МТС имеет в основном разовый характер, можно говорить об объективной тенденции к детализации понятий, выраженных однословными терминами, в рассматриваемой сфере энергетической деятельности.

В результате сопоставительного анализа экспериментальных данных были выявлены сходства и различия в выражении подтипов фактуальной информации с помощью терминологических единиц между изучаемыми жанровыми разновидностями научного текста. Наибольшая частотность однокомпонентных терминов наблюдается в УН-Л и Н-ПС. Двухкомпонентные термины более употребительны в исследуемых жанровых разновидностях по сравнению с остальными структурными моделями МТС. В АН-ТС и Н-ТД намного преобладает использование терминологических единиц, включающих более 2 компонентов, причем их наибольшая распространенность характерна для АН-ТС. Сопоставление употребительности вышеназванных моделей МТС в текстах Н-ПС и У-НЛ показывает их более высокую степень насыщенности в текстах У-НЛ. МТС, состоящие из 5 и более компонентов, не выявлены в У-НЛ и Н-ПС.

Отличия между жанровыми разновидностями научных текстов наиболее четко выражены в употребительности следующих структурных типов моделей МТС (см. табл. 2): между АН-ТС и Н-ПС – А+Н, N1+N2, N1+N2+N3, А+N1+N2, А+N1+N2+N3, А1+А2+N1+N2, 5 и более компонентов; между Н-ТД и Н-ПС – 1-компонентные, N1+N2+N3, А+N1+N2, А1+А2+N, А+N1+N2+N3, А1+А2+N1+N2, 5 и более компонентов; между АН-ТС и Н-ТД – N1+N2; между АН-ТС и У-НЛ – 1-компонентные, N1+N2, А1+А2+N1+N2; между Н-ТД и У-НЛ – 1-компонентные, А+N1+N2, А1+А2+N, 5 и более компонентов; между Н-ПС и У-НЛ – А+N1+N2.

Заклучение

Изучение вербализации научной информации различными типами терминологических единиц показало связь тематической заданности дискурса энерго-сберегающих технологий с семантическим значением терминов, содержащих концептуальную информацию о явлениях, объектах научного познания, и структурной организацией этих терминов.

Выявлена взаимосвязь между употребительностью терминов и выражением текстовых категорий информативности, адресованности и позиции адресанта, которая проявляется дифференцированно в зависимости от подтипа фактуальной информации. УНИ, репрезентируемая в АН-ТС и Н-ТД, имеет более высокую степень насыщенности специальными терминологическими единицами сложной формальной структуры. Преобладание МТС, состоящих из 2-х и более компонентов, можно объяснить сложным концептуальным содержанием этих терминов, которые включают значительное число признаков номинируемых объектов, явлений. Информация, представленная в Н-ПС, не содержит большого количества МТС, так как она предназначена для восприятия адресатом, обладающим невысоким уровнем компетенции в рассматриваемой научной сфере. Содержание ОНИ, репрезентируемой в У-НЛ, является достаточно терминологически насыщенным, что способствует формированию ментальной модели конкретной предметной области у адресата.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Гринев, С.В.** Введение в терминоведение / С.В. Гринев. – М. : Московский лицей, 1993. – 309 с.
2. **Володина, М.Н.** Когнитивно-информационная природа термина (на материале терминологии средств массовой информации) / М.Н. Володина. – М. : Изд-во МГУ, 2000. – 128 с.
3. **Гальперин, И.Р.** Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981. – 139 с.
4. **Манерко, Л.А.** Язык современной техники: ядро и периферия : монография / Л.А. Манерко. – Рязань : Рязанск. гос. пед. ун-т им. С.А. Есенина, 2000. – 139 с.

Поступила в редакцию 21.05.2010 г.

УДК 821.133.1 – 31.09(045)

О.Б. ПЕСКОВА

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОБРАЗА А. ГИТЛЕРА В РОМАНАХ “СУДЬБА ДРУГОГО” Э.Э. ШМИТТА И “ОН” П. БЕССОНА

Статья посвящена сопоставительному анализу средств художественной интерпретации образа А. Гитлера в романах “Судьба другого” Э.Э. Шмитта и “Он” П. Бессона, представляющих собой историко-литературное осмысление событий жизни основоположника нацизма. Используя различные стилистические приемы и средства, авторы затрагивают философскую проблему нравственного выбора, а также исследуют причины зарождения и распространения фашизма. Романы также рассматриваются как своевременное предупреждение об угрозе распространения идей нацизма, что актуально на современном этапе развития общества, когда наблюдается повышенный интерес к историческим аналогиям из прошлого, в частности к изучению природы диктатуры.

Введение

В современной французской и мировой литературе немало страниц посвящено изучению природы нацизма, деятельности А. Гитлера, событиям Второй мировой войны, что во многом стало возможным благодаря доступности ранее засекреченных архивных документов. Надо отметить, что в кризисные периоды развития общества наблюдается повышенный интерес к историческим аналогиям из прошлого. Это дает возможность сквозь призму времени объективно взглянуть на мировые политические события наших дней: борьба с терроризмом, непрекращающиеся военные конфликты, угроза распространения ядерного оружия – реалии начала XXI ст. В послевоенные годы предметом исследования историков, публицистов, писателей были в первую очередь подробности преступлений фашистского режима, тогда как сейчас для них важнее раскрыть психологию этих преступлений. Это представляется возможным на основе исследования истории становления личности Гитлера, изучения психологических источников человеческого зла. Следует подчеркнуть массовый интерес к исследованиям природы диктатуры вообще, поскольку XX век знает немало примеров авторитарных режимов. Однако в современном обществе наметился двойной интерес к образу фюрера: 1) Гитлер – воплощение абсолютного зла; 2) Гитлер – заметная историческая фигура, основатель сильного государства. Снятие Германией негласного табу на использование образа Гитлера в кино также способствовало его “нейтрализации”. Возникла опасность исчезновения очень зыбкой грани между историческим интересом и пропагандой идей фашизма.

Журнал “Lige” за март 2006 г. представил три только что изданных произведения, которые позволят “расширить наши знания о гитлеровском периоде” [1, с. 86] (здесь и далее перевод наш. – О.П.). Речь идет о следующих изданиях: “Дневник Ж. Геббельса в период с 1943 по 1945 годы” с аннотацией Пьера Айсоберри; “Эрих фон Манштейн, стратег Гитлера” Бенуа Лемей; “Светская жизнь в эпоху нацизма” Фабриса д’Альмеида. В отличие от вышеперечисленных произведений, которые являются, скорее, примером публицистической документальной литературы, в художественных произведениях П. Бессона “Он” и Э.Э. Шмитта “Судьба другого” – пример историко-литературного осмысления событий жизни А. Гитлера, который выступает в роли литературного героя.

Основная часть

Современный французский писатель Патрик Бессон является одним из самых парадоксальных писателей Франции и не перестает удивлять как разнообразием тематики своих романов, так и стилистическими средствами, которые он употребляет. П. Бессон балансирует между традицией и нетрадиционностью, постоянно экспериментирует в области формы романа: исторический (“Братья по утехам”, 1998), социальный (“Бездельница”, 1990), детективный (“Второй нож”, 1982), семейный (“Закат семьи Брабанов”, 1995), роман путешествий (“Каникулы в Боснии”, 1996). Отличительной особенностью некоторых романов П. Бессона является присутствие в них художественных интерпретаций образов реальных исторических лиц, которые, согласно сюжету, сталкиваются в повседневной жизни с героями вымышленными. Используя достоверные факты биографии знаменитостей, писатель выставляет их далеко не всегда в выгодном свете. К примеру, в литературных кругах, показанных П. Бессоном в романе “Братья по утехам”, возвращаются О. де Бальзак, В. Гюго, А. де Виньи, П. Мериме, Ш.О. де Сент-Бев. Читатель воспринимает их не как гениев эпохи, а как обычных людей с их привычками, странностями, слабостями. Впервые в романе “Он” образ А. Гитлера, как исторической фигуры, использован автором в качестве основного, сюжетообразующего. Известные исторические персоны также становятся героями книг Э.Э. Шмитта: З. Фрейд в пьесе “Посетитель” (1993), Д. Дидро в пьесе “Распутник” (1997), А. Гитлер в романе “Судьба другого” (2001).

Романы П. Бессона “Он” и Э.Э. Шмитта “Судьба другого”, опубликованные в 2001 г., вызывают интерес не только как попытка осмыслить причины зарождения фашизма, извлечь урок из трагических событий, которые еще не стали историей. Опираясь на известные факты биографии Адольфа Гитлера, авторы предлагают читателям самим ответить на вопрос: почему деструктивные наклонности будущего фюрера приняли такую необратимую форму? В октябре 1908 г. А. Гитлер не поступил в Академию изобразительных искусств в Вене, что, возможно, сыграло решающую роль в его постепенном превращении в главного нацистского военного преступника.

По сюжету романа “Он” П. Бессона молодой французский клерк, чье имя остается неизвестным читателю, под гипнозом начал говорить по-немецки, причем впоследствии оказалось, что он цитирует ранние публичные выступления А. Гитлера, доказывавшие, что он – реинкарнация фюрера. Он отправляется по памятным для А. Гитлера местам в Германию и Австрию вместе со своей девушкой, ее отцом-историком и представителем израильской разведки для изучения себя в качестве объекта паранормального феномена. Вначале отвергая эту свою особенность, постепенно он начал не только интересоваться жизнью фюрера, но к концу книги его личность представляла собой полный симбиоз с личностью А. Гитлера. Линейный текст повествования все больше приобретает черты интертекстуальности: мысли, чувства, речь главного героя сменяются мыслями и чувствами Гитлера, их авторство становится трудно определить, а к финалу они принадлежат одному персонажу, но кому? Безымянность главного героя еще более способствует этому. Название романа также участвует в игре, задуманной автором, заставляя читателя задуматься: “Он” – это кто? На протяжении романа происходят мистические метаморфозы с внешностью и характером главного героя, схожесть с фюрером становится шокирующей. Новоявленный Гитлер, согласно сюжету, встречается реинкарнацию своих соратников из прошлой жизни – Бормана и Геббельса – в образах женщин. Он остро переживает воспоминания

детства и юности, свои увлечения, им овладевает страсть покорения мира. Он явился с особой миссией: стать предводителем неонацизма и возглавить IV Рейх. В книге хронологически и исторически точно использованы биографические данные жизни Гитлера, которыми довольно смело манипулирует автор, домысливая таким образом историю.

Оживший фюрер проводит параллели между своей жизнью и жизнью Христа, находя в них много схожего, что звучит парадоксально. Он выдвинул свою чудовищную теорию: “Надо уничтожать близких вам людей, пока они вас не опередили. Что же касается угрызений совести, то Бога они не мучают, несмотря на то, что он тоже убивал” [2, с. 103]. После убийства своих спутников главный персонаж словно становится на высшую ступень – он чувствует себя Богом.

В романе Бессона читатель теряется во временном пространстве вместе с главным героем, иногда тщетно пытаюсь отделить время повествования от эпохи существования Гитлера. После визита в бункер Гитлера к нему внезапно приходит осознание происходящего: “Он смешон. Он должен исчезнуть” [2, с. 155]. Герой решает вернуться во Францию и приступить к своей работе, желая поскорее забыть о невероятной истории, которая произошла с ним.

Человек, читающий роман “Он”, не является лишь реципиентом, ему предстоит определить глубину проникновения личности Гитлера в личность главного героя, степень его “демонизации”. Образ главного героя формируется в сознании читателя в результате процесса “наложения” двух изображений героя, которые взаимосвязаны.

Роман “Судьба другого” Э.Э. Шмитта имеет две сюжетные линии о разных судьбах одного человека, они тесно переплетены, события в них развиваются синхронно, а фрагменты повествования чередуются. Текст романа устроен таким образом, что он превращается в иерархию текстов, представляя собой одновременно множество и единство текстов.

Одна составляющая романа – повествование о жизни Гитлера, где описаны доподлинно известные факты биографии будущего фюрера, начиная с 8 октября 1908 г. – даты его провала на вступительном экзамене в Венскую Академию изобразительных искусств – и заканчивая его смертью в бункере в 1945 г. В юности Гитлеру приходится работать носильщиком, продавать свои этюды за гроши, несколько лет он живет в приюте для бедных. Первая мировая война помогла ему вырваться из этого замкнутого круга, избежать одиночества, почувствовать себя востребованным обществом. Война проникла в его нутро, тело, душу, стала его верой. Его карьера пошла в гору: к 1921 г. он прошел путь от рядового, агента по пропаганде до руководителя национал-социалистической партии. Что касается взаимоотношений Гитлера с женщинами, то их нельзя назвать нормальными. На заре карьеры это были богатые покровительницы, жены влиятельных людей. Затем болезненная любовь к племяннице Гели Раубаль, после суицида которой главной женщиной в жизни Гитлера становится Германия. Лишь ей он будет фанатично предан до конца своих дней. Задавая себе вопрос о том, был ли счастлив Гитлер, автор предполагает такой ответ фюрера: “Счастлив? Глупая идея! Разве солнце счастливо?” [3, с. 380]. Огромное значение для Гитлера имеет астрология, оккультные науки, в них он ищет великий тайный смысл.

Эта часть романа Э.Э. Шмитта – не просто биография основателя нацизма, это попытка понять, почему стремление этого человека к власти и разрушению оказалось сильнее, чем любовь к живописи и архитектуре.

По мнению немецкого психолога Эриха Фромма, предпринявшего анализ глубинных механизмов личности Гитлера, “разрушительность – это результат

непрожитой жизни” [4, с. 544]. Человек должен расти, проявить себя, должен прожить свою жизнь. Если это не происходит, то энергия, направленная к жизни, превращается в энергию, направленную к разрушению. Возможно, именно из-за нереализации Гитлера в качестве художника или скульптора его деструктивные наклонности привели к таким трагическим последствиям.

Словно в подтверждение выводов, сделанных Э. Фроммом, в “Судьбе другого” Шмитт создал образ и представил судьбу другого Гитлера – Адольфа Г., ставшего студентом Академии изобразительных искусств в 1908 г. Без труда читатель узнает в нем Гитлера. Он так же амбициозен, любит музыку Вагнера, читает Ницше и Шопенгауэра. Но, в отличие от Гитлера, у Адольфа Г. есть возможность для самовыражения – живопись. По сюжету произведения герой страдает эдиповым комплексом, от которого его избавляет З. Фрейд. Это кардинально меняет отношение Адольфа Г. к женщинам, он перестает их бояться и сторониться. Впервые влюбившись, герой решает всю свою творческую жизнь посвятить запечатлению образа женщины в живописи, считая это своим призванием. Война, начавшаяся в 1914 г., не имеет ничего общего ни с прошлым, ни с будущим Адольфа Г. Он с нетерпением ожидает демобилизацию: на войне “его ремесло теряет всякий смысл” [3, с. 194]. На фронте будущий художник испытывает страх, он стреляет в противника лишь для того, чтобы спасти собственную жизнь. В отличие от Гитлера, который принял ампулы с ядом в своем бункере в 1945 г., Адольф Г., ставший довольно известным художником, доживает до глубокой старости и умрет в окружении детей и внуков в 1970 г.

В романе “Судьба другого”, как и в романе “Он”, где внешность и личность главного героя подвергается значительным метаморфозам, присутствуют мистические мотивы. Речь идет об эпизоде, когда Гитлер в результате ранения и потери зрения в 1918 г. попадает в госпиталь. Врач вылечил его с помощью сеансов гипноза, во время которого пациенту внушалась мысль о его особом предназначении в спасении Германии. Именно тогда, согласно сюжету, наступил переломный момент в судьбе Гитлера, его деструктивные наклонности одержали верх, словно сам дьявол вселился в него, что в итоге привело к трагедии не только его личной, но и трагедии всей Европы. Двойник Гитлера, Адольф Г., по замыслу автора исцелился благодаря молитве, с которой впервые в своей жизни обратился к Богу.

Основная мысль этого повествования с двойным сюжетом звучит в финале. В июне 1970 г. родители взяли своего сына в кинотеатр, где демонстрировался фильм о трагедии Второй мировой войны. Ребенок напуган, но ему объяснили, что это наше историческое прошлое, и его надо знать. На вопрос мальчика, не был ли Гитлер сумасшедшим, ему объяснили, что вначале будущий тиран был обычным человеком, а люди формируются на основе выбора и жизненных обстоятельств. Человек не властен над обстоятельствами, но каждый имеет право выбора. Ребенком, о котором идет речь, был будущий автор книги.

В литературе можно найти примеры, когда образы реальных исторических фигур, спустя столетия, превратились в литературный и фольклорный миф: Жанна д’Арк, Вильгельм Телль и др. Было бы неверно трактовать образ Гитлера в качестве так называемого “*mythe littéraire nouveau-né*” – новоявленного литературного мифа [5, с. 13], хотя, бесспорно, он представляет собой воплощение темных, демонических сил, известных в религии и мифологии. Словно Мефистофель-искуситель ищет еще одну продающуюся душу. Но в романах П. Бессона и Э.Э. Шмитта в роли искусителя выступает Гитлер собственной персоной.

Вышеупомянутые романы обладают рядом общих черт: ориентация на достоверную биографию А. Гитлера, точность исторических фактов, что свиде-

тельствует о большой исследовательской работе, предшествующей написанию книг. Объединяет их также схожая проблематика, в основе которой – правильность выбора, сделанного человеком на переломном этапе его жизненного пути.

“Судьба другого” отличается драматическим пафосом, “серьезностью”. Э.Э. Шмитт создает психологические портреты своих персонажей, передает их мысли, чувства, переживания. Повествование характеризуется чередованием эпизодов двух сюжетных линий, которые развиваются фрагментарно, несмотря на линейность времени.

Роману “Он” свойственна полифоничность, которая достигается благодаря своеобразной полемике между созданной П. Бессоном личностью А. Гитлера и главного героя. Произведение пронизано трагической иронией, “насмешливость” автора заметна во всем: от описания внешности и привычек фюрера до идей израильской разведки. Что касается категории времени, нужно отметить постепенное наступление временного коллапса: настоящее то повторяет, то напоминает прошлое. Следствием такого авторского приема является “открытость” финала, в то время как роман Э.Э. Шмитта “Судьба другого”, характеризуется полной “завершенностью”.

Заключение

Романы П. Бессона “Он” и Э.Э. Шмитта “Судьба другого” представляют собой предупреждение, которое будет правильным сформулировать, цитируя высказывание Эриха Фромма: “Мы почему-то считаем, что порочный, склонный к разрушению человек, должен быть самым дьяволом и выглядеть как дьявол. Мы убеждены, что у него не может быть никаких достоинств <...> такие дьявольские натуры существуют, однако они чрезвычайно редки. Деструктивная личность демонстрирует миру добродетель: вежливость, предупредительность, любовь к семье, любовь к детям, любовь к животным. Но дело даже не в этом. <...> Пока мы не откажемся от лубочного представления о пороке, мы не научимся распознавать реальное зло. <...> Не исключено, что среди нас живут сотни потенциальных фюреров, которые смогут прийти к власти, если пробьет их исторический час” [6, с. 569]. Это предупреждение актуально в наши дни, когда все чаще звучат неонацистские лозунги. Следует особо отметить, что угроза распространения идей фашизма возникает в переходные периоды развития человечества, когда люди теряют прежнюю опору и пытаются отыскать ее в чем-то новом. Общая атмосфера пессимизма, царящая в современном обществе, может стать благодатной почвой для этого. Однако появление деспотов в будущем можно предвидеть и предотвратить, основываясь на исторических примерах, в контексте событий прошлого. Подтверждением тому служат романы П. Бессона и Э.Э. Шмитта.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Riglet, M.** L'Allemagne nazie a la loupe / M. Riglet // Lire. – 2006. – № 342. – P. 86
2. **Besson, P.** Lui / P. Besson. – Paris : Albin Michel, 2001. – 156 p.
3. **Schmitt, E.E.** La part de l'autre / E.E. Schmitt. – Paris : Albin Michel, 2001. – 495 p.
4. **Петрановская, Л.** Психология фашизма / Л. Петрановская, М. Широкова // Человек. Архитектура души. Психология личности. Мир взаимоотношений. Психотерапия : энцикл. для дет. : в 33 т. / под ред. В.А. Володина. – М., 2002. – Т. 18. – Ч. 2. – С. 544–545.
5. Dictionnaire des mythes litteraires / sous la direction du Pr. P. Brunel. – Paris : Rocher, 1988. – 1504 p.
6. **Фромм, Э.** Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм ; пер. Э.М. Телятникова. – М. : ООО “Издательство АСТ–ЛТД”, 1998. – 672 с.

Поступила в редакцию 02.06.2010 г.

УДК 821.112.2-2

О.М. МАРТЫНОВА

ТРАДИЦИИ НЕМЕЦКОГО НАРОДНОГО ТЕАТРА В ВОКАЛЬНОЙ ПЬЕСЕ ГЕТЕ “КЛАУДИНА ДЕ ВИЛЛА БЕЛЛА”

Статья посвящена раннему творчеству И.В. Гете и конкретно – его ранней вокальной пьесе “Клаудина де Вилла Белла”.

В работе проводится мысль о тесной связи раннего творчества Гете как с народной песней, так и с традициями немецкого национального театра. Несмотря на утверждения некоторых западноевропейских исследователей о заимствовании классиком немецкой литературы сюжетных линий и перипетий судеб главных героев пьесы из традиций театров других стран (Испании, например), доказывается, что при создании своего зингшпиля¹ Гете опирался на давно сложившиеся, устойчивые традиции германского народного театра и постановки средневековых духовных пьес.

Введение

“Клаудина де Вилла Белла” – произведение, которым молодой Гете внес важный вклад в развитие жанра немецкой вокальной пьесы. По свидетельствам современников, появление “Клаудины” объяснялось воодушевлением, которое возникло у поэта в связи с успехом его первой пьесы с пением “Эрвин и Эльмира”.

Основная часть

Немецкий исследователь Вольфганг Фер (Wolfgang Fehr) [1] утверждал, что Гете, при разработке и подборе материала зингшпиля, следовал традициям построения испанской пьесы плаща и шпаги. Действительно, в “Клаудине” фигурируют персонажи с колоритными испанскими именами, значительная часть действия происходит под покровом ночи, герои дерутся на шпагах, а в развитии сюжета обнаруживаются неожиданные повороты. Вместе с тем, несмотря на тождество интриги, запутанность фабулы и резкую перемену событий, сходство вокальной драмы немецкого драматурга с образцами испанского театра времен Лопе де Вега только кажущееся. Защита собственной чести и достоинства, глубина чувств, свободолюбие и стремление к независимости не в меньшей мере были присущи и германскому народу. В этом смысле гетевская вокальная драма и по своему духу, и по накалу страстей ближе лучшим образцам немецкого средневекового театра, а также классическим пьесам А. Грифиуса, И. Шлегеля и Г. Лессинга.

Экспозиция зингшпиля Гете передает атмосферу веселого праздника, посвященного дню восемнадцатилетия главной героини – Клаудины де Вилла Белла. По-разному звучит в первых спорах и диалогах отношение и к этому торжеству, и к самой девушке. Именинницу прославляет хор поселян: *Сладостный, / Радостный, / День золотой! / Клаудина с нами!* [2, с. 198]. (*Fröhlicher, / Seliger, / Herrlicher Tag! / Gabst uns Claudinen!*) [3, S. 71-72].

О ней восторженно отзывается отец – дон Гонсало. Глава старинной династии де Вилла Белла не без оснований считает дочь высоконравственным суще-

¹ Зингшпиль (нем. Singspiel, буквально – “игра с пением”, от singen “петь” и Spiel – “игра”) – музыкально-драматический жанр, распространенный в Германии и Австрии во второй половине XVIII – начале XIX в.; пьеса с музыкальными номерами или опера с разговорными диалогами (вместо речитативов), преимущественно комического содержания.

ством, которое “дрожит перед малейшей мыслью <...> перед малейшим намеком на чувство, которое было бы ее не достойно” [2, с. 206].

Боготворит красавицу и влюбленный в нее Педро: “Я точно на небе среди ангелов! Вы почтили мои бедные цветы, вы дали им приют у своего сердца” [2, с. 207].

Иначе относятся к Клаудине двоюродные сестры – племянницы дона Гонсало. За спиной девушки они иронизируют о ее чувствительности, высмеивают почести, которые воздаются сестре, злословят и откровенно завидуют богатой наследнице:

К а м и л л а. *Она бог знает, что о себе воображает, потому что у нее кругленькое личико и вздернутый носик, и потому что она может расплакаться над всякой травкой и муравкой.*

С и б и л л а. *<...>нас сегодня опять впрягли в триумфальную колесницу. Я была в такой ярости...* [2, с. 212].

С их точки зрения, добродетельная скромность Клаудины – хорошо продуманная тактика кокетки, а ее безупречное поведение – ловкое притворство. Несмотря на то, что Сибилла и Камилла искусно плетут заговор против Клаудины, их козни не приводят к желаемому интриганками результату.

Игровое пространство пьесы составляют две сферы – родной и знакомый Клаудине круг отчего дома, террасы, тенистого сада и отделенный рядом высоких каштанов враждебный, полный опасностей внешний мир, в который ведет садовая калитка.

В духе принципов “Бури и натиска” Гете не стремится к строгому соблюдению правил и норм классицизма, мешающим воплощению его замысла, и свободно переносит действие из поместья Вилла Белла в убогую харчевню Саросы, а затем на площадь и в тюрьму.

Особый центр притяжения пьесы образует сад, как место, в котором развиваются хитроумные комбинации заговора племянниц дона Гонсало, появляется возлюбленный Клаудины Педро, а затем и его антагонист Кругантино. Здесь сталкиваются основные персонажи и завязывается драматический узел произведения.

С целью заострения конфликта пьесы поэт использует традиционный прием, характерный для народной средневековой драматургии, когда на ночное свидание вместо ожидаемого девушкой возлюбленного приходит его соперник. Таким образом, предполагаемое событие и фактически произошедшее существенно различаются по своей значимости, порождая целую вереницу ошибок и заблуждений героев: влюбленный в Клаудину Педро, например, принимает свист Баско, подручного Кругантино, за трель реального соловья. Клаудина не может узнать зовущий ее из темноты голос, идентичный звуку речи любимого. Наконец, дон Гонсало, который по наущению недоброжелателей Клаудины отправляется в сад с тем, чтобы увериться в вероломстве дочери, обнаруживает вместо влюбленной пары незнакомого ему Кругантино.

Показательно, что литературоведы обращали внимание, как правило, не на перипетии сердечных переживаний и этапы роста и развития личности центральной героини произведения, а на Кругантино – отпрыска древнего испанского рода Каствельвеккио, который, по мнению Н. Фишер-Ламберг, является “выразителем взглядов и тенденций литературного движения “Буря и натиск” в Германии 70-х гг. XVIII в. [4, S. 435] и играет в пьесе главную роль. Действительно, образ Кругантино представляет собой разительный контраст чувствительным натурам Клаудины и Педро. Это настоящий мятежник, бунтарь, безав-

ший из ограниченного мещанского мира в стихию скитальческой жизни. Гете наделяет его сильными страстями, неукротимой энергией, симпатией к простому народу и благородством чувств.

Кругантино резко выделяется на фоне других представителей высших слоев общества, а его поведение выходит за рамки общепринятых моральных устоев. Он *“бросает положение, богатство, друзей и губит свои лучшие дни в безумных выходках, в фантастических приключениях!”* [2, с. 209]. По словам Себастьяна, друга семьи донна Гонсало, молодой человек *“одичал в распутстве, таскался по всей стране с игроками и бездельниками <...> затевал ссору...”* [2, с. 204].

Одиозная жизненная позиция Кругантино не является следствием особенностей его характера, но выражением своеобразного протеста против застойного бюргерского уклада жизни. Молодой человек противится ожиданиям, которые возлагает на него его добропорядочная семья. На требование Себастьяна вести себя в соответствии со своим высоким положением, так, как подобает истинному дворянину и гражданину своего отечества, он дерзко возражает: *“Ваше мещанское общество невыносимо мне! Захоти я трудиться, я буду рабом, захоти веселиться, я буду рабом”* [2, с. 259].

Честолюбие и самомнение Кругантино проявляется и в сцене ночного подинка с Педро: *“И надо же было ему как раз крикнуть: “Кто здесь?” Да еще таким повелительным тоном: “Кто здесь?” Терпеть не могу повелительного тона...”* [2, с. 224].

Типичные для “Бури и натиска” темы свободолюбия и независимости Гете переплетает со старинным фольклорным мотивом о двух братьях, один из которых – изгой, находящийся в конфликте с законом, а другой – благородный юноша, обожаемый прекрасной девушкой. Однако образ Кругантино-бунтаря не однозначен. Гете недвусмысленно подчеркивает его дуалистическую натуру: это не только великодушный молодой человек, с горячей кровью и не успокоившейся душой, но и разочарованная личность, в полной мере осознающая свое сомнительное положение в компании опустившихся бродяг.

Вместе с тем именно Клаудина является персонажем, в наибольшей степени подвергнувшимся изменениям в ходе действия пьесы. Полная смутных, не оформившихся еще мечтаний, погруженная в девичьи грезы, она выходит вечером на террасу, ведущую в сад. Драматургия этой сцены, последующее распределение действующих лиц предопределяет ход дальнейших событий пьесы.

Страстное чувство Клаудины к Педро становится отчетливым, когда она узнает, что юноша ранен и находится в опасности. Сначала это сообщение лишает ее сознания, но некогда робкая и застенчивая, девушка оказывается способной на самые решительные и дерзкие поступки: переодевшись в мужское платье, глубокой ночью она мчится к любимому в Сароссу.

Столкновение, в ходе которого Кругантино приставляет шпагу к груди Клаудины, чтобы остановить пришедшего на помощь девушке Педро – это апогей вокальной пьесы Гете, который передается в виде антифонного пения героев-антагонистов и помогает раскрытию их характеров, определяя драматургию последующих сцен.

Некоторые литературоведы, как, например, Тина Хартман (Tina Hartmann [5, S. 240-241]), отмечали, что Гете в своих ранних зингшпилях жертвует драматургической основой произведения в пользу вокальных вставок. Действительно, в особенно напряженных ситуациях – в сцене встречи Клаудины и Кругантино

в Саросе, в момент появления стражи, а затем и в тюрьме – музыкальные части пьесы не всегда органично вливаются в ткань произведения. Наиболее курьезно выглядят вокальные фразы охранников, ведущиеся без инструментального сопровождения, а затем и песенный диалог между стражей, Педро, Клаудиной, Кругантино и Баско.

Стража (в отдалении).	WACHE von ferne.
Сюда! Сюда!	Hierher! hierher
Что-то случилось!	Hör ich ein Lärmen!
Другой.	EIN ANDERER.
Сволочь ночная!	Lumpen und Schurken!
Ишь расходилась! [2, с. 250].	Hör! wie sie schwärmen! [3, S. 110].

Поразителен и тематический, и жанровый диапазон певческих композиций зингшпиля, который точно соответствует накалу страстей, эмоциональному состоянию героев, а также их классовой принадлежности. Это и сентиментальная, мечтательная партия Клаудины (“При луне в тиши глубокой...” [2, с. 221]), полная нежной страсти ария Педро (“Соловьи, вы все не спите/ Песни-жалобы твердите” [2, с. 222]), дуэт Клаудины и Педро (“Кто же верен? Лицемерен / Каждый ныне человек!” [2, с. 209]), озорная песня-бравата Кругантино (“С девчонками смеяться...” [2, с. 214]), незатейливые куплеты бродяг из окружения Кругантино (“Есть деньги – мы живем, / Нет денег – не помрем!” [2, с. 217]) – все это позволяет составить отчетливое представление о разнообразии музыкальных пристрастий раннего Гете.

Примечательно, что большая часть вокальных текстов пьесы по своей сути и духу близка народно-поэтической лексике, написана ясным и доступным языком. Во многих вокальных партиях, особенно принадлежащих выходцам из низших слоев, приводятся параллели из жизни и незамысловатого быта простых людей:

Хор: Сладостный, Радостный, День золотой! Ты нас ласкаешь Своими лучами. [2, с. 202]	CHOR. Fröhlicher, Seliger, Herrlicher Tag! Bist uns so glücklich, Uns wieder erschienen! [3, S. 72-73]
---	---

Такой же безыскусной является и песня Клаудины о цветах, подаренных ей любимым:

Всех даров и приношений, Всех веселых поздравлений Вы, цветы дороже мне. [2, с. 202].	Alle Freuden, alle Gaben, Die mir heut gehuldigt haben, Sind nicht dieser Blumen wert. [3, S. 78-79].
--	--

Ария Клаудины отражает диалектику ее чувств: от робкой попытки разобраться в неясных движениях собственного сердца (“Ночь святая! Одиноко/ Бьется сердце, ласки ждет...” [2, с. 221]), до отчаянного обращения к высшим силам (“Небо, долго ль мне страдать?” [2, с. 222]). Таким образом, сентиментально-романтические переживания героини обращены к народной поэзии и ассимилируют ее социальный и художественный опыт, что свидетельствует о демократических взглядах поэта.

В текстах песен, приводимых Гете в “Клаудине”, встречаются фольклорные преувеличения, многие стихи построены по принципу параллелизма и контраста, призваны показать глубину чувств персонажей пьесы:

К а м и л л а.

*У нас в краю он всех стройней,
Он всех храбрей, он всех честней,
Просить умеет он, в ответ
Ему никак не скажешь: нет!*
[2, с. 210].

C A M I L L E.

*Er ist der Sträckst im ganzen Land,
Ist kühn und sittsam und gewandt,
Und bitten kann er, betteln, fein;
Es sag einmal eins: Nein!*
[3, S. 82].

Тождественны народным по своей тональности и вокальные партии, которые принадлежат высокопоставленным особам. Так, романс Кругантино, исполняемый в изысканной гостинной донна Гонсало, близок фольклорной балладе, это трагическая история жизни несчастной девушки в стихах:

К р у г а н т и н о.

*Раз жил да был юнец лихой,
С французами сражался,
Вернувшись, с девушкой одной
Он часто обнимался.
Ласкал ее, был нежен с ней,
Ее невестой звал своей
И наконец покинул!
Когда к бедняжке весть пришла,
Она ума лишилась,
Она кляла, звала, ждала
И с жизнью распростилась...*
[2, с. 233-235].

C R U G A N T I N O.

*Es war ein Buhle frech genug,
War erst aus Frankreich kommen,
Der hat ein armes Maidel jung
Gar oft in Arm genommen,
Und liebgekost und liebgeherzt,
Als Bräutigam herumgescherzt,
Und endlich sie verlassen.
Das arme Maidel das erfuhr,
Vergingen ihr die Sinnen.
Sie lacht' und weint', und bet' und schwur:
So fuhr die Seel von hinnen...*
[3, S. 99].

Для усиления сценического эффекта Гете вводит музыкальные вставки в самые напряженные моменты перипетий судеб героев пьесы, замедляя ход основного действия. Такая своеобразная ретардация позволяет автору не только выразить внутренние переживания героев, но и подготовить зрителей к дальнейшим поворотам в фабуле произведения. Однако вокальные части “Клаудины” не затмевают прозаического текста, что говорит и о музыкальном такте, и о тонко развитом чувстве меры автора.

В соответствии с традициями средневекового народного немецкого театра композиция произведения, начиная с представления персонажей, строится по принципам контраста. Так, за мирными дневными событиями веселого пышного праздника следуют ночные приключения героев с дуэлью и кровопролитием; восторженное любование Гонсало непогрешимостью Клаудины в начале пьесы сменяется в финале отчаянием при мысли о возможной гибели девушки. Безукоризненное поведение Клаудины перемежается с ее безрассудной вылазкой в Саросу. По контрасту подается в пьесе и образ Кругантино: неукротимый и дерзкий мятежник перед лицом мнимой смерти Клаудины превращается в добропорядочного члена почтенного семейства, заявляя: “*Прошлое забыто! / Я вам ныне брат!*” [2, с. 260].

Благополучное разрешение конфликта пьесы также построено по контрасту с мрачной обстановкой тюрьмы и моральным опустошением главной героини. Перед лицом мнимой смерти невинной девушки происходит не только примирение братьев, но и переоценка центральными персонажами пьесы собственных жизненных позиций, в результате чего Кругантино снова возвращается в лоно семьи, а дон Гонсало, оставив честолюбивое восхищение безупречностью и целомудрием дочери, молит лишь о том, чтобы она осталась жива: “*О, не покидай нас! Живи! Живи! Ради меня!*” [2, с. 263].

Бессилие Клаудины при появлении Гонсало интерпретируется как духовная смерть, от которой ее спасают слова отца: “Нет, о дочь, ты не мертва!” [2, с. 263]. Не случайно во время последних сцен девушка большей частью сидит или стоит на коленях. Попытка встать при появлении донна Себастьяно, свидетеля ее позора, также не увенчивается успехом, и Клаудина снова падает, словно придавленная грузом своего легкомысленного поступка, несовместимого с поведением благовоспитанной девушки. Мысль о том, что она злоупотребила доверием отца, невыносима Клаудине.

Заключение

Сомнительный в плане разрешения конфликта и примирения сторон счастливый финал пьесы приближает ее к традициям старинных народных немецких постановок, обязательным элементом которых являлась победа добра над злом. Кроме того, концовка зингшпиля Гете созвучна нравоучительным интермедиям средневековых духовных драм и близка по смыслу библейской сцене о возвращении блудного сына, а по своей тональности напоминает одно из изречений Иоанна Златоуста: “Не страшно упасть, страшно упавшему не встать”, далекого от смысла пьес плаща и шпаги Лопе де Вега.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Fehr, W.** Der junge Goethe: Drama und Dramaturgie – eine analysierende Gesamtdarstellung / W. Fehr. – Paderborn: Igel-Verl. Wiss., 1994. – 275 S.
2. **Gere, И.В.** Собрание сочинений: в 10 т. Драммы в прозе. Т. 4 / И.В. Gere. – М.: Худож. лит., 1977. – 494 с.
3. **Goethe, J.W.** Poetische Werke. [Band 1–16], Band 4. / J.W. Goethe. – Berlin, Berliner Ausgabe, 1960. – 119 S.
4. **Goethe, J.W.** Die Werke. In 5 Bänden. Bd.5. / J.W. Goethe. – Berlin, Hrsg.v H Fischer-Lamberg, 1963. – 772 S.
5. **Hartmann, T.** Goethes Musiktheater. Singspiele, Opern, Festspiele, „Faust“ / T. Hartmann. – Tübingen, Max Niemeyer Verlag, 2004. – 333 S.

Поступила в редакцию 24.02.2010 г.

РЭЦЭНЗІІ

3 АДЧУВАННЕМ МАСТАЦКАГА СЛОВА

Шур В. Уласнае імя ў мастацкім тэксе: манаграфія. – Мазыр: УА “МДПУ імя І.П. Шамякіна”, 2010. – 207 с.

Імя доктара філалагічных навук прафесара Васіля Шура добра вядома ў нашай краіне як руплівага, тонкага даследчыка мовы беларускай мастацкай літаратуры. На працягу не аднаго дзесяцігоддзя вучоны карпатліва даследуе анамастычныя адзінкі ў мове мастацкага твора. На рахунку гэтага таленавітага мовазнаўцы шэраг манаграфічных прац і вучэбных дапаможнікаў, прысвечаных праблеме анамастыкі. Сярод іх: “З гісторыі ўласных імёнаў” (Мінск, 1993), “Беларускія ўласныя імёны: беларуская антрапаніміка і тапаніміка” (Мінск, 1998), “Анамастычная лексіка ў беларускай мастацкай літаратуры” (Мінск, 2002), “Онім у мастацкім тэксе” (Мінск, 2006), “Уласныя імёны ў прасторы і часе” (Мінск, 2008). Апрача гэтага вучоны апублікаваў рад навуковых артыкулаў у такіх аўтарытэтных беларускіх часопісах, як “Полымя”, “Малодосць”, “Роднае слова”, “Беларуская мова і літаратура”. Дзесяткі артыкулаў і матэрыялаў змешчана ў навуковых і навукова-метадычных выданнях і зборніках канферэнцый. У гэтых працах даследчыкам комплексна апісаны онімы (уласныя асабовыя імёны, прозвішчы, мянушкі, псеўданімы, тапонімы) як неад’емны кампанент мастацкага тэксту і як выразныя стылёваўтваральныя і вобразна-выяўленчыя сродкі.

І вось новая, чаканая праца. На гэты раз – манаграфія пра ўласнае імя ў мастацкім тэксе.

Ва ўводзінах сцісла, але даволі акрэслена паказана, што ў беларускім мовазнаўстве пачатку ХХІ ст. прыкметна ўзрастае цікавасць да праблем анамастыкі ўвогуле і літаратурнай анамастыкі ў прыватнасці – новага кірунку беларускай лінгвістыкі, на ўзнікненне, станаўленне і развіццё якога значны ўплыў аказалі працы самога В. Шура. Акрамя таго адзначаецца, што ў манаграфічным даследаванні онімы ў творах беларускай мастацкай літаратуры разглядаюцца “не толькі як словы для звычайнай ідэнтыфікацыі літаратурных персанажаў, аб’ектаў навакольнай рэчаіснасці”, але і з улікам іх прызначэння, што тлумачыцца “мастацка-эстэтычнымі мэтамі, жанравай спецыфікай твора, аўтарскай задумай, пэўнай сюжэтнай сітуацыяй” (с. 4).

Асноўная частка манаграфіі пачынаецца з выяўлення асаблівасцей анамастыкону аповесці Я. Коласа “Дрыгва”. Тлумачыцца сутнасць назвы твора, у якой сумяшчаюцца і прамое значэнне (‘багністая мясціна’), і сімвалічнае (*дрыгва* – увасабленне смерці для акупантаў, тых, хто імкнуўся паквапіцца на Палессе, занявольць яго народ). Паводле падліку вучонага, у творы выкарыстана больш за 130 самых розных онімаў, сярод якіх – назвы вёсак, мястэчак, хутароў, засценкаў (*Віркуцце, Высокая Рудня, Ганусы, Цернішчы, Макушы, Замосце*), гарадоў (*Петрыкаў, Рэчыца, Смаленск, Масква, Мазыр, Кіеў, Гомель, Астрахань, Варшава*), мікратапонімы (найменні ўрочышчаў, палёў, узгоркаў, сенажацяў, лугавін: *Глухі востраў, Гудараў лог, Доўгі брод*), гідронімы (*Днепр, Прыпяць*), урбанонімы (назвы астрагоў, касцёлаў і інш.: *Мазырскі астрог, Гарадышчанскі касцёл*) і інш.

Разглядаючы онімы, даследчык акцэнтуюе ўвагу на іх мастацкай ролі ў тэксе твора. У прыватнасці, адзначаецца, што некаторыя онімы ўжываюцца персана-

жамі ў скажонай форме – як своеасаблівы мастацкі прыём іх маўленчай характарыстыкі або сродак дасягнення камічнага эфекту (*Ангелька* – аказіянальны варыянт-дэмінітыў ад афіцыйнай назвы *Англія, Апонія* – літ. *Японія*).

Асобныя онімы (антрапонімы) у аповесці абыгрываюцца з асацыятыўна блізкімі словамі, у выніку чаго аднаўляецца ўнутраная форма аднаго з кампанентаў (зыходнага) паранамазійнай бінармы і ўтвараецца паранамазійны каламбур: *Букраў*: – Ты хто? – *Дарвідошка* – адказаў *прыведзены чалавек*. – *Дарвідошка ці дацягнідошка?* – *гэта няважна...* Дарвідошка, пакрыўджаны на Букрэа за тое, што той зрабіў спробу выявіць “сапраўдную” сутнасць яго прозвішча, пытаецца: *А калі б я быў... Данясібервяно, то ці не ўсё табе адно?* Утвораная персанажам складаная форма прозвішча абыгрываецца з зыходнай формай шляхам замены ў ёй кампанентаў (частак) іншымі, тэматычна або асацыятыўна звязанымі з імі. Такім чынам, прозвішча *Дарвідошка*, паводле В. Шура, “асацыятыўна ўзбагачанае” і “па структуры нагадвае выраз *адарві дошку*” (с. 12).

Выяўляецца адна з адметных асаблівасцей творчай манеры Я. Коласа – ужыванне ў аповесці антрапоніма або двух антрапонімаў (імя і прозвішча) у спалучэнні з тапанімічнай назвай як аднаго намінацыйнага цэлага: *Кандрат Круглы з Высокай Рудні; Марка Балук з-пад Цернішч; Цімох Будзік з вёскі Карначы* і інш.

Глыбока, з пранікненнем у сутнасць (унутраную форму) онімаў разглядаюцца гэтыя адзінкі ў раздзеле “Анамастыкон рамана Андрэя Мрыя «Запіскі Самсона Самасуя»”. На думку аўтара манаграфіі, наўрад ці ёсць у беларускай мастацкай літаратуры савецкага перыяду пісьменнікі, у творах якіх “так наглядна, паслядоўна і выразна, як у А. Мрыя, прасочвалася ўважлівае і мэтанакіраванае прадуманае стаўленне мастака да выбару онімаў, якія ў сваёй сукупнасці ствараюць анамастычную прастору цэлага твора з улікам аўтарскай канцэпцыі, жанру, мастацкага метаду, часу яго напісання, этнакультурнага рэгіёна, які абраны пісьменнікам як аб’ект мастацкага адлюстравання” (с. 20–21).

Для стварэння сатырычных вобразаў А. Мрый, як пераканаўча паказвае В. Шур, па-майстэрску выкарыстоўвае адпаведныя вербальныя сродкі. Так, у рамане шырока ўжываюцца гаваркія прозвішчы, большасць якіх утворана ад апелятываў – назваў рыб і іншых жывёлін. Такія прозвішчы, як правіла, камічна афарбаваныя, паколькі ў іх “ажыўляецца” значэнне і/або экспрэсія, характэрныя для апелятыўнай утваральнай асновы прозвішча: старшыня райвыканкама *Сом*, віны кантралёр *Смятана-Бурчайла*, старшыня прафбюро *Мілёнак*, справавод *Арон Шык*, сялянка *Суклета Жлоба*, ветфельчар *Бясхвосцік*, тэлефаніст *Свердзялюк*, селянін *Яўтух Абжэра*, “смазлівая божая цёлачка” *Анэля Цыцоха*, аграном *Агнісцік* і інш.

Гаваркія прозвішчы могуць стаць асновай стварэння каламбураў: абыгрываюцца семантычна празрыстыя онімы з сугучнымі адзінкамі. Параўн.: доктар *Крутагалоў* і фразеалагізм *адкруціць галаву* – ‘забіць, знішчыць’: “...доктарша ... паехала ў адпачынак, а доктар Крутагалоў (каб яму галаву адкруціла) паехаў на эпідэмію трасцы” (с. 28).

Удала абыграна ў рамане і прозвішча бухгалтара *Ліна*: “...толькі Торба паспрабаваў “зразумець” Ліна і абараніць прынцыпы вольнага каханья: – Ліна? Кожны з нас ліна...” Як справядліва адзначаецца ў манаграфіі, “у выніку таўталагічнага супастаўлення ўласнага і агульнага назоўнікаў агаляецца ўнутраная сутнасць семантычна выразнага і асацыятыўнага оніма” (с. 29), этымалагізуецца прозвішча, суадносіцца з прамым значэннем пакладзенага ў аснову яго апелятыва (*ліна*, як вядома, рыба тлустая, слізкая).

Для стварэння іроніі выкарыстоўваецца такі мастацкі прыём, як скажэнне натуральных беларускіх прозвішчаў: “*Куралата быў высокі, шкліетны чалавек, з безнадзейна выцягнутым абліччам, калі нас знаёмлі, першы назваў сябе Курыца з націскам на «ы»*” (с. 30).

Камічна афарбаваным з’яўляецца і прозвішча судзі *Торбы*, местачковага “філосафа”. Цалкам падзяляем думку В. Шура, што няма падстаў, як гэта лічаць некаторыя даследчыкі, дадзенае прозвішча словаўтваральна звязваць з апелятывам *торба* ў значэнні ‘невялікі мяшок’ (звычайна з саматканай тканіны). Сапраўды, семантыку апелятыва “трэба разумець крыху шырэі”: як сімвал жабрацтва, бо “мова местачковага філосафа давяла яго да торбы, пусціла з торбай па свеце” (с. 32).

Камічныя асацыяцыі выклікае і клічка пародзістай сучкі *Мілэдзі*, якая належала бухгалтару райвыканкама Ліну, паколькі ў свядомасці чытача яна звязваецца з экзатызмам *мілэдзі* (тытул знатнай замужняй жанчыны або жонкі лорда ў Англіі, а таксама ветліва-пачцівы зварот да яе).

У функцыі стварэння камічнага эфекту ўжываецца онім-наватвор *Тэрорчык* (сын Анэлі, жонкі начальніка міліцыі). Па-першае, гэтая форма мае не ўласцівы ёй ва ўзуальным ужыванні дэмінітыўны суфікс. Па-другое, імя “выразна кантрастуе з мясцовымі, пераважна “сялянскімі” гутарковымі імёнамі” (с. 34) іншых персанажаў з Шапялёўкі.

Шэраг анамастычных найменняў выкарыстаны ў рамане з сарказмам. Яскравым прыкладам можа быць *Лізка нацый* – назва Лігі нацый, якую Самсуі ўжыў (“каб быць больш зразумелым”), выступаючы перад сялянамі. У такім перайначванні, як справядліва адзначаецца ў манаграфіі, “этымалагізуецца онім”, першы яго кампанент збліжаецца з дзеясловам *лізаць* – перан. зневаж. ‘цалаваць’ (с. 35).

Разглядаючы анамастыкон у паэтычных творах У. Верамейчыка (“лірніка Палесся”), аўтар манаграфіі аналізуе шматлікія айконімы (назвы палескіх вёсак, мястэчак, іншых пасяленняў), мікратапонімы, урбанонімы, гідронімы – найменні, што яскрава адлюстроўваюць “асабліваці палескай флоры і фаўны, перадаюць гістарычную павязь пакаленняў, каларыт гераічнага і трагічнага мінулага і сучаснага” (с. 41). Звернута ўвага, што некаторыя гідронімы і айконімы набылі ў паэтычных творах сімвалічны змест і іншыя канатацыйныя прырашчэнні. Робіцца выснова, што паэтонімы выконваюць розныя мастацкія функцыі, напрыклад узмацняюць эмацыйны лад твораў (калі яны паўтараюцца або з’яўляюцца асновай рыфмы), выступаюць вызначальнымі тэкстаўтваральнымі адзінкамі і інш.

Прааналізаваныя ў працы прыклады яскрава сведчаць, што адна з адметных асаблівасцей у выкарыстанні анамастычных адзінак у паэтычных творах Г. Дашкевіч – адухаўленне, персаніфікацыя шматлікіх мясцовых айконімаў, гідронімаў, мікратапонімаў.

Належная ўвага ў манаграфіі надаецца разгляду онімаў і іх ролі ў мастацкіх творах знакамітага беларускага мовазнаўцы, майстра слова Ф. Янкоўскага, годным вучнем якога з’яўляецца і аўтар гэтага манаграфічнага даследавання – прафесар В. Шур. У прыватнасці, адзначаецца, што ў сваіх літаратурных творах Ф. Янкоўскі даволі прадумана (асэнсавана) выкарыстоўваў анамастычныя адзінкі, каб праз іх умела данесці да чытача “багаці чалавечых думак, прыгажосць і дасканаласць роднай мовы” (с. 71). Пісьменнік, які надзвычай тонка адчуваў роднае слова, у апошнія гады свайго жыцця выступаў супраць знявечання традыцыйных беларускіх назваў: “*Не Нёсвіж, а Нясвіж, не Рóгава, а Рагавá, не Асіпавічы, а Асіпóвічы, не Неман, а Нёман, не Талачыно́, а Талачы́н, не Мсціслаўль, а Мсціслаў. Няма падставы гаварыць і пісаць Браслаўль, а карыстацца назвай Браслаўе, як і Заслаўе*” (с. 68).

Як вынікае з манаграфіі, у мастацкіх творах пісьменнік спыняе ўвагу чытача на тых варыянтах беларускіх тапонімаў, імёнаў, якія з'яўляюцца тыповымі для беларусаў, засведчаны не толькі ў фальклорных запісах, але і ў іншых беларускіх пісьменнікаў. Параўн., напрыклад: *Навагрудчына* і *Наваградчына* (у Я. Коласа, Я. Брыля), *мінчанін* і *мінчук* (прозвішча *Мінчук*), *пінчанін* і *пінчук* (*Пінчук*); таксама: *градзянчук* і *Градзянчук*, *мазырчук* і *Мазырчук*.

Дзякуючы Ф. Янкоўскаму ў актыўны ўжытак увайшоў выраз “гаваркое слова”, якое не толькі называе пэўную рэалію, але і вобразна характарызуе яе. Да такіх слоў адносяцца як агульныя адзінкі (тыпу *пустадомак*, *дабрадзеі*), так і аनाмастычныя (напрыклад, *Мілавіца*, *Згода*, *Аснежыца*, *Гасцілавічы*, *Любань* і інш.).

Паводле назіранняў В. Шура, у творах пісьменніка можна знайсці разнастайныя лінгвістычныя, гістарычныя, этнаграфічныя каментарыі і тлумачэнні да такіх, напрыклад, анамастычных варыянтаў, як: *Гродна – Гародня*, *Наваградак – Навагрудак – Наваградчына*, *Петрыкаў – Петрыкоў*, *Маладзечна – Маладэчна*, *Слуцк – Слуцк – Слуцкчына*, *Орша – Ворша*, *Петрыкаўшчына – Петрыкоўшчына*, *Бярэзань – Беразіна – Беразіно*.

У манаграфіі ўпершыню ў беларускім мовазнаўстве аналізуюцца онімы як алюзійныя кампаненты мастацкага тэксту, г. зн. перанесеныя ў мастацкі твор з раней апублікаваных твораў іншых аўтараў. У выніку новаму персанажу перадаецца інфармацыя, замацаваная за сваім літаратурным папярэднікам. Параўн.: *Кашчэй* – іранічная мянушка панямонскага ўрадніка з трылогіі Я. Коласа “На ростанях” і міфалагічны *Кашчэй* – кашчавы і злы стары, які валодае таямніцай даўгавечнасці і незлічоным багаццем.

Шмат цікавых назіранняў можна знайсці ў раздзеле, прысвечаным комплекснаму даследаванню дваіных прозвішчаў, якія з'яўляюцца адмысловым мастацкім сродкам характарыстыкі персанажаў. Так, у драме Я. Коласа “Вайна вайне” сустракаецца дваіное экспрэсіўнае прозвішча, што складаецца з дзвюх “гаваркіх” частак, якія выклікаюць камічныя асацыяцыі, – *Будан-Рыльскі*: *Алесь*: *Будан-Рыльскі! Удаляе імя! Будан-Бруднае Рыла!* Параўн.: *будан* – ‘буда з галля’ і *рыла* (→ *рыльскі*) – ‘лыч у свінні’, а таксама груб. ‘твар чалавека’. В. Шур падрабязна разглядае сутнасць гэтага шляхецакага паводле структуры прозвішча, якое служыць для ідэнтыфікацыі зямскага начальніка, афіцэра царскай арміі, зацятага прыхільніка старога рэжыму. У прыватнасці, даследчык не без падстаў адзначае, што рэплікай Алеся драматург выяўляе “канатацыйны бок оніма”: у выніку супастаўлення кампанента антрапоніма (*Рыльскі*) з паранамазам *Рыла* гэтае “знешне высакароднае прозвішча” набывае зніжаную канатацыю і, такім чынам, “выразна кантрастуе з афіцыйным варыянтам гэтага сацыяльна падвышанага оніма” (с. 153, 154).

Кніга В. Шура зручная для выкарыстання, паколькі ў канцы яе ёсць паказальнік прааналізаваных онімаў (уласных імёнаў, прозвішчаў, мянушак, псеўданімаў). Яна вызначаецца тонкім, кваліфікаваным аналізам анамастычнага матэрыялу. Як вынікае з анатацыі, манаграфія разлічана на студэнтаў ВУ, навуковых супрацоўнікаў, аспірантаў, выкладчыкаў. Няма сумнення, што ў ёй шмат цікавага для сябе знойдзе таксама настаўнік роднай мовы і літаратуры, паколькі прааналізаваны фактычны матэрыял мае пэўнае дачыненне і да твораў для абавязковага або пазакласнага вывучэння ў сярэдняй школе.

Васіль Рагаўцоў, загадчык кафедры беларускай мовы
Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова,
доктар філалагічных навук, прафесар

ЗВЕСТКІ ПРА АЎТАРАЎ

- МІГУН**
Дзмітрый Адамавіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыка-культурнай спадчыны РІВШ
- АПЮК**
Тамара Уладзіміраўна – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гісторыі і культуры Беларусі МДУ імя А.А. Куляшова
- АНДРОСІК**
Станіслаў Анатольевіч – аспірант кафедры гісторыі новага і найноўшага часу БДУ
- ІГНАТОВІЧ**
Антон Яўгеньевіч – аспірант кафедры гісторыі новага і найноўшага часу БДУ
- ЗАБЛОЦКАЯ**
Марына Валянцінаўна – аспірант кафедры гісторыі і культуры Беларусі МДУ імя А.А. Куляшова
- КЛІМУЦЬ**
Лада Яраславаўна – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры ўсеагульнай гісторыі МДУ імя А.А. Куляшова
- БУРАКОВА**
Аляксандра Сяргееўна – аспірант кафедры гісторыі і культуры Беларусі МДУ імя А.А. Куляшова
- ДАНСКІХ**
Сяргей Уладзіміравіч – кандыдат культуралогіі, дацэнт, дацэнт кафедры культуралогіі ГрДУ імя Я. Купалы
- СУХАВЕРХАЎ**
Антон Уладзіміравіч – кандыдат філасофскіх навук, старшы выкладчык кафедры філасофіі Кубанскага дзяржаўнага аграрнага ўніверсітэта
- ЛАПШЫНА**
Тамара Вітальеўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры англійскага, агульнага і славянскага мовазнаўства МДУ імя А.А. Куляшова
- ПАПЕЙКА**
Анатоль Анатольевіч – кандыдат філалагічных навук, дацэнт, загадчык кафедры рускай мовы МДУ імя А.А. Куляшова
- ХАМЕНКА**
Кацярына Віктараўна – аспірант кафедры стылістыкі англійскай мовы МДЛУ
- ПЯСКОВА**
Вольга Барысаўна – аспірант кафедры замежнай літаратуры МДЛУ
- МАРТЫНАВА**
Вольга Міхайлаўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры рускай і замежнай літаратуры МДУ імя А.А. Куляшова
- РАГАЎЦОЎ**
Васіль Іванаевіч – доктар філалагічных навук, прафесар, загадчык кафедры беларускай мовы МДУ імя А.А. Куляшова

SUMMARIES

Androsik S.A. USA POLICY TOWARDS IRAN (1989 – 1997).

The article focuses on the USA foreign policy towards Iran. It analyses the relationship between the Republican and Democrat administrations, the continuity of the USA foreign policy towards Iran. Chronologically the research embraces the rule of Ali Akbar Hashemi Rafshahani, the president of the Islamic Republic of Iran.

Burakova A.S. ARTISTIC INTERPRETATIONS OF PARTISAN MOVEMENT DURING GREAT PATRIOTIC WAR AT BELARUSIAN MUSEUMS.

The article considers scientific planning of exhibitions dedicated to the partisan movement organization at the beginning of the Great Patriotic war. Analysing thematic and compositional aspects the author proves that the artistic interpretation of the subject depends on the political situation in the country. Thus in the expositions created in the 1940s – early 1950s Stalin's role in the formation of the partisan movement is accentuated. In later expositions (organized till the beginning of the 1990s) the leading role of the Communist party is evident. Nowadays the tendency towards a more objective interpretation of the partisan movement development is observed.

Donskikh S.V. MODERN SOCIAL AND CULTURAL PROCESSES IN THE CONTEXT OF "THE WORLD-SYSTEM THEORY".

In the article the characteristics and perspectives of social and cultural processes in the context of the World-System Theory by I. Wallerstein are featured. The author considers that while the modern global capitalistic World-Economy is in crisis it is not the "social class" but "ethno-nation" which is becoming the major form of social organization. The article discovers the peculiarities of "geoculture" both as a concept and as a phenomenon of the modern World-System. The author draws the conclusion that the most probable scenario of the modern global world development is not disintegration, but transformation of World-Economy into World-Empire.

Ignatovich A.Y. MUSLIM ORGANIZATIONS IN THE ACCEPTING SOCIETY OF GREAT BRITAIN.

The characteristics of the British Muslim organizations formation and activities are analyzed in the article. The main point is the absence of the organization representing common interests of the diverse British Muslim community. The change of the Muslim organizations role and importance in the country is mainly connected with the reaction of the accepting society (or its absence) to the events in the Muslim community of Great Britain.

Khomenko Y.V. THE ROLE OF TERMS IN CREATING THE TEXT CATEGORY OF INFORMATIVITY IN ENGLISH SCIENTIFIC DISCOURSE OF DIFFERENT GENRES.

The article is devoted to the contrastive analysis of four genres in English scientific discourse – an academic scientific-technical article, a scientific-popular article, a scientific-technical report at a conference and an academic lecture. The interrelationship between such text categories as informativity, the author and the addressee positions with the usage of power engineering terms is studied in the above mentioned genres. The basic tendencies in the degree of special terms concentration are considered in different genres of scientific discourse comprising three types of factual information (highly specialized, non-specialized, basic scientific information).

Klimut L.Y. CHARLES V LAWS FOR THE INDIES.

The article deals with making new laws for the Spanish colonies in Latin America during Charles V reign. Along with the analysis of the sources political, economic, and social factors affecting the imperial policy towards the Indian subjects of the Crown receives due consideration. The author stresses that defining a proper place for the Indians in the Empire was seen in Madrid as a necessary tool for strengthening the royal power in the colonies. The laws implemented by Charles V satisfied both ideological and practical needs of the Crown, notwithstanding their partial realization.

Lapshyna T.V. MOTIVATION OF BELARUSIAN AND ENGLISH ORNITONIMS.

The article deals with motivation of ornitonyms in the Belarusian and English languages. As the object of the investigation is motivation of names, special attention is focused on the term "word motivation". The author states that the process of motivation is always connected with the choice of the motivation ground. Taking into account the character of motivation the author singles out 7 groups of names based on the same feature realized in birds' names in the Belarusian and English languages.

Martynova O.M. TRADITIONS OF THE GERMAN NATIONAL THEATRE IN THE VOCAL PLAY "CLAUDINA VON VILLA BELLA" BY GOETHE.

The article is dedicated to the early creative work of Goethe and to his early vocal play "Claudina von Villa Bella" in particular.

The article STRESSES the idea of Goethe's close relationship both with folk songs and traditions of the German national theatre. Despite the statements of some West-European researchers about Goethe's borrowing of the plots and peripetias of the main characters' destinies from the traditions of other national theatres (in Spain, for example) the article proves that while creating his work Goethe relied on the well-established steady traditions of the German folk theatre and medieval spiritual plays.

Migun D.A. GERMANY PLANS FOR EASTERN EUROPE AND BELARUS ON THE THRESHOLD OF WORLD WAR II.

In the article the plans of the German Nazis concerning the territory and population of the Eastern Europe and Belarus during World War II preparation are analyzed. Basing his research on the new insufficiently explored documents the author tries to highlight this issue and to reveal the attempts of Germany to conquer and subdue Belarus and its population.

Opiok T.V. SOVIET UNION POLICY TOWARDS ORTHODOX CHURCH IN 1920 – 30s (MATERIALS OF MOGILEV REGION ARCHIVES).

The article deals with the measures and consequences of the economic and ideological pressure on the Orthodox Church in the 1920 – 30s. The analysis given by the author is based on the documents provided by the state archives in Mogilev region and on some other official sources.

Papeiko A.A. AUTHOR'S SONG BY YELENA KAZANTSEVA: SOME LANGUAGE CHARACTERISTICS.

The article deals with the examination of the author's song (considering Helen Kazantseva's lyrics) as a specific literary composition expressed in verse. Special attention is paid to the vocabulary, in particular to antonymy (in its broad sense) and various oppositions. The results of the research can be applied for further linguistic studies of author's song as well as in teaching lexicology, stylistics, theory of communication.

Peskova O.B. STYLISTIC INTERPRETATIONS OF A. HITLER'S IMAGE IN THE NOVELS "THE DESTINY OF THE OTHER" BY E.E. SCHMITT AND "HIMSELF" BY P. BESSON.

The article is devoted to the contrastive analysis of the stylistic means employed to interpret the image of A. Hitler in the novels "The Destiny of the Other" by E.E. Schmitt and "Himself" by P. Besson. The novels reflect upon the life of the nazism founder. Involving different stylistic means and devices, the authors touch upon the philosophical problem of moral choice, research the reasons of nazism emergence and spread. The novels are considered to be an urgent warning against the threat of nazism which seems a burning issue in the contemporary society with its focus on the analogies in the past and the research of dictatorship in particular.

Sukhoverkov A.V. SEMIOTICS AS THE BASIS FOR GENERAL THEORY OF MEMORY IN BIOLOGICAL AND SOCIAL SYSTEMS.

The article presents a project of general theory of memory that embraces primarily the research of biological and social memory. Semiotics as a general theory of sign systems is considered as the theoretical and methodological ground for the conception because semiotic and memory processes are synergic and reciprocally revealing (representing each other). It is stated that biological and social memory as well as their sign systems cannot be reduced only to material objects functioning within these systems as their signs (representers). Furthermore, it is proved that dynamic self-reproducing biological and social systems are memory and sign systems by nature because they continuously reproduce and are reproduced by them.

Zablotskaya M.V. VIEWS OF A.P. SAPUNOV AND V.K. STUKALICH ON THE HISTORY OF BELARUS SINCE ANCIENT TIMES TO THE BEGINNING OF THE XIX-TH CENTURY.

In the article the views of A.P. Sapunov and V.K. Stukalich (known historians, regional ethnographers, public and political figures) on the history of Belarus since ancient times to the beginning of the XIXth century and their estimation of the events which affected the development of the Belarusian nation are considered. Their conceptions on the formation of the statehood on the territory of Belarus, development of ethnic characteristics of the Belarusian people, wealth of their material and spiritual culture are noted down.

Пераклад тэкстаў рэфератаў артыкулаў
на англійскую мову
Я.В. Рубанава

Тэхнічны рэдактар *А.Л. Пазнякоў*
Камп'ютарны набор і вёрстка *А.Л. Пазнякоў*
Карэктар *Г.В. Цецерукова*

Падпісана да друку .08.2011 г.
Фармат 70x108^{1/16}. Папера афсетная. Гарнітура Petersburg.
Ум.-друк. арк. 8,4. Ул.-выд. арк. 7,0. Тыраж 100 экз. Заказ .

Установа адукацыі “Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя А.А. Куляшова”, 212022, Магілёў, Касманаўтаў, 1.
ЛІ № 02330/278 ад 30.04.2004 г.

Надрукавана ў аддзеле аператыўнай паліграфіі
УА “МДУ імя А.А. Куляшова”. 212022, Магілёў, Касманаўтаў, 1.